

2017 год

ISSN 1814-1692
DOI:<https://doi.org/10.31833.uav.2017>
Выпуск 17

УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук
Научно-исследовательский центр «Наследие»
Археологическое общество Республики Башкортостан

**УФИМСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

Выпуск 17
2017

*Институт истории, языка
и литературы
Уфимского научного
центра
Российской академии наук*

**УФИМСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

Выпуск 17. 2017

ISSN 1814-1692

DOI:

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Издается с 1998 г. 1 раз в год

Овсянников В.В.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к.и.н., ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Балабанова М.А.

доктор исторических наук, Волгоградский
государственный университет, Волгоград, Россия

Воробьева С.Л.

кандидат исторических наук, Национальный музей
РБ, Уфа, Россия

Гарустович Г.Н.

кандидат исторических наук, ИИЯЛ УНЦ РАН,
Уфа, Россия

Котов В.Г. зам.
главного редактора

кандидат исторических наук, ИИЯЛ УНЦ РАН,
Уфа, Россия

Нафиков Ш.В.

кандидат филологических наук, ИИЯЛ УНЦ РАН,
Уфа, Россия

Рафикова Я.В.

кандидат исторических наук, ИИЯЛ УНЦ РАН,
Уфа, Россия

Румянцев М.М.
отв. секретарь

ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа, Россия

Савельев Н.С. зам.
главного редактора

кандидат исторических наук, ИИЯЛ УНЦ РАН,
Уфа, Россия

Трейстер М.Ю.

доктор исторических наук, Германский
археологический институт, Бонн, Германия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хисамитдинова Ф.Г.
председатель

доктор филологических наук, ИИЯЛ УНЦ РАН,
Уфа, Россия

Березкин Ю.Е.

доктор исторических наук, МАЭ (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург, Россия

Боталов С.Г.

доктор исторических наук, ЮУрГУ, Челябинск,
Россия

Дэвлет Е.Г.

доктор исторических наук, Институт археологии
РАН, Москва, Россия

Крадин Н.Н.

доктор исторических наук, член-корреспондент
РАН, ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, Россия

Псянчин А.В.

доктор географических наук, ИИЯЛ УНЦ РАН,
Уфа, Россия

Самашев З.

доктор исторических наук, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

Сдыков М.Н.

доктор исторических наук, ЗКОЦИА, Уральск,
Казахстан

Сериков Ю.Б.

доктор исторических наук, НТГСПА, Нижний
Тагил, Россия

Фодор И.

доктор исторических наук, Венгерский нацио-
нальный музей, Будапешт, Венгрия

Адрес редакции: 450054,
г. Уфа, пр. Октября, д. 71.
Институт истории, языка и
литературы
Уфимского научного центра
Российской академии наук

© ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017
© Центр «Наследие», 2017
© РОО АО РБ, 2017
© Редколлегия УАВ, 2017

E-mail: uav_editorial@mail.ru
<http://www.uavestnik.ru>

*Research Institute for history,
language and literature of the
Ufa scientific center of the
Russian Academy of Sciences*

ISSN 1814-1692

DOI:

SCIENTIFIC JOURNAL
Published since 1998 once a year

Editorial Office Address: 450054,
Ufa, Oktyabrya Prospect, 71
Research Institute for history,
language and literature of the Ufa
scientific center of the Russian
Academy of Sciences

© Research Institute for history,
language and literature of the Ufa
scientific center of the Russian
Academy of Sciences, 2017
© Research Center «Heritage», 2017
© Archaeological Society of the
Republic of Bashkortostan, 2017
© Editorial board UAH, 2017

E-mail: uav_editorial@mail.ru
<http://www.uavestnik.ru>

THE UFA ARCHAEOLOGICAL HERALD

Issue 17. 2017

EDITOR-IN-CHIEF

Ovsyannikov V.V.
Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia

EDITORIAL BOARD

Balabanova M.	Dr. Habil, Volgograd State University , Volgograd, Russia
Vorobyova S.	Ph. D., National museum RB, Ufa, Russia
Garustovich G.	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Kotov V. <i>deputy editor</i>	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Nafikov Sh.	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Rafikova Y.	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Rumiantsev M. <i>executive secretary</i>	IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Savelev N. <i>deputy chief editor</i>	Ph. D., IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Treister M.	Dr. Habil, German archaeological institute, Berlin, Germany

EXECUTIVE EDITORS

Khisamitdinova F. <i>chairman</i>	Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Berezkin Y.	Dr. Habil, MAE (Kunstkamera) RAS, Saint-Petersburg, Russia
Botalov S.	Dr. Habil, SUSU, Chelyabinsk, Russia
Devlet E.	Dr. Habil, IA RAS, Moscow, Russia
Kradin N.	RAS Corresponding Member, IHAE FEB RAS, Vladivostok, Russia
Psyanchin A.	Dr. Sc. (Geograph), IHLL UFRS RAS, Ufa, Russia
Samashev Z.	Dr. Habil, IAM, Astana, Kazakhstan
Sdykov M.	Dr. Habil, WKRCHA, Uralsk, Kazakhstan
Serikov Y.	Dr. Habil, NTSSPA, Nizhny Tagil, Russia
Fodor I.	Dr. Habil, Hungarian National Museum, Budapest, Hungary

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Мосин В.С.

Радиоуглеродная хронология раннего неолита 5

Берсенева Н.А.

Детские захоронения в контексте погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Урала:
субъект или объект? 8

Таиров А.Д., Епимахов А.В.

Могильник Шатмантамак I в Милякинском районе Республики Башкортостан (результаты
раскопок 2015 года) 13

Савельев Н.С.

О происхождении убалацкого культурного типа в лесостепи Южного Приуралья 18

Таиров А.Д.

Кинжал с когтевидным навершием из Милякинского района Республики Башкортостан 39

Грудочки И.В.

Курганы с «усами». Этнокультурная ситуация в Урало-казахстанских степях V-VII вв. н.э. 42

Акбулатов И.М., Гарустович Г.Н.

Новые захоронения кушнаренковско-караякуповского типа в Башкортостане 50

В.А. Злыгостев

Загадка Субэдэй-багатура: мифы и реальность (по следам одной версии) 57

ПЕРСОНАЛИИ

Морозов Ю.А.

От школьного учителя до академика 65

Иванов В.А.

Геннадий Гарустович – каким я его знал 69

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

ARTICLES AND PUBLICATIONS

Mosin V.

Radiocarbon chronology of the early Neolithic in the Trans-Urals 5

Berseneva N.

Children's burials in the context of funeral rites of the bronze age period in the southern Urals: a
subject or an object? 8

Tairov A., Epimahov A.

Shatmantak I burial ground located in Miyki district of the Republic of Bashkortostan (on the
results of archaeological excavations 2015) 13

N. Savelev

A contribution to the origin of ubalar cultural type in the forest-steppe of Southern Cisurals 18

Tairov A.

The dagger with the claw-shaped head from Miyaki district of the Republic of Bashkortostan 39

Grudochko I.

Mound with “moustaches”. On the ethnocultural situation in the Ural-Kazakhstan steppes during
the V-VII centuries AD 42

Akbulatov I., Garustovich G.

New burial of kushnarenkovo and karayakupovo types on the territory of Bashkorstan 50

Zlygostev V.A.

The mystery of Sybeday-bagatur: myths and reality (keeping the track of one version) 57

PERSONALITY

Morozov Y.

From the school teacher to the academician 65

Ivanov, V.

Gennady Garustovich – Who I know him 69

LIST OF ABBREVIATIONS

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ РАННЕГО НЕОЛИТА ЗАУРАЛЬЯ

В.С. Мосин

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE EARLY NEOLITHIC IN THE TRANS-URALS

V. Mosin

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, керамика, ранний неолит, керамические традиции

Публикуются итоги анализа радиоуглеродных дат, относящихся к раннему этапу неолита Зауралья. Исходная база данных содержит как уже известные даты, так и новейшие, полученные в последние годы. Помимо традиционных радиоуглеродных датировок привлечены данные, полученные AMS методом из зарубежных лабораторий. Новые данные позволяют существенно удревнить начало неолита на территории Зауралья.

Keywords: radiocarbon dating, ceramics, the Early Neolithic, pottery traditions

The article presents main results of radiocarbon dating referred to the Early Neolithic period in the Trans-Urals. Initial database contains both already known dates and the newest, recently obtained results. Apart from dates collected using traditional methodology the report comprises evidence from foreign laboratories, received via AMS technology. This new data allows to reattribute the beginning of the Neolithic in the Trans-Urals to much earlier period.

Проведенные не так давно анализ и обобщение всех имеющихся радиоуглеродных дат, относящихся к неолитическому периоду Урала, позволили более определенно обозначить хронологические рамки раннего и позднего периодов неолита и получить базу для дальнейших исследований [Выборнов и др., 2014]. Большое внимание в последнее время уделяется раннему этапу неолита, получившему название «неолитизация». На Урале этот процесс, прежде всего, связан с распространением керамического производства. Хронологические реперы появления керамики на Урале пока достаточно спорны, поэтому появление новых дат по раннему неолиту вызывает большой интерес у исследователей. Свидетельством этому является проведенный 13-15 марта 2017 г. в г. Екатеринбург научно-практический семинар «Керамические комплексы раннего неолита Зауралья и Западной Сибири».

К настоящему времени в Зауралье для раннего неолита известно 93 радиоуглеродные даты, полученных по различным материалам (уголь, органика в керамике, нагар, кость) с 14 памятников. Представительные серии по отдельным памятникам практически отсутствуют, за исключе-

нием Кокшаровского холма, с которого получено 29 датировок. По остальным памятникам количество дат распределено следующим образом: Нижнее озеро III – 11, Усть-Вагильский холм – 8, Кочегарово I – 8, Варга 2 – 6, Мергенъ 7 – 6, Шайдурихинское 5 – 4, Береговая 2 торфяниковая – 4, Исетское Правобережное – 4 и далее по убыванию. Больше всего дат получено по углю – 36, по органике в керамике – 28, по нагару на керамике – 8 и остальные по кости, обугленному дереву, предметам из кости и рога. Необходимо также отметить, что большинство определений сделано для памятников лесной зоны Зауралья. Серия раннего неолита для лесостепной зоны состоит из 10 датировок по образцам с двух памятников: Кочегарово I – 8 дат для керамики козловской традиции (две из них AMS – по нагару) и Ташково III – 2 даты для кошкинской традиции (одна по углю и одна по керамике).

Кошкинская керамическая традиция раннего неолита Зауралья имеет 36 датировок, большая часть которых (29) происходит с Кокшаровского холма. Ранее проведенные исследования предлагали вести отсчет для этой традиции с конца VII тыс. до н.э. [Выборнов и др., 2014]. Серия

Рис. 1. Фрагмент керамики с поселения Кочегарово I

достаточно неоднозначна, и захватывает продолжительный период от 7150 ± 100 (LE-8901) до 5840 ± 90 (Ki-16169) или 6210-4800 calBC, то есть почти 1500 лет, что вызывает обоснованные сомнения у специалистов.

В последнее время получены новые даты по кости, нагару и обугленному дереву, в том числе и с помощью AMS метода, что позволило вернуться к обозначенной проблеме. Так, на стоянке Береговой II торфяниковой из неолитического слоя, зафиксированного стратиграфически, было получено 4 даты: по углю – 6990 ± 40 (GIN-14125), по изделию из рога лося (клевец) – 7278 ± 34 (AAR-14548), по нагару на керамике кошкинской традиции – 7320 ± 38 (AAR-14833) и 7325 ± 40 (KIA-42074) [Zaretskaya et al., 2012; Жилин, Савченко, 2014]. На поселении Мергень 6 из жилищ, в которых найдена керамика кошкинской традиции, получены две даты по костям животных: 7321 ± 33 (OxA 27615) и 7147 ± 38 (OxA 27706), а также дата по органике в керамике – 7290 ± 140 (Ki - 17070) [Зах, Еньшин, 2015]. Показательно то, что даты по костям животных и по органике в керамике практически совпали.

Вновь полученные данные позволили вернуться к некоторым датировкам с Кокшаровского холма, которые ранее не учитывались в статистике, поскольку представлялись очень удревненными. Это три даты по углю из построек, в которых обнаружена керамика кошкинской традиции: 7440 ± 200 (LE-7882), 7450 ± 450 (LE-7884), 7560 ± 200 (LE-7880) и одна дата по органике в керамике – 7610 ± 80 (Ki-16386) [Шорин, Шорина, 2011].

В определенной степени «промежуточными» являются материалы со стоянки Варга 2, поскольку там присутствует керамика как кошкинской, так и козловской традиций раннего неолита. Со стоянки было получено 6 дат: одна по дереву – 6850 ± 60 (GIN-12990), три по обугленному дереву – 6970 ± 70 (GIN-13849), 6970 ± 40 (GIN-13852), 7080 ± 70 (GIN-13855), одна по сапропелю – 7010 ± 50 (GIN-13860) и одна по нагару на керамике козловской традиции – 7106 ± 35 (AAR-14837).

Козловская традиция раннего неолита Зауралья имеет в настоящее время 32 датировки с 9 памятников. Серия также неоднозначна, как и кошкинская, и покрывает период от 7106 ± 35 (AAR-14837) – Варга 2, до 5370 ± 80 (Ki-15873) – Исетское Правобережное или 6020-4700 calBC, то есть более чем 1300 лет, практически также? как и у кошкинской традиции. Козловская традиция Зауралья доживает до позднего неолита и встречается в некоторых памятниках вместе с посудой полуденской поздненеолитической традиции. Так, на поселении Мергень 7 было получено 6 дат: две по органике в керамике – 5520 ± 120 (Ki-17081) и 5720 ± 140 (Ki-17074) и четыре по углю – 5705 ± 95 (COAH 8898), 5765 ± 95 (COAH 8899), 5790 ± 115 (COAH 8897), 5975 ± 100 (COAH-8900) [Зах, Еньшин, 2015].

Таким образом, на уровне сегодняшних данных можно констатировать, что кошкинская традиция в Зауралье появляется в хронологическом промежутке 6640-6220 calBC, т.е. в середине VII тыс. до н.э., что в целом, соответствует современным представлениям о начале неолита в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы и Урала. Даты для козловской традиции несколько моложе – 6030-5890 calBC, т.е. конец VII – начало VI тыс. до н.э. Впрочем, причиной этому может быть недостаточное количество и качество продатированных образцов. Кроме приведенных выше данных есть еще серия дат, пока не поддающихся объяснению из-за слишком удревненных значений:

7660 ± 37 (KIA) – Усть-Вагильский холм – нагар (crust)

7735 ± 40 (KIA) – Усть-Вагильский холм – нагар (crust)

7583 ± 38 (KIA) – Усть-Вагильский холм – нагар (crust)

- 7500 ± 145 (COAH-6200) – Нижнее озеро III ж. 3. – уголь
 7680 ± 110 (COAH-6202) – Нижнее озеро III ж. 3. – уголь
 7695 ± 170 (COAH-6201) – Нижнее озеро III ж. 3. – уголь
 7735 ± 90 (COAH-6203) – Нижнее озеро III ж. 3. – уголь

Как уже отмечалось выше, большинство приведенных данных относится к памятникам лесной зоны Зауралья. Серия раннего неолита лесостепной зоны состоит из 10 датировок по образцам с двух памятников: Кочегарово I – 9 дат для керамики козловской традиции (две из них AMS – по нагару) и Ташково III – 2 даты для кошклинской традиции (одна по углю и одна по керамике). Наиболее раннее значение – (SPb-2153) 6910 ± 70 BP – 5850-5726 calBC получено для образца с поселения Долговское – ямка Д-5 (уголь) на полу жилища, содержавшего посуду козловской традиции. Также ранняя дата 6619 ± 38 BP – 5615-5525 calBC была получена в

лаборатории университета Аризоны по нагару на керамике козловской традиции с поселения Кочегарово I (рис. 1).

Сравнивая даты для кошклинской традиции с поселения Ташково III – 6470 ± 90 BP – 5490-5320 BC и 6380 ± 120 BP – 5590-5070 BC с датировками памятников с кошклинской керамикой лесной зоны Зауралья следует признать, что они представляются достаточно поздними.

Заключение

В результате проведенного анализа новых радиоуглеродных дат были получены новые, принципиально важные результаты. Во-первых, отмечена тенденция к удревнению неолитического периода в Зауралье. Его начало может быть отнесено к середине VII тыс. до н.э. Во-вторых, по имеющимся на настоящий момент датам, наиболее ранней можно считать кошклинскую керамическую традицию. В-третьих, отмечен явный недостаток радиоуглеродных датировок для лесостепной зоны Зауралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 1(57). С. 33-48.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника // Труды IV (ХХ) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань, 2014. С. 255-259.

Зах В.А., Еньшин Д.Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2(62). Т. 6. С. 34-43.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиокарбонные даты Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2011. С. 249-254.

Zaretskaya N.E. Sönke Hartz, Thomas Terberger, Savchenko S.N., Zhilin M. Radiocarbon Chronology of the Shigir and Gorbunovo Archaeological Bog Sites, Middle Urals, Russia // Proceedings of the 6th International Radiocarbon and Archaeology Symposium. Ed. by E. Boaretto and N.R. Rebollo Franco. RADIOCARBON. Vol. 54. Nr 3-4. 2012. P. 783-794.

REFERENCES

Shorin A.F., Shorina A.A. Radiorkarbonnye daty Koksharovskogo kholma [Radiocarbon dating of Koksharovskiy hill] // Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 26. Ekaterinburg; Surgut: Izd-vo «Magellan», 2011. P. 249-254.

Vybornov A.A., Mosin V.S., Epimakhov A.V. Khronologiya ural'skogo neolita [The chronology of the Neolithic in the Urals] // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2014. Vyp. 1(57). P. 33-48.

Zakh V.A., En'shin D.N. K voprosu o neolitizatsii v lesostepi Zapadnoi Sibiri [On the question of “neolithization” in the forest-steppe zone of Western Siberia] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №2(62). T. 6. P. 34-43.

Zaretskaya N.E. Sönke Hartz, Thomas Terberger, Savchenko S.N., Zhilin M. Radiocarbon Chronology of the Shigir and Gorbunovo Archaeological Bog Sites, Middle Urals, Russia // Proceedings of the 6th International Radiocarbon and Archaeology Symposium. Ed. by E. Boaretto and N.R. Rebollo Franco. RADIOCARBON. Vol. 54. Nr 3-4. 2012. P. 783-794.

Zhilin M.G., Savchenko S.N. Mnogosloinye mezoliticheskie stoyanki Gorbunovskogo torfyanika [Numerous Mesolithic sites of Gorbunovo peat-bog] // Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani. T. I. Kazan', 2014. P. 255-259.

ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА: СУБЪЕКТ ИЛИ ОБЪЕКТ?¹

Н.А. Берсенева

CHILDREN'S BURIALS IN THE CONTEXT OF FUNERAL RITES OF THE BRONZE AGE PERIOD IN THE SOUTHERN URALS: A SUBJECT OR AN OBJECT?¹

N. Berseneva

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, детские погребения, объект, субъект

Работа посвящена интерпретации детских парных и коллективных погребений бронзового века Южного Урала (XXI-XV вв. до н.э.). Детские захоронения этого периода выделяются своей многочисленностью и вариативностью по сравнению с другими эпохами. Их можно рассматривать и как погребения самостоятельных субъектов, «культурно-созданных» индивидов, и как примеры (результаты) манипуляций с ребенком-объектом со стороны взрослых. Таким образом, в обществах Южного Урала эпохи бронзы не было единой практики посмертного обращения с детьми, с ними обращались в зависимости от обстоятельств: как с объектами или как с субъектами, вкладывая различный смысл в разные типы погребений. Большое количество детей на памятниках исследуемого периода может объясняться их ценностью для коллектива, возможно, сакрального характера.

Keywords: the Bronze Age, Southern Urals, children's burials, an object, a subject

This article is devoted to the study of paired and collective burials of children related to the Bronze Age in the Southern Urals (XXI-XV centuries BC). In comparison with the other times, children's graves of this period are characterized by variability and multiplicity. Such graves could be classified both as the burials of independent subjects, or as the examples of manipulations with a kid, thus treated as an object, processed by adults. Hence, we conclude that there was no universal attitude to children after death in the South Ural communities of the Bronze Age. Infants were treated as subjects or as objects depending on the circumstances and therefore, different types of children's burials had different implications. A large number of kids found on the archaeological sites referred to the analyzed period could be explained by their exceptional, probably sacral, role for the collective.

В современной науке считается общепринятым, что возрастные, гендерные и прочие социальные категории представляют собой культурные конструкции, которые создаются в рамках общественных норм и стереотипов [Diaz-Andreu et al., 2005]. Следовательно, археология может попытаться изучить эти структуры, основываясь на сохранившихся данных материальной культуры – археологических источниках. Главными источниками, предоставляющими нам информацию о древних людях, являются погребальные памятники, так как именно там мы имеем дело непосредственно с индивидом. Долгое время информация, содержащаяся в антропологических останках, систематически недооценивалась археологами, и не только в отечественной науке.

В последние десятилетия ситуация изменилась, и сейчас человеческое тело воспринимается как ценный и независимый источник информации для реконструкции образа жизни умершего, его родственных связей, системы питания, региона происхождения и многих других аспектов его жизни и смерти [Gowland, 2013].

Однако человеческое тело представляет для археологов интерес не только с биологической точки зрения. Реконструкция погребальных норм древних людей полагается также и на контекст находок. По мнению ряда исследователей, в археологии слишком глубоко укоренилась идея о разделении погребального комплекса на две оппозиции: человек и артефакты, или субъект (продукт культуры) и сопровождающие его предметы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

ты (продукты материального мира) [Sofaer, 2006. Р. 62-63]. Гораздо реже археологи обращаются в своих интерпретациях к противоположной проблеме – насколько люди могут быть подобны предметам? Тело человека после смерти становится объектом манипуляций со стороны живых в той же мере, что и окружающие его предметы. Следовательно, более продуктивно не противопоставлять «тело как артефакт» и «тело как продукт жизненного цикла и социальной структуры», а исследовать обе стороны медали. Тогда изучение человеческого тела «как объекта» будет иметь скорее позитивные, чем негативные коннотации [Sofaer, 2006. Р. 88].

В данной статье мне бы хотелось рассмотреть детские захоронения эпохи бронзы Южного Урала не только как погребения субъектов, «культурно-созданных» индивидов, но и как объекты манипуляций. Общеизвестно, что количество детских захоронений в указанный период велико, и типы их варьируют. Особенно вариабелен синташтинский погребальный обряд. Детей размещали в могильниках вместе с взрослыми, с другими детьми, индивидуально, а иногда на поселениях [Vinogradov, 2013]. Петровские погребения, несмотря на то, что кажутся более простыми, представлены в общем теми же типами, исключая крупные детские усыпальницы [Берсенева, Куприянова, 2015]. В срубно-алакульский период обряд в целом упрощается и преобладают индивидуальные детские ямы, но известны, тем не менее, парные и тройные захоронения, а также погребения детей и взрослых в одной могильной яме [Куприянова, Зданович, 2015; Рафиков, 2008]. Кроме того, продолжают практиковаться захоронения на поселениях.

Представляется, исследователь должен задать себе вопрос: почему так много разнообразных способов обращения с детьми после смерти в одном и том же обществе? Всегда ли с умершим ребенком поступали как с «культурно-созданным» субъектом, или он мог быть размещен в могильной яме в качестве объекта, подобно погребальному инвентарю?

Очевидно, что детские индивидуальные могильные ямы предназначались для захоронения конкретного ребенка, и в этом случае он, вероятнее всего, выступал как субъект погребения. Гораздо сложнее выглядит ситуация с неиндивидуальными погребениями.

Прежде всего, коллективная форма сама по себе должна допускаться системой верований и, вероятно, представлениями о сути обрядов перехода. Церемонии совершались для нескольких покойных разом, значит, между ними или существовала раньше, или создавалась новая связь, и в это вкладывался определенный смысл. Люди, связанные в жизни, могли мыслиться таковыми и

после смерти, поскольку их «души» вместе преодолевали все ритуалы. Дети в этом случае могли служить «медиаторами», проводниками в иной мир, так как были теснее связаны с предками и сами относительно недавно пребывали в неком потустороннем мире.

Если погребальная практика допускает совместные захоронения наряду с индивидуальными, то время от времени живые оказываются перед выбором: как хоронить умерших? Первый вариант – предположительно весеннее погребение покойников, хранящихся с зимы. Возможно, синташтинское население предпочитало именно этот способ и хоронило покойных в больших коллективных ямах, принимая во внимание семейно-родственные связи (например, крупные детские усыпальницы могильников КА-5, Большекараганский [Епимахов, 2005; Зданович, 2002]).

Второй вариант – «случайная» и/или «естественная», относительно одновременная смерть нескольких человек, семьи или родственников. Теоретически, в этом нет ничего невозможного, и некоторые погребения выглядят именно как захоронения родителей и детей [Берсенева, 2015] или матери и ее новорожденных младенцев [Петров, Куприянова, 2016].

Но встречаются могильные ямы, в которых тело ребенка можно рассматривать как объект, одну из составляющих погребального ансамбля. В одном из захоронений могильника Бестамак тело ребенка (около 2 мес.) занимало «подчиненное» положение по отношению к телу взрослого мужчины – в ногах [Логвин, Шевнина, 2013]. Несмотря на то, что рядом с ним были кости жертвенного животного и бронзовое тесло, маленькое тело выглядит скорее как часть жертвенного комплекса, нежели как субъект захоронения с принадлежащими ему предметами. Погребение маленького ребенка (1,5-2 года) с двумя писалиями в районе стоп в крупном тройном колесничном погребении могильника Степное-1 можно интерпретировать в том же ключе [Куприянова, 2016. Рис. 14]. В первом случае авторы склонны рассматривать тело младенца как жертвоприношение предполагаемого раба [Логвин, Шевнина, 2013. С. 358], но это вовсе необязательно. Смерть ребенка могла не быть насилиственной, а если и была, такая кончина все равно могла бы рассматриваться как ценный подарок богам или предкам, как вотивное приношение потустороннему миру [Crawford, 2007. Р. 89; Garwood, 2007. Р. 73].

Парные или коллективные детские усыпальницы также не всегда могут быть объяснены «одновременной и естественной» смертью нескольких детей. Погребения детей «в позе объятий» выглядят особенно интригующе. Наиболее

показательны захоронения на памятниках Кульевчи VI [Виноградов, 1998], Селивановский II [Рафикова, 2008], Степное VII [Куприянова, 2015]. Эти погребения по аранжировке и составу инвентаря абсолютно аналогичны погребениям взрослых «в позе объятий». Индивид на правом боку практически всегда имел полный набор бронзовых украшений, при этом пара сопровождалась еще одним или двумя покойными. Погребения «в позе объятий» сейчас интерпретируются как захоронения супружеских пар (взрослые) [Рафикова, 2008. С. 81], или будущих супружеских пар (дети). Некоторые исследователи придерживаются следующего мнения: эта позиция скорее воплощала идею «священного брака», нежели отражала реальный [Куприянова, 2015. С. 91]. Такая интерпретация представляется приемлемой, но умерли ли покойные (часто 3-4 человека) «одновременно и естественно»? Достаточно ли было простой смерти супружеских пар с относительно небольшим временным промежутком для создания подобного захоронения или этого требовали какие-то обстоятельства, сложившиеся в жизни сообщества?

Можно интерпретировать такие погребения, особенно детские (они не могли еще быть супружескими, но имитировали и/или замещали взрослых мужчину и женщину), как своего рода жертвенные комплексы, устроенные не для того, чтобы отразить социальную идентичность умерших, а с целью передать послание богам или потусторонним силам. Скорее всего, эти комплексы формировались в какое-то трудное для сообщества время, когда люди пытались привлечь внимание небес к своим проблемам. С детьми в таком случае обращались как с предметами: уложили в определенной позиции, одного из них, вероятно,

девочку, богато украсили. Данные погребения выглядят высоко сакрализованными – они не просто результат обряда удаления умерших детей от живущих сородичей. С этой точки зрения уникальный курган 1 Селивановского II могильника [Рафикова, 2008], где из 14 могильных ям было исследовано шесть (!) парных и коллективных усыпальниц, содержащих захоронения взрослых и детей «в позе объятий», определенно можно расценивать как жертвенный комплекс, а не как кладбище с отдельными могилами. Трудно себе представить, чтобы все одновременно погребенные люди и умерли одновременно естественной смертью, что это простое совпадение.

Очевидно, что невозможно объяснить причины разных форм взаимодействия с умершими в рамках единой гипотезы или концепции. Этнография предлагает множество примеров различного обращения с различными покойниками внутри даже одного сообщества [Ucko, 1969]. Особенно это касается отдаления умерших детей, так они не имели, в силу возраста, широких социальных связей. В каждом конкретном случае живущими родственниками, скорее всего, в рамках семьи, принималось решение: похоронить ли ребенка индивидуально или нет, в могильнике, на поселении или где-то еще. Также нет ничего невозможного в том, что в критических или иных обстоятельствах у ребенка могла быть отнята жизнь во благо всего сообщества, в качестве дара богам, для поддержания естественного порядка вещей. В обществах бронзового века Южного Урала не было единой практики посмертного обращения с детьми. С ними обращались в зависимости от обстоятельств: как с объектами или как с субъектами, вкладывая различный смысл в разные типы погребений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берсенева Н.А. «Семейные» (?) погребения синташтинской культуры (эпоха бронзы Южного Урала) // Казахское ханство в потоке истории: Сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 335-341.

Берсенева Н.А., Куприянова Е.В. Детские погребения петровской культуры Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 59-61.

Виноградов Н.Б. Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кульевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М. – Магнитогорск, 1998. С. 186-202.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5) Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Зданович Д.Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. 216 с.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

Логгин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху не-

зависимости: итоги, перспективы. Мат. междунар. конф. 12-15 декабря 2011. г. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 349-359.

Petrov F.N., Kupriyanova E.V. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997-2015 гг. М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. 148 с.

Rafikova Ya.B. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Заураля и проблема парных захоронений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. № 4. С. 72-83.

Crawford S. Companions, Co-incidences or Chattels? Children in the Early Anglo-Saxon Multiple Burial Ritual // Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 83-92.

Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S., Edwards D. The Archaeology of Identity. Approaches to gender,

age, status, ethnicity and religion. London and New York: Routledge, 2005. 171 p.

Garwood P. Vital Resources, Ideal Images and Virtual Lives: Children in Early Bronze Age Funerary Ritual // Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 63-82.

Gowland R., Thompson T. Human Identity and Identification. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 225 p.

Sofaer J.R. The Body as Material Culture. A Theoretical Osteoarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 188 p.

Ucko P.J. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. 1969. Vol. 1. P. 262-290.

Vinogradov N.B., Berseneva N.A. Intramural Burials of Children at Bronze Age sites in the Southern Urals (early 2nd millennium BC) // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 41/3. 2013. P. 59-67.

REFERENCES

Berseneva N.A. «Semeinye» (?) pogrebeniya sintashtinskoi kul'tury (epokha bronzy Yuzhnogo Urala) [“Family” (?) burials of the Sintashta Culture (the Bronze Age period in the Southern Urals)] // Kazakhskoye khanstvo v potoke istorii: Sb. nauchnykh statei, posvyashennyyi 550-letiyu obrazovaniya Kazakhskogo khanstva / Gl. red. B.A. Bajtanaev. Almaty, 2015. S. 335-331.

Berseneva N.A., Kupriyanova E.V. Detskie pogrebeniya petrovskoi kul'tury Yuzhnogo Zauraliya [Children's burials of the Petrovka Culture in the Southern TransUrals] // Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Chelyabinsk, 2015. S. 59-61.

Crawford S. Companions, Co-incidences or Chattels? Children in the Early Anglo-Saxon Multiple Burial Ritual. Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 83-92.

Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S., Edwards D. The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. London and New York: Routledge, 2005. 171 p.

Epimakhov A. V. Rannie kompleksnye obshchestva severa Zentralnoi Evrasiy (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) [Early complex societies of the Northern part of Central Eurasia (a study based on the materials from a burial ground Kamenny Ambar-5)]. Chelyabinsk: Chelyabinskii Dom Pechati, 2005. 192 s.

Garwood P. Vital Resources, Ideal Images and Virtual Lives: Children in Early Bronze Age Funerary Ritual. Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 63-82.

Gowland R., Thompson T. Human Identity and Identification. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 225 p.

Kupriyanova E.V. Pogrebal'nye praktiki epokhi Bronzy Yuzhnogo Zaural'ya: Mogil'nik Stepnoye-1 [Burial rites of the Southern TransUral societies during the Bronze Age period: based on Stepnoye-1 burial ground]. Chelyabinsk: Enziklopediya, 2016. 119 s.

Kupriyanova E.V., Zdanovich D.G. Drevnosti Lesostepnogo Zaural'ya: Mogil'nik Stepnoye VII [Antiquities of forest-steppe TransUrals: Stepnoye VII burial ground]. Chelyabinsk: Enziklopediya, 2015. 196 s.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Ob odnom sintashtiskom pogrebal'nom komplexe mogil'nika Bestamak [On the Sintashta burial complex located at the Bestamak burial ground] // Arheologiya Kazahstana v ehpohu nezavisimosti: itogi, perspektivy. Mat. mezhdunar. konf. 12-15 dekabrya 2011. g. Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2013. S. 349-359.

Petrov F.N., Kupriyanova E.V. Poseleniya epokhi bronzy v Arkaimskoi doline: po resul'tatam pazvedochnykh issledovanii 1997-2015 gg. [The Bronze Age settlements of Arkaim valley: a report based on the results of archaeological surveys in 1997-2015]. M.: Moskovskii oblastnoi obshchestvennyi fond “Nasledie”, 2016. 148 s.

Rafikova Ya.V. Srubno-Alakul'skii kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz Yuzhnogo Zaural'ya i problema parnykh zakhoroneniya epokhi bronzy [A mound of the Srubno-Alakul' culture located on the territory of Selivanovsky II burial ground

(Southern TransUrals): on the problem of the Bronze Age paired burials] // Rossiiskaya arkheologiya. 2008. № 4. S. 72-83.

Sofaer J.R. The Body as Material Culture. A Theoretical Osteoarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 188 p.

Ucko P.J. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains. World Archaeology. 1969. Vol. 1. P. 262-290.

Vinogradov N.B. Novye materialy dlya rekonstruktsii oblika odezhdy alakul'skikh zhenshin (po resul'tatam izycheniya mogil'nika Kulevchi VI) [New materials applied for the clothes reconstruction of the Alakul' women (based on the study of

Kulevchi VI cemetery)] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. Vyp. VI. M. – Magnitogorsk, 1998. S. 186-202.

Vinogradov N.B., Berseneva N.A. Intramural Burials of Children at Bronze Age sites in the Southern Urals (early 2nd millennium BC) // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 41/3. 2013. P. 59-67.

Zdanovich D.G. Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekarakanskogo mogil'nika) [Arkaim: necropolis (based on the materials of mound 25 located on the territory of Bol'shekarakansky burial ground)]. Kn. 1. Chelyabinsk: Uzhno-Ural'skoe kn. Izd-vo, 2002. 216 s.

МОГИЛЬНИК ШАТМАНТАМАК I В МИЯКИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2015 ГОДА)¹

А.Д. Таиров, А.В. Епимахов

SHATMANTAK I BURIAL GROUND LOCATED IN MIYAKI DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN (ON THE RESULTS OF ACHAEOLOGICAL EXCAVATIONS 2015)¹

А. Tairov, A. Epimahov

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, срубная культура, пограничье культурных миров
Работа посвящена введению в научный оборот результатов археологических раскопок могильника Шатмантамак I. Исследование кургана 1 позволило выявить детали погребальной архитектуры и обрядности населения бронзового века. Исследован редкий пример погребения срубной культуры (17-15 вв. до н.э.) без могильной ямы, а также впускное детское погребение финальной части эпохи бронзы.

Keywords: archaeology, the Bronze Age period, the Srubna culture, cultural frontier
The article is aimed at the scientific acknowledgement of key results referred to archaeological excavations of Shatmantak I burial ground. A study of barrow 1 has allowed researchers to identify some details concerning funeral rites and architecture of the Bronze Age populations. Among the investigations presented in this report: a rare example of the Srubna culture burial mound (17-15 centuries BC) without a bone chamber and also an inlet child's burial of the late Bronze Age period.

Бронзовый век в предуральской части Башкортостана является собой парадоксальную картину. С одной стороны, объекты, относящиеся к этой эпохе, представлены едва ли не повсеместно, с другой, интерес к их изучению в последние годы существенно ослабел. Не в последнюю очередь это связано с огромным количественным преобладанием древностей срубной культуры [АКБ, 1976; ИБН, 2009]. Последние же, особенно по части погребальной обрядности, характеризуются феноменальной унификацией, если не сказать, монотонностью. Это порождает иллюзию, что информационный потенциал таких объектов крайне низок. Действительно, обращение к материалам старых раскопок способно привести в уныние, а в ряде случаев ощущается остreyший недостаток деталей и анализов. Например, крупнейший Старо-Ябалаклинский могильник срубной культуры располагает лишь двумя десятками антропологических определений [Горбунов, Морозов, 1991]. Надо ли говорить, что мультидисциплинарность уже стала нормой для современной археологии, а степень аргументированности выводов в значительной степени

определяется числом и разнообразием аналитических процедур. Для территории близкого степного Предуралья картина выглядит не столь мрачно, хотя в основном за счет материалов, полученных в XXI веке [Купцова, 2016].

Таким образом, введение в научный оборот новых данных способно постепенно изменить ситуацию к лучшему. Особенно это актуально для районов, где не проводились стационарные исследования, либо масштаб их был незначителен. К таковым можно уверенно отнести Милякинский район Республики Башкортостан; здесь в понимании эпохи бронзы сделаны только первые шаги. Судя по многочисленности случайных находок [Епимахов, 2016], район достаточно плотно был заселен в эпоху бронзы, однако большинство памятников только предстоит найти или правильно атрибутировать. Зачастую это оказывается возможным только по результатам раскопок, что и продемонстрировало исследование кургана 1 могильника Шатмантамак I. При том, что памятник хорошо известен, начиная с XIX в. [Игнатьев, 1873].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

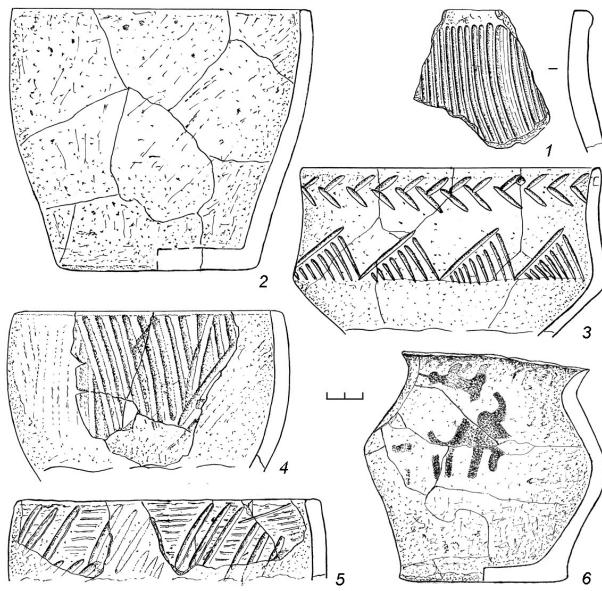

Рис. 1. Курганный могильник Шатмантамак I, курган 1.
Керамика.

1-5 – из деревянного сооружения, насыпи кургана и ямы 1;
6 – из могильной ямы 2

Могильник Шатмантамак I расположен на крайнем юго-западе Миякинского района, в 1 км к югу-юго-востоку от южной окраины села Шатмантамак или 1,7 км к югу-юго-востоку от здания средней школы села, в 850 м к югу-юго-западу от устья безымянного ручья, впадающего слева в р. Узы (правый приток р. Дёма). Ровное плато, где расположен объект исследований, находится на высоте около 36 м от уреза воды в реке. Плато прорезается многочисленными глубокими балками с ручьями или временными водотоками по дну. Если в момент первого осмотра памятник включал четыре кургана, то к 2014 г. отчетливо фиксировалось лишь две насыпи.

Курган 1 (судя по архивным планам, центральный) имел округлую насыпь диаметром 28 м и высотой 0,5 м от уровня современной поверхности пашни. Насыпь грунтовая, в ее центре фиксировались крупные каменные плиты, вывороченные в результате распашки. Детальная разборка надмогильного сооружения позволила выявить ряд принципиальных для интерпретации деталей, несмотря на значительную деформацию в результате ограбления, деятельности грызунов и многолетней распашки. К их числу надо отнести реконструкцию этапов сооружения объекта. Ранняя часть истории сооружения соотносится с грунтовой насыпью и деревянной конструкцией под ней.

Последняя представлена фрагментами дерева, которые образовывали две смыкающихся «площадки»-настила: $3,2\text{--}3,3 \times 2,8$ и $1,4 \times 1,2$ м. Некоторые участки позволяют предполагать наличие двух слоев в конструкции большей из них. Нижний слой представлен крупными фрагментами (бревнами?) шириной до 20 см, лежащими по направлению запад-восток. Верхний слой дерева представлен более мелкими фрагментами (жердями?) шириной до 12 см, лежащими по направлению север-юг. Ориентировка сохранившихся фрагментов в дополнительной конструкции отличается. Те из них, что образуют длинные стени, ориентированы по линии север-северо-запад – юг-юго-восток². Подчеркнем, что никаких достоверных следов могильной ямы, связанной с этими конструктивными элементами не обнаружено, т.е. погребение (или погребения) было совершено на уровне древней поверхности.

С процессом захоронения связаны не только находки сильно фрагментированных костей человека (возможно, взрослый индивид и подросток³), но и части четырех сосудов. Число находок косвенно подтверждает не единичность захоронения, т.к. в срубной погребальной обрядности наличии более одного-двух сосудов в могильной яме встречается крайне редко. Вся посуда (рис. 1, 1-5) уверенно ассоциируется со срубными традициями. На это указывает состав глиняного теста, морфология (баночные формы и горшок с низко расположенным плечом в виде ребра), бедная орнаментация, обработка поверхности «расчесами».

Каменная конструкция, которая прослеживалась до начала раскопок, также пострадала от антропогенного воздействия. По этой причине после расчистки она стала в виде кольца – распашкой была снесена центральная, наиболее высокая часть (рис. 2). Внешний диаметр сооружения составил около 12 м. Сложена конструкция из алевролитового плитняка, который добывался, вероятнее всего, в овраге в 0,5-0,6 км к востоку от могильника⁴. Использовались как небольшие плитки до 20 см в поперечнике, так и довольно крупные – до 50 см в поперечнике. Судя по расположению камней, облицовка кургана крупными плитками начиналась с его вершины и осуществлялась по принципу «обратной чешуи» – нижнюю часть верхней плитки перекрывала верхняя часть нижней. Пространство между крупными плитками заполнялось мелкими, причем в некоторых местах видно, что плитки подбирались не только по размеру, но и по

² Находки бересты позволяют предполагать использование березы.

³ Определения А.Х. Гильмитдиновой (Институт археологии РАН).

⁴ Добыча плитняка для строительных нужд осуществлялась здесь местными жителями до середины 90-х годов XX века.

Рис. 2. Курганный могильник Шатмантамак I, курган 1. Каменная конструкция

форме так, чтобы максимально закрыть пустоты между крупными плитками. У основания кургана каменный панцирь переходил в горизонтальную вымостку, сложенную по тому же принципу «обратной чешуи». Там, где относительно хорошо сохранились как панцирь, так и вымостка, видно, что переход от одного элемента конструкции к другому хорошо выражен. Ширина этого элемента, вероятно, доходила до 1,5 м. Стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что каменная конструкция возводилась поверх уже оплавившей грунтовой насыпи, т.е. между первым и вторым этапом использования участка имелся довольно длительный временной разрыв.

Уверенно задокументированных объектов всего два. Первый (яма 1) оказался грабительским вкопом, разрушившим северо-западный угол деревянного сооружения и часть могильной ямы 2 (рис. 3). В его заполнении встречались мелкие фрагменты дерева, фрагменты керамики, крупные и мелкие кости человека. Части сосуда из заполнения обнаружены при исследовании центра деревянной конструкции. Второй оказался могильной ямой (№ 2). На уровне материала она имела овальную форму ($1,35 \times 0,95$ м) и ориентировку по линии запад-восток. У дна (при мерно 20 см ниже) её размеры сокращались до $1,3 \times 0,65$ м. Дно ямы ровное, слегка углубленное в центре.

В придонной части ямы и на ее дне обнаружен сильно потревоженный грызунами костяк

ребенка в возрасте около 5 (± 16 месяцев) лет. В западной половине могильной ямы расчищены кости черепа, лопатка, плечевая кость и ребро. Разрозненные кости ног и таза были выявлены в заполнении восточной части ямы на разных уровнях. Судя по расположению костей, можно предположить, что умерший был ориентирован головой на запад. Лицом он, возможно, был обращен на север, но в результате деятельности грызунов череп, под которым прошла нора, был перевернут лицевой частью вниз. Справа за головой погребенного (у западной стенки ямы) был поставлен небольшой плоскодонный слабо обожженный сосуд (рис. 1, 6), также смещенный и частично разрушенный норой.

Если в случае грунтово-деревянной конструкции нет проблем с культурно-хронологической атрибуцией (срубная культура), то второй этап «истории жизни» кургана более проблематичен. К нему относятся каменная конструкция и могильная яма 2. Очевидно, что этот эпизод значительно отстоит во времени, однако обрядовые черты не дают четких указаний на культуру. Западная ориентировка покойного не совпадает с почти каноническими срубными традициями (северные румбы с отклонением к востоку). Погребения финальной части бронзового века редки. В этой части степи и лесостепи можно обратиться только к материалам межовского Красногорского могильника [Горбунов, Обыденнов, 1980], где западные румбы являются основ-

ными и есть погребения детей, крайне редкие для других территорий. Впрочем, в переходное время от бронзового века к железному западные ориентировки также встречаются [Епимахов, Таиров, 2013]. Из этой логики «выпадает» облик керамического сосуда, не имеющего пря-

мых аналогов для рассматриваемого периода. В более позднее время посуда такого рода также не встречается. Остается предположить, что мы имеем дело с проявлением культурной вариативности, которая обусловлена пограничным положением памятника.

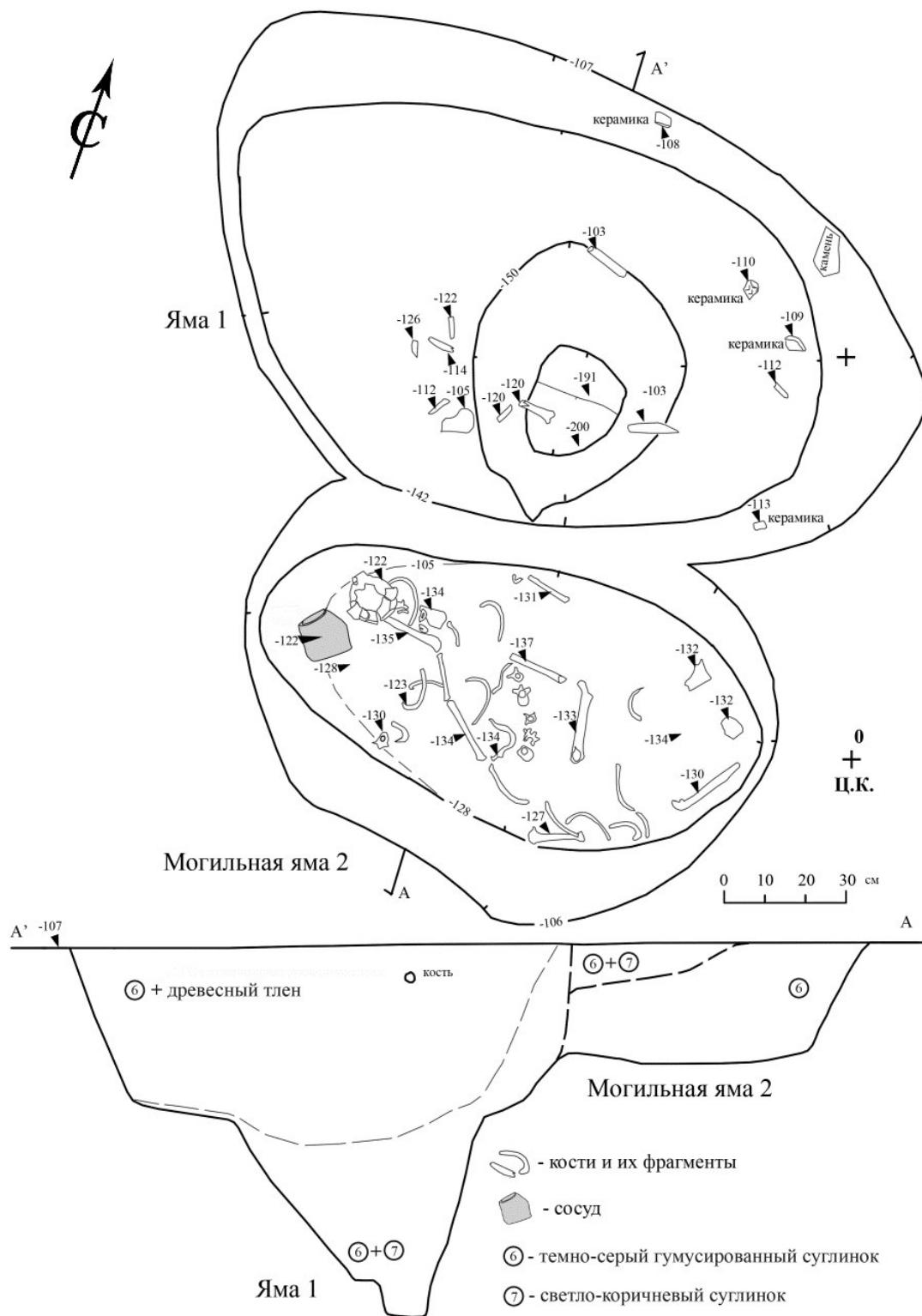

Рис. 3. Курганный могильник Шатмантамак I, курган 1. Яма 1 и могильная яма 2

Подведем итоги. Изученный курган имел довольно сложную историю функционирования (даже без учета неоднократных (?) ограблений). Локализация могильника на высоком плато позволяет предполагать, что некоторые из еще неисследованных комплексов, обычно интерпретируемых как раннекочевые, относятся к бронзовому веку. Из этого заключения, увы,

следует, что их значительная часть полностью или частично уничтожена в результате сельскохозяйственной деятельности. Полученные материалы существенно расширили наши представления о формах обрядности срубного населения и, вероятно, пополнили крайне скучный корпус сведений о финальной части бронзового века в конкретном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АКБ, 1976: Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 264 с.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1991. 160 с.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. 1980. № 3. С. 173-182.

Епимахов А.В. Находки бронзового века на территории Милякинского района Республики Башкортостан (материалы к археологической карте) // Наука ЮУрГУ. [Электронный ресурс]: материалы 68-й науч. конф. проф.-препод. состава, аспирантов и сотрудников. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2016. С. 287-291.

Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. 2013. Вып. 3. С. 211-231.

ИБН, 2009: История башкирского народа: В 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. 1. М.: Наука, 2009. 400 с.

Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. 2. Уфа, 1873. С. 167-186.

Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): Автoref. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06 / ИИМК РАН СПб., 2016. 21 с.

REFERENCES

AKB, 1976: Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological Map of Bashkortostan]. M.: Nauka, 1976. 264 s.

Epimahov A.V. Nahodki bronzovogo veka na territorii Miyakinskogo rajona Respubliki Bashkortostan (materialy k arheologicheskoi karte) [The Bronze Age archaeological findings from the territory of Miyakinsky district of the Republic of Bashkortostan] // Nauka UUrGU. [Elektronnyj resurs]: materialy 68-j nauch. konf. prof.-prepod. sostava, aspirantov i sotrudnikov. Sekcii social'no-gumanitarnykh nauk. Chelyabinsk: Izdatel'skij Centr UUrGU, 2016. C. 287-291.

Epimahov A.V., Tairov A.D. K voprosu o perekhode ot bronzovogo k rannemu zheleznomu veku v Uralo-Irtyshskom mezhdurech'e (step' i lesostep') [On the question of the historical transition from the Bronze Age to the Early Iron Age period in the Ural-Irtysh interfluve area (steppe and forest-steppe zones)] // Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik. 2013. Vyp. 3. С. 211-231.

Gorbunov V.S., Morozov U.A. Nekropol' ehpohi bronzy Uzhnogo Priural'ya [The Bronze Age ne-

cropoleis of the Southern Cis-Urals]. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo, 1991. 160 s.

Gorbunov V.S., Obydennov M.F. Kurgannyj mogil'nik ehpohi pozdnej bronzy v Uzhnoj Bashkirii [The Late Bronze Age mound burial located in the South Bashkiria] // SA. 1980. № 3. S. 173-182.

IBN, T.1. 2009: Istorija bashkirskogo naroda v 7 t. [The history of Bashkir populations: in seven volumes] / Gl. red. M.M. Kul'sharipov. T. 1. M.: Nauka, 2009. 400 s.

Ignat'ev R.G. Pamyatniki doistoricheskikh drevnostej Ufimskoj gubernii [Archaeological monuments of the Ufa province containing prehistoric antiquities] // Pamyatnaya knizhka Ufimskoj gubernii. Ch. 2. Ufa, 1873. S. 167-186.

Kupcová L.V. Srubnaya kul'tura Orenburgskogo Predural'ya (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov) [The Srubnaya culture in the Orenburg area of Cis-Urals (a report based on evidence from burial ground monuments)]: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. 07.00.06 / IIMK RAN. SPb., 2016. 21 s.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ УБАЛАРСКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА В ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Н.С. Савельев

A CONTRIBUTION TO THE ORIGIN OF UBALAR CULTURAL TYPE IN THE FOREST-STEPPE OF SOUTHERN CISURALS

N. Savelev

Ключевые слова: лесостепное Приуралье, долина р. Зилим, горнолесная зона, постмаклашеевское (ранне кара-абызское) население, кочевники раннего этапа прохоровской культуры, кара-абызская культура, локальное разнообразие, кусты памятников

В статье проводится анализ происхождения древностей т.н. «убаларского типа», ставшего известным с конца 1950-х гг., после исследований М.Х. Садыковой одного из зольных холмов на селище Убала в бассейне р. Зилим. Приведенные мнения исследователей показывают, что после незначительного интереса 60-70-х гг. XX века, какие-либо дальнейшие попытки уточнить культурную и хронологическую позицию данных памятников отсутствовали. На основе анализа керамического комплекса селищ Убала и Магаш-1 установлено, что убаларские традиции сформировались не позже середины IV века до н.э. на основе одной из локальных групп постмаклашеевского населения Волго-Камья, активно осваивавшего в это время лесостепь Южного Приуралья. Незначительное воздействие на данное население оказали группы кочевников филипповского круга. Со II в. до н.э. убаларские традиции широко распространяются на всю южную часть кара-абызского ареала и на отдельных территориях предгорий доживают до эпохи раннего средневековья.

Keywords: forest-steppe CisUrals, Zilim river valley, mountain-forest zone, post Maklasheev (early Kara-abyz) population, nomads of the early stage Prokhorov culture, Kara-abyz culture, local diversity, groups of archeological sites

The article discusses the origin of the artefacts belonging to the so-called «Ubalar type», which became known in the late 1950s after the research of an ash hill on the territory of the Ubalar settlement in the basin of Zilim river conducted by M. Sadykova.

The opinions of some researchers presented in the article show that after the 1960-70s there were no attempts to study out cultural and chronological position of the Ubalar sites. The analysis of ceramic materials from two settlements (Ubalar and Magash-1) demonstrates that Ubalar culture was formed not later than the middle of the IV century BC on the basis of the local post-Maklashev population, which lived in the area of the Volga-Kama basin. At this time they also began to actively inhabit the forest-steppe of Southern CisUrals. A slight impact on the Ubalar culture was made by some nomadic groups of Filippian type. Since the II century BC Ubalar cultural traditions had spread across the south part of Kara-abyz geographical area. At some piedmont territories these traditions remained until the beginning of the early Middle Ages.

Южный Урал, и особенно – его лесостепная часть, в силу своих географических особенностей не является монолитной зональной территорией. Это, в свою очередь, предполагает принципиальную невозможность формирования этнокультурной «монотонности» региона. Как в древности, так и в средневековье для Южного Урала было характерно значительное разнообразие археологических памятников, археологических культур, их вариантов и особых «археологи-

ческих типов», не вписывающихся в какие-либо рамки. Первоначальное выделение последних, как правило, производилось либо по территориальному признаку (напр. – т.н. «айский тип»), либо по особенностям керамического комплекса (гафурийский, убалацкий, имендяшевский и пр. типы). Последующие целенаправленные исследования в основном позволяют уточнить положение этих особых образований в региональной археологической систематике [см. напр.:

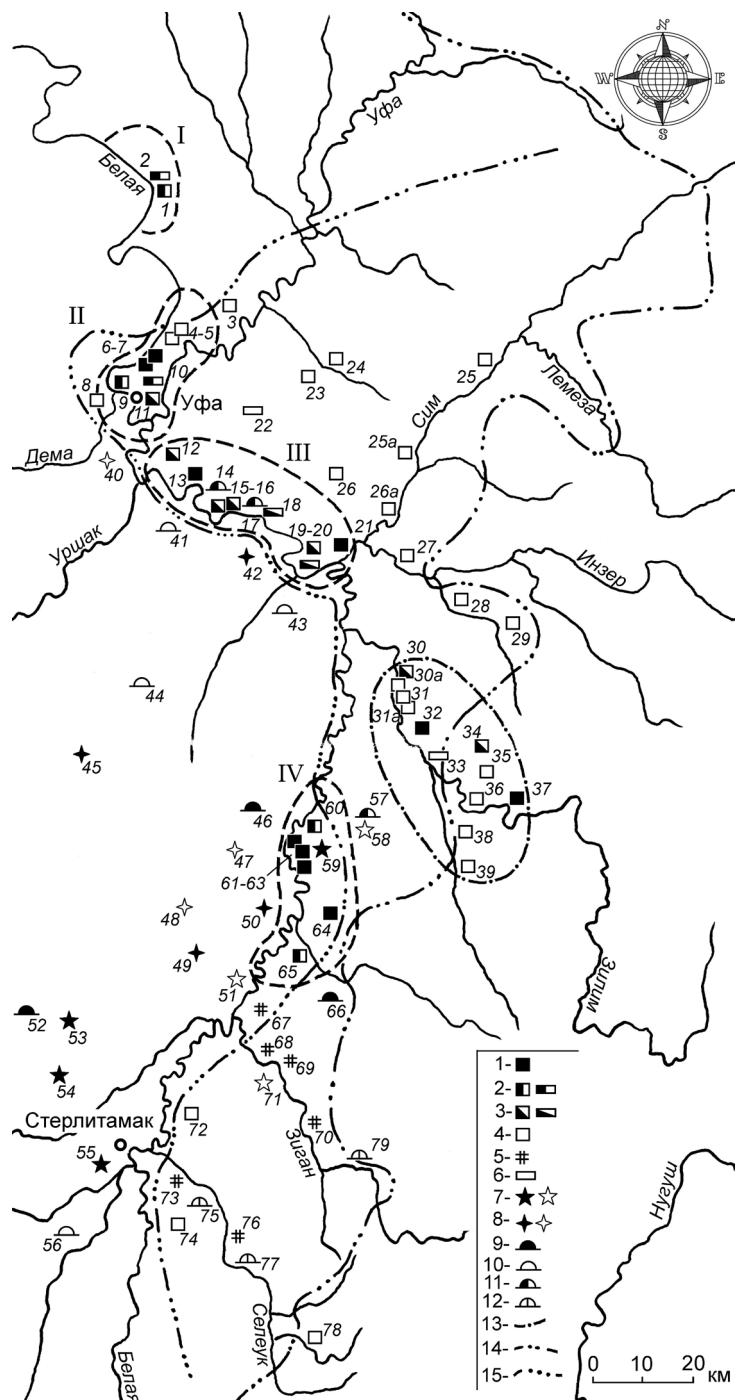

Рис. 1. Южное Приуралье в середине I тыс. до н.э. – первых веках н.э. Формирование убаларского культурного типа: 1 – поселения раннего этапа кара-абызской культуры; 2 – поселения и могильники развитого этапа кара-абызской культуры; 3 – поселения и могильники кара-абызской культуры (в т.ч. раннего этапа), на которых также присутствует убаларская керамика; 4 – убаларские поселения; 5 – поселения, относимые к убаларским условно; 6 – грунтовые могильники начала I тыс. н.э., соотносимые с убаларскими (убаларско-имендеевскими) памятниками; 7 – находки мечей и кинжалов скавроматского (VI-IV вв. до н.э.) времени (скопления и единичные); 8 – находки мечей и кинжалов раннесарматского (IV-II вв. до н.э.) времени (скопления и единичные); 9 – курганные могильники V-IV вв. до н.э.; 10 – курганные могильники III-II вв. до н.э.; 11 – курганные могильники лесостепного населения (IV в. до н.э. – начало н.э.); 12 – курганные могильники первой половины I тыс. н.э.; 13 – границы первоначального ареала формирования убаларского культурного типа; 14 – границы горной зоны Южного Урала; 15 – границы ареала населения убаларского культурного типа (конец I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.).

Скопления памятников кара-абызской культуры (I-IV): I – Благовещенское; II – Уфимское;

III – Нагаево-Охлебининское;

IV – Курмантау-Табынское

Памятники: 1 – городище Кара-Абыз-1;

2 – грунтовый могильник Кара-Абыз-2;

3 – селище Зеленстрой; 4 – селище Дежневское;

5 – селище Черниковское-2; 6 – селище Воронки;

7 – селище Черниковское-1; 8 – стоянки Яркий-1-3; 9 – городище Уфа-4; 10 – Уфимский

могильник; 11 – селище Дудкино-1; 12 – селище Зинино-1; 13 – городище Нагаево-1; 14 – курганный могильник Акбердино-4; 15 – городище

Акбердино-2; 16 – Шиповское городище;

17-18 – Шиповский могильник (курганская и

грунтовая части); 19 – Охлебининское II горо-

дище; 20 – Охлебининский могильник; 21 – горо-

дище Мончазы-1; 22 – могильник Юрмаш-1;

23 – селище Караган-1-4; 24 – селище Тауш-1-3;

25 – селище Сухая Буенда; 25a – Кузнецковское

городище; 26 – селище Ивано-Казанка-2;

26a – селище Бердин-2; 27 – Кумурлинское

селище; 28 – Устиновское селище; 29 – Бейсовское селище; 30 – поселение Красный Зилим-1; 30a – селище Красный Зилим-2; 31 – селище Магаш-1; 31a – селище Магаш-2; 32 – селище Магаш-3; 33 – грунтовый могильник Юлуково-1; 34 – селище Убалар; 35 – Хамидовское селище; 36 – селище Таш-Асты-1; 37 – Имендеевская пещера (Сизакуй); 38 – Имендеевское городище; 39 – селище Каран-Елга-1; 40 – Уфа, скопление; 41 – курганный могильник Старые Кишки; 42 – Ибрагимово, скопление; 43 – курганный могильник Бишунгарово; 44 – Ильтугановские курганы; 45 – Тукаево, скопление; 46 – курганный могильник Леканды; 47 – Тряпино, скопление; 48 – Куезбашево, скопление; 49 – Челаткан, скопление; 50 – Дмитриевка, скопление; 51 – Русский Саскуль, единичная находка; 52 – Асавбашевский курган; 53 – Месели, скопление; 54 – Талачево, скопление; 55 – Стерлитамак, скопление; 56 – курганный могильник Помрякино; 57 – курганный могильник Бурлы; 58 – Бурлы, скопление; 59 – Курмантау, скопление; 60 – Курмантаевское городище; 61 – Михайловское городище; 62 – Курмантаевское селище; 63 – Касьяновское городище; 64 – Воскресенское городище; 65 – Табынское городище; 66 – Красноусольские курганы; 67 – Инзелгинская стоянка; 68 – Уральское селище; 69 – Игенчелярское селище; 70 – Ихтиратские I-II селища; 71 – Янгискаин, единичная находка; 72 – селище Шах-Тай; 73 – Селеукское селище; 74 – святилище Тура-Тай; 75 – Ахмеровские курганы; 76 – Каныкаевское I селище; 77 – Салиховские курганы; 78 – селище Берхомут; 79 – Нижнеарметовские курганы

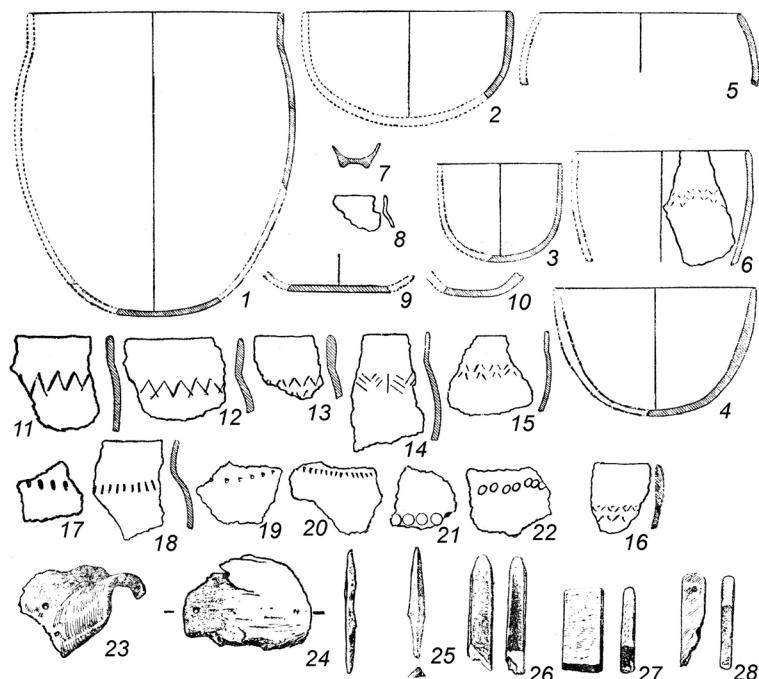

Рис. 2. Материалы убаларских памятников края горной зоны Южного Урала:
1-6, 8-11, 13, 15, 17-28 – селище Убалар; 7, 12, 16 – селище Каран-Елга; 14 – Хамидовское селище
(1-23 – фрагменты сосудов; 24 – костяная поясная бляха; 25 – костяной наконечник стрелы;
26-28 – каменные оселки). По: [Садыкова, 1962. Табл. I-II]

Савельев, 2007; 2008а]. В противном же случае, при отсутствии углубленного анализа, данные типы – т.е. объективно существующие большие или меньшие группы памятников с несколько отличной от «стандарт» материальной культурой – продолжают присутствовать в научной литературе в виде самых разнообразных искусственных конструктов, причем, постепенно упоминания о них становятся все более краткими, а в содержательном плане – далекими даже от уровня первоначальных исследований. Все это в полной мере относится и к т.н. «убаларскому типу» лесостепи Южного Приуралья.

Интерес к убаларским памятникам, возникший с самого момента их открытия в конце 1950-х годов, даже к настоящему времени так и не перерос в предмет отдельного исследования, а сам «убаларский тип» так и не получил однозначной интерпретации. Общераспространенным стало мнение А.Х. Пшеничнюка о возникновении убалара в результате синтеза пришлого гафурийского и местного кара-абызского населения (при практически полном доминировании именно гафурийских традиций) и об обособлении какой-то их группы в конце II или I в. до н.э. в предгорьях Южного Урала (бассейн р. Зилим) [Пшеничнюк, 1976а. С. 122-126]. Одновременно с этим, убаларский тип рассматривался как простое генетическое продолжение пришлого для Южного Приуралья гафурийского типа [Он же, 1976б. С. 26].

Первоначально М.Х. Садыкова, после исследования в 1957 г. одного зольного бугра на селище Убалар (западный край горно-лесной зоны Южного Урала, юго-восточная оконечность современного Архангельского района Башкортостана), датировала полученные «чистые» материалы VI-IV вв. до н.э. и отнесла их, на основании сходства части форм и состава теста сосудов, вместе с селищем Курмантау и Касьяновским городищем к уфимской (т.е. кара-абызской) культуре [Садыкова, 1962. С. 128-129]. А.Х. Пшеничнюк, выявив на Охлебининском II (Акташ) городище в качестве примеси небольшую коллекцию убаларской керамики, не согласился с предложенной М.Х. Садыковой культурной атрибуцией этого комплекса и усомнился в его столь ранней датировке [Пшеничнюк, 1964. С. 97]. После исследований в 1964 и 1968 гг. Г.И. Матвеевой селищ Убалар, Магаш-1 и Карап-Елга, А.Х. Пшеничнюк согласился с предложенной ей [Матвеева, 1973. С. 244-249] датировкой убаларской керамики в пределах II в. до н.э. – II в. н.э. [Пшеничнюк, 1973. С. 206, 210]. Этой датировкой убаларского комплекса автор последовательно, хотя и с небольшими вариациями в сторону омоложения нижней границы [Он же, 1976а. С. 125], придерживался вплоть до своих последних работ по данной проблематике [Он же, 2004. С. 190-191].

Публикую материалы своих раскопок в бассейне р. Зилим, Г.И. Матвеева, на основе

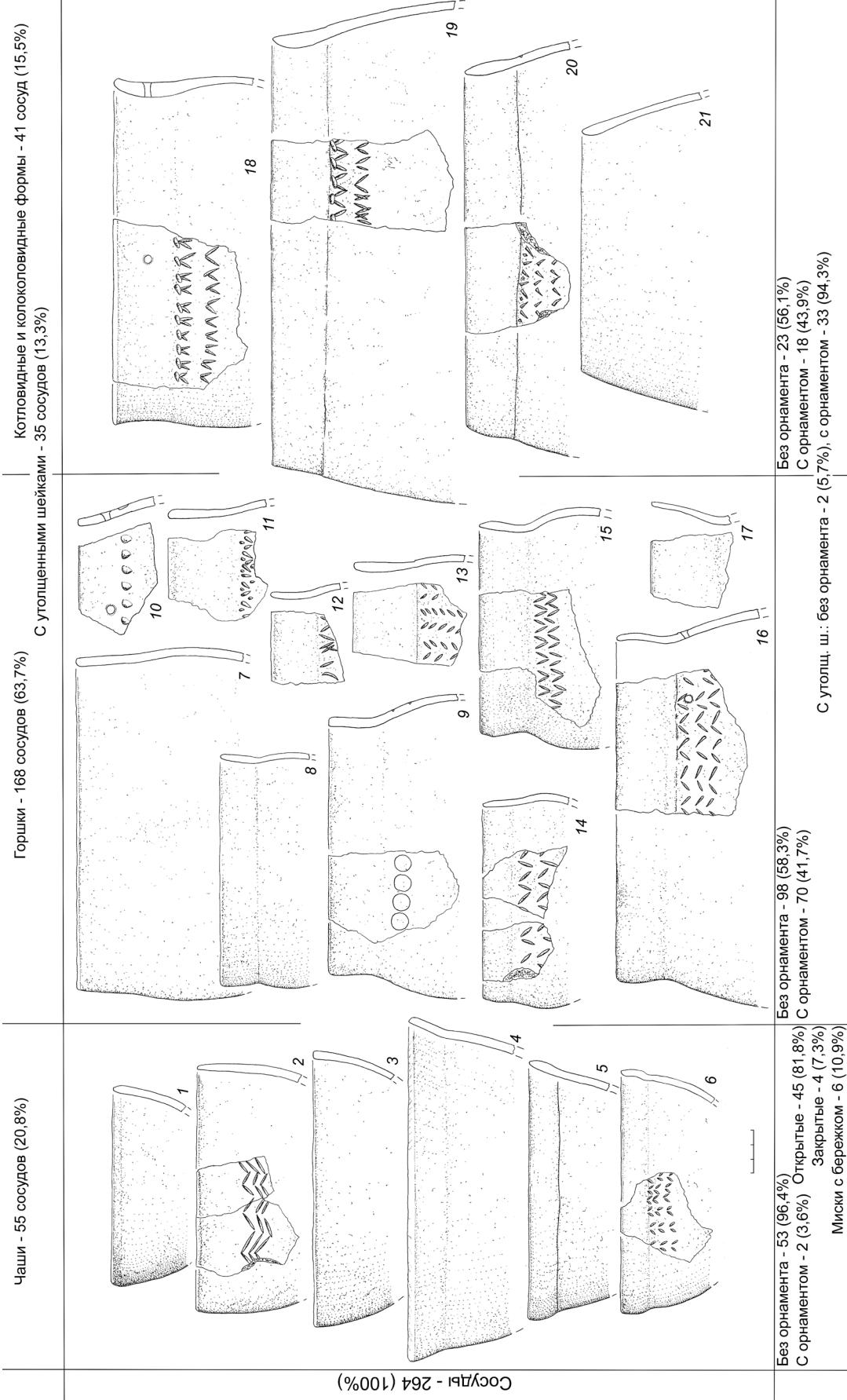

Рис. 3. Керамический комплекс селища Магаш-1. Раскопки 1968 г.

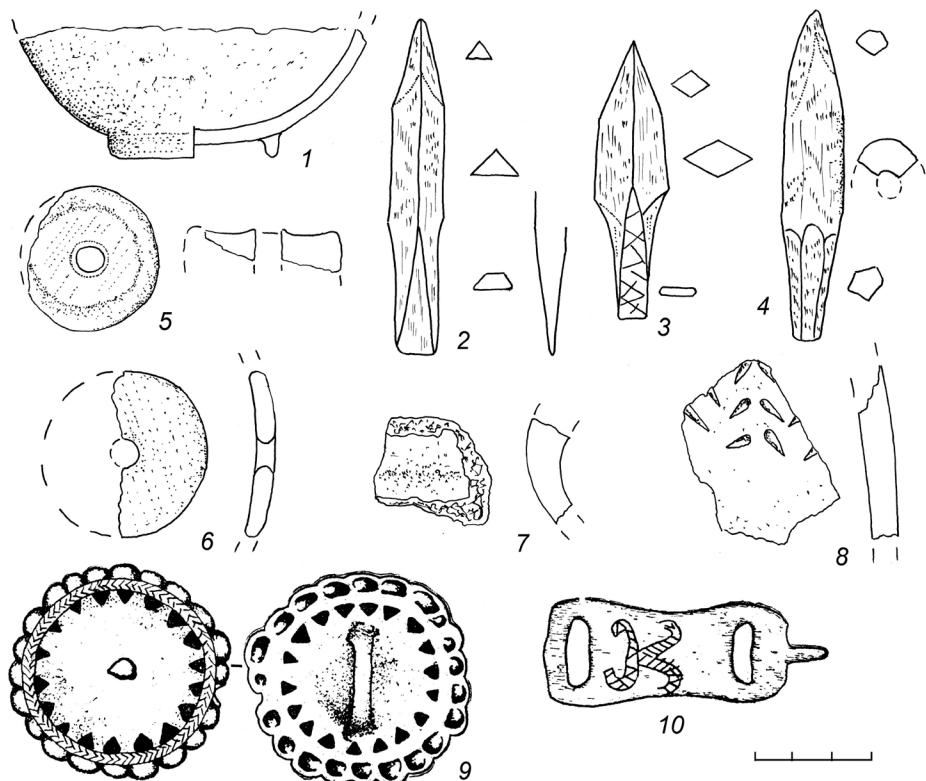

Рис. 4. Селище Магаш-1 (раскопки 1968 г.). Находки: 1 – фрагмент чашевидного сосуда на поддоне; 2-4 – костяные наконечники стрел; 5 – прядлище лепное; 6 – прядлище из стенки сосуда; 7-8 – фрагменты сосудов с примесью слюды; 9 – бронзовая бляха; 10 – костяная пряжка (9-10 – по: [Матвеева. 1973. Рис. 1, 6-7])

единства территории, материальной культуры и керамического комплекса, делает вывод не только об однокультурности памятников типа селищ Убалар, Магаш-1, Хамидовское и Карап-Елга, но и включает в эту группу поздние погребения могильников кара-абызской культуры [Матвеева, 1973. С. 248-249]. Все они, по ее мнению, могут быть объединены в особый поздний вариант кара-абызской культуры – убаларский, возникший только в южной части ее распространения [Там же. С. 249]. Определяя хронологические позиции убаларского варианта, Г.И. Матвеева опиралась исключительно на свои находки с селища Магаш-1 – бронзовой ажурной бляхи и костяной пряжки (рис. 4, 9, 10), характерных для поздних погребений Шиповского и Охлебининского могильников. Однако, при этом никак не учитывались мнение М.Х. Садыковой, основанное на особенностях керамического комплекса селища Убалар, и ряд важных находок с этого же памятника, имеющих значительно более раннюю датировку, о чем будет сказано ниже. На основе своих построений Г.И. Матвеева делает вывод, что убаларский вариант «сложился не ранее конца II века до н.э. и прекратил свое существование одновременно со всей кара-абызской культурой, т.е. в конце II века н.э.» [Там же].

Не менее важны и взгляды Г.И. Матвеевой на «истоки культуры памятников убаларского варианта» – она сложилась «в результате взаимодействия культуры кара-абызских и гафурийских племен в южной части кара-абызской территории. В северной части ее, где пришлые гафурийские племена были немногочисленны, их керамика не переросла в убаларскую, здесь единственным типом посуды была керамика кара-абызского типа» [Там же]. В данном случае под «гафурийцами» Г.И. Матвеева понимала часть сарматского населения (к которому относила и курганный могильник Старые Киишки), которое переселилось на правобережье р. Белая и вступило в активные контакты с местным кара-абызским населением. В дальнейшем самый главный вывод Г.И. Матвеевой – о существовании особого убаларского варианта кара-абызской культуры никем более не упоминался, а определенные ей хронологические рамки «убаларского типа» стали основополагающими на десятилетия вперед.

Опираясь на новые исследования Охлебининского II городища, где, по мнению А.Х. Пшеничнюка, была прослежена трансформация гафурийской керамики в убаларскую, и небольшой раскоп на Шиповском городище, откуда происхо-

дит серия сосудов «промежуточного характера», автор делает вывод о генетической связи этих типов керамики, прямом развитии убаларской керамики из гафурийской и существовании особых «гафурийско-убаларских» племен, занимавших в основном южную часть кара-абызского ареала [Пшеничнюк, 1973. Табл. 3. С. 206-207, 210, 232]. И именно эти взгляды легли в основу многих обобщающих работ более позднего времени [История Урала, 1989. С. 26; АПБ, 1996. С. 38]

Однако, уже вскоре, на основе анализа материалов масштабных раскопок городища, курганных и грунтового могильников около д. Шипово, А.Х. Пшеничнюк называет эти свои выводы, в первую очередь – мнение о существовании самостоятельной гафурийско-убаларской группы памятников, предварительными и противоречивыми [Пшеничнюк, 1976а. С. 122].

Действительно, таблица стратиграфического распределения керамики в слое Охлебининского II городища [Он же, 1973. Табл. 3], позднее использовавшаяся и В.Ф. Генингом [1988. Табл. 4А], наглядно показывает (табл. 3), что убаларская керамика в нижней и средней части отложений присутствовала только единично, а ее массовое (от 32 до 74%; расчеты для гафурийско-убаларской серии, при этом не учитывалась кара-абызская керамика – 65,9% от всей найденной) появление в верхних двух горизонтах (последние века до н.э. или рубеж эр), сопровождающееся резким снижением гафурийской керамики (с 91 до 18%; кара-абызская керамика не учитывалась – см. выше), может быть объяснено только одномоментным приходом или резкой активизацией связей генетически разнородного населения с ассимиляцией последних. Более подробная публикация материалов Шиповского городища показала, что в раскопе 1 убаларская керамика отсутствует [Пшеничнюк, 1976а. С. 112], а в раскопе 2 она есть во всех горизонтах, но в очень небольших количествах, резко увеличиваясь только в самом верхнем горизонте [Там же. С. 117. Табл.] (табл. 4). Эта же тенденция подтверждается и сборами с распаханной поверхности, где количество убаларской керамики достигает 70%, при этом не менее 15%, судя по примесям, могут быть названы смешанными кара-абызско- или гафурийско-убаларскими [Там же. С. 112, 115, 118; ср.: Савельев, 2009].

Не отказываясь от своего вывода о генетической преемственности гафурийского и убаларского типов керамики [Пшеничнюк, 1976а. С. 118], А.Х. Пшеничнюк, тем не менее, исключает памятники типа селищ Убалар и Магаш-1 из состава кара-абызской культуры, объединяя их в небольшую самостоятельную группу «ориентировано I в. до н.э. – II в. н.э.», обособившуюся в предгорной полосе западного края гор-

Южного Урала (бассейн р. Зилим), хотя и сохранившую «определенные контакты» с населением кара-абызской культуры [Там же. С. 125-126]. Очень важным является уточнение автора, что за пределами этой территории (по данным Шиповского городища), «гафурийская керамика не исчезает во II веке до н.э., а продолжает бытовать и в более позднее время, т.е. смена типов происходила постепенно, возможно, вплоть до I-II вв. н.э.» [Там же. С. 118]. Данное наблюдение, также подтверждаемое и более поздними работами на Шиповском городище [Савельев, 2009. С. 133-136], само по себе уже являлось свидетельством внутренней несогласованности изложенных выводов А.Х. Пшеничнюка.

Приведенная выше сложная конструкция, основывающаяся в то же время на логических построениях и знании огромного вещевого и керамического материала эпохи раннего железа лесостепи Южного Приуралья, была полностью отвергнута основным оппонентом А.Х. Пшеничнюка – В.Ф. Генингом. Рассматривая в своей монографии в целом памятники пьяноборской эпохи бассейна Камы и Белой, автор *a priori* в отдельные главы выделяет описание кара-абызской [Генинг, 1988. С. 47-67] и гафурийско-убаларской культур [Там же. С. 68-129]. Концепция В.Ф. Генинга построена на первоначальном предположении А.Х. Пшеничнюка (1973 г.) о существовании в южной половине кара-абызского ареала самостоятельных «гафурийско-убаларских» племен, что и послужило причиной разделения единого массива на две совершенно различные археологические культуры [см.: Савельев, 2011. С. 56-57]. Ранний ее этап назван гафурийским, когда пришлое кочевое население сосуществовало с местным финно-угорским, поздний – убаларским, когда происходит слияние этих компонентов.

Несмотря на искусственность этих построений В.Ф. Генинга, не принятых на содержательном уровне никем из специалистов по эпохе раннего железа Южного Урала, обратим внимание на одно из его наблюдений – о происхождении убаларской керамики от керамики «типа Касьяновки-Михайловки» [Генинг, 1988. С. 82-85, 118-120]. В настоящее время эта керамика уверенно атрибутируется как постмаклашевская «ранне-караабызская» [Иванов, 2010. Рис. 1. С. 209, 216; Савельев, 2011. С. 59. Рис. 4; Овсянников, 2014. С. 312; Савельев, Яблонский, 2014. С. 483. Рис. 4, 9-16]. Видимая разница этих групп по орнаментам и достаточно явные различия в формах, по моему мнению, значительно нивелируются их сходством по фактуре глиняного теста (очень плотное) и по большой примеси песка и мелких камешков в его составе.

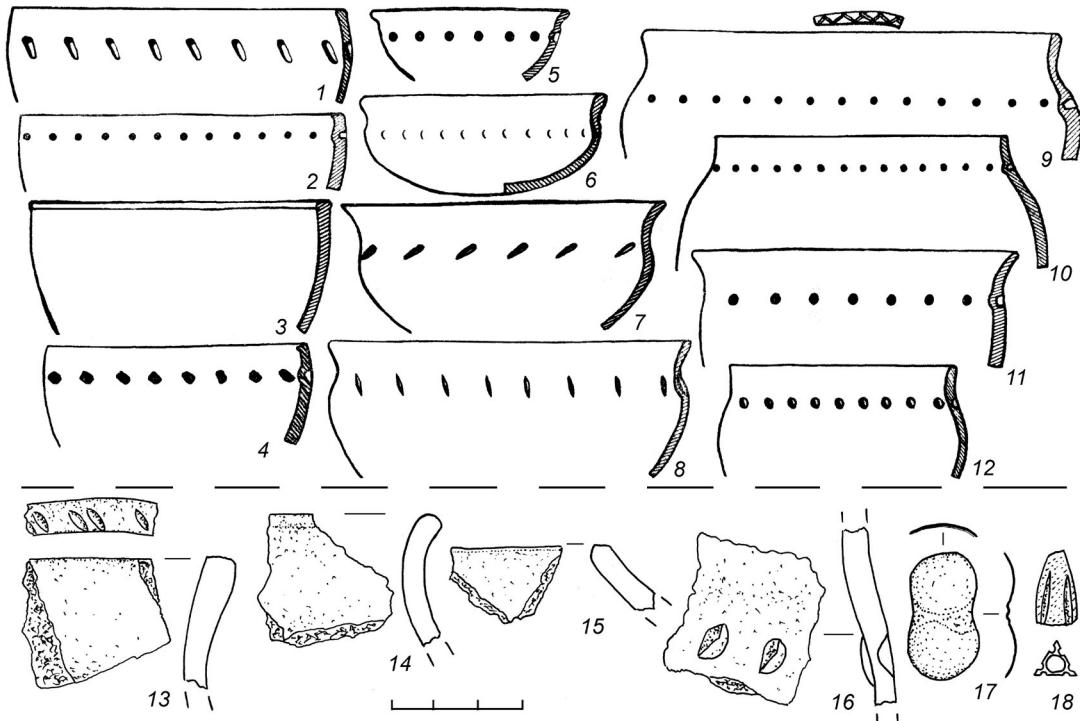

Рис. 5. Раннекараабызские (пред-убаларские) материалы южной части ареала кара-абызской культуры: 1, 4, 6, 8, 9 – Касьяновское городище; 2, 5, 11 – Михайловское городище; 3, 10, 12 – Табынское городище; 7 – селище Курман-Тау; 13–18 – селище Магаш-3
1–12 – по: [Пшеничнюк, 1983б] (1–16 – глина, 17, 18 – бронза)

Отмечу, что такая примесь в лесостепи Южного Приуралья встречается только у постмаклашевской / раннекараабызской (в среднем около 45%, варьирует от 5,6-17% до более 80% – см. табл. 1)¹, убаларской (до 100%) и наследующей ей имендяшевской керамики, для более раннего времени и других культур в пределах всего Южного Урала она совершенно не характерна.

Другое направление решения вопроса происхождения убаларской керамики предложил В.В. Овсянников при анализе исследованных им Нагаевских курганов, расположенных немного к западу от Шиповского комплекса памятников [Овсянников, 1995. С. 85-93]. По немногочисленному сохранившемуся инвентарю на основе кочевнических аналогий могильник датирован IV-III вв. до н.э. [Там же. С. 88]. Под насыпью одного из ограбленных в древности курганов был найден неорнаментированный убаларский сосуд [Там же. С. 88. Рис. 3, 8]. На основании этого автор делает вывод об отсутствии генетической связи между гафурийским и убаларским типами керамики, миграционном появлении носителей последней в лесостепи Южного Приуралья, которое относится к IV-III вв. до н.э., при этом центром их расселения называется локальный участок правобережья р. Белая около д. Нагаево.

И именно с этой территории в конце II в. до н.э. началось массовое расселение «раннеубаларского» населения на более южные территории (Шипово, Охлебинино), что привело к окончательной ассимиляции немногочисленного к тому времени «гафурийцев», при этом памятники на р. Зилим (Убалар, Магаш-1 и др.) рассматриваются как самый южный предел их миграции [Там же. С. 89-90].

В дальнейшем ни одно из предложенных направлений поиска истоков убаларского комплекса не получило какого-либо развития. Более того, в 1996 г. А.Х. Пшеничнюком был повторен его вывод середины 1970-х гг. о том, что «частью гафурийского населения, не принимавшей участия в сложении кара-абызской культуры, оставлены памятники убаларского типа» [АПБ, 1996. С. 38]. Отмечу также, что ранее я считал возможным согласиться с миграционным характером появления «раннеубаларского населения» [Овсянников и др., 2007. С. 83]. Однако анализ известных на сегодняшний день материалов позволяет достаточно уверенно говорить о том, что миграционная гипотеза не имеет каких-либо весомых подтверждений, и формирование убаларских керамических традиций происходило именно в лесостепи Южного Приуралья.

¹ По совершенно независимым от представленных в настоящей работе подсчетам В.А. Иванова, примесь песка и мелкой гальки в раннекараабызских сосудах составляет 42% [Иванов, 2010. С. 209].

Обращение к материалам селища Убалар показывает, что в коллекции присутствуют очень важные культуро- и хроноопределяющие маркеры. К таковым относятся верхняя часть сосуда с трубчатым носиком-сливом [Садыкова, 1962. Табл. II, 15] (рис. 2, 23), фрагмент круглого каменного блюда-жертвенника [Там же. Рис. 4], орнаменты из пояска подквадратных, подтреугольных, прямоугольных и каплевидных вдавлений [Там же. С. 125. Табл. I, 17-20] (рис. 2, 17-20), а также присутствие в ряде сосудов, наряду с песком, примеси толченой раковины [Там же. С. 124-125], среди них и упомянутый сосуд с трубчатым носиком-сливом.

Первые две находки уверенно соотносятся с древностями ранних кочевников степной зоны Южного Урала. Сосуды с трубчатым носиком-сливом появляются примерно во второй половине – конце VI в. до н.э. и продолжают единично встречаться до второй половины IV в. до н.э. [см. напр.: Пшеничнюк, 1983а. Табл. XLI, 16; XLVI, 2; Савельев, 2006. Рис. 7, 1; Имагил, Сунгатов, 2013. Рис. 32, 44], органично войдя в раннепророковский «тальковый» комплекс керамики. Для всей территории Южного Приуралья к северу от возвышенностей Общего Сырта известна только одна находка сосуда с трубчатым носиком-сливом – в Береговских курганах [Горбунов, Иванов, 1992. С. 105. Рис. 2, 1], расположенных в 120 км к югу от Убалара, также в узкой полосе лесостепи, зажатой между правым берегом р. Белая и краем Уральских гор. Судя по погребальному обряду и сопроводительному инвентарю, время совершения погребения относится к концу V – середине IV в. до н.э. Круглые каменные блюда, являющиеся самым поздним типом «савроматских жертвенников», датируются не позднее IVв. до н.э. или, по крайней мере, рубежа IV-III вв. до н.э. [Васильев, 1998. С. 26; Яблонский, 2010. С. 79]. Ближайшая аналогия ему найдена на гаурийско-кара-абызском Табынском городище (40 км к юго-западу от селища Убалар) [Савельев, Яблонский, 2014. Рис. 11, 4].

Орнаменты из пояска подквадратных, овальных, каплевидных, клиновидных, бесформенных и других вдавлений, наряду с пояском из круглых ямок, являются основными элементами орнамента постмаклашеевской («раннекара-абызской») керамики Средней Белой [Иванов, 2010. С. 209. Рис. 1; Овсянников, 2014. Рис. 2-4] (рис. 5, 1-12). Уже во второй половине I тыс. до н.э., ко времени окончательного сложения кара-абызской культуры, происходит сильная стандартизация керамики и из всего многообразия различных вдавлений, за редким исключением [см. напр.: Савельев, 2009. Рис. 2, 1; 5, 1], остаются только круглоямочные вдавления.

Таким образом, присутствие на эпонимном селище Убалар ярких раннесарматских аналогий, наличие в тесте ряда сосудов примеси дробленой раковины при абсолютном доминировании большой примеси песка, а также постмаклашеевские орнаментальные пояски различных вдавлений не позволяют отнести раннюю дату этого памятника (во всяком случае – по имеющимся данным) ко времени позже середины – второй половины IV в. до н.э. Это как минимум на два столетия удревняет принятую ранее (Г.И. Матвеева, А.Х. Пшеничнюк) дату формирования убаларского типа и, в целом, хорошо соотносится с первоначальной датой селища (VI-IV вв. до н.э.), предложенной еще автором раскопок [Садыкова, 1962. С. 128-129]. Факт же появления на части сосудов убаларских памятников редуцированных гаурийских форм и орнаментов требует дополнительного рассмотрения.

Южное Приуралье в VI-IV вв. до н.э.

(обзор этнокультурной ситуации)

Для лесостепной части Южного Приуралья граница между «кочевым» и «оседлым» мирами, соответствующая границе между южной и северной лесостепью, проходит меридионально, по долине р. Белая в ее среднем течении. Во второй половине VI – середине V вв. до н.э. приуральская лесостепь (в первую очередь, речь здесь идет о территориях от современного г. Уфа и южнее) являлась далекой юго-восточной периферией оседлого мира Волго-Камья. В это время в Приуралье по р. Белая с севера проникают две последовательные миграционные волны [Савельев, Яблонский, 2014. С. 483; Савельев, 2014. С. 196]. Первая из них – носителей сложношнуровой «раннеананынской» керамики, немногочисленная и быстро растворившаяся в местном (имеющем также прикамские корни) маклашеевском и курмантауском населении. Вторая волна – примерно рубежа VI-V вв. до н.э. – носителей постмаклашеевской ямочно-гребенчато-насечковой керамики, была значительно более многочисленна и именно она стала основой для формирования кара-абызской культуры [Там же. С. 197; Овсянников, 2014]. Степная (юголесостепная) же часть Южного Приуралья в это время была освоена крайне слабо – известны единичные «савроматские» курганы и, вероятно, отдельные находки мечей и кинжалов раннего облика [Савельев, 2016]. В целом можно сказать, что оба ареала (оседлый и кочевнический) во второй половине VI – середине V вв. до н.э. были крайне слабо заселенными и если первый являлся далекой юго-восточной периферией оседлого мира Волго-Камья, то второй – еще более далекой северной периферией мира кочевников, локализовавшегося в это время значительно

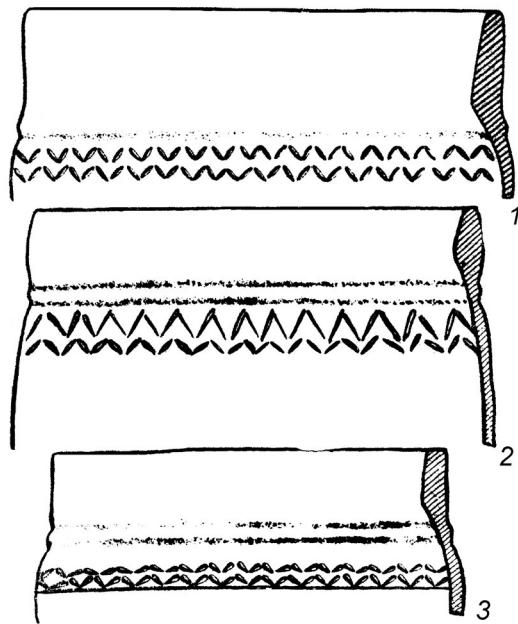

Рис. 6. Табынское городище. Гафурыйские колоколо-видные сосуды с обедненным стандартизованным орнаментом

южнее широтного течения р. Урал (памятники по р. Илек и южнее, на территории современного Казахстана).

В течение второй половины V – середины IV вв. до н.э. в ареале оседлого населения начинаются активные ассимиляционные процессы разнородных групп населения, которые привели к сложению кара-абызской культуры. В основу ее керамического комплекса легла ямочно-гребенчато-насечковая керамика, прошедшая стадию значительного обеднения и унификации орнамента. Начальный период этого процесса хорошо показан В.В. Овсянниковым на материалах селища Воронки, находящегося на территории современного г. Уфа [Овсянников, 2014]. На памятниках к югу от Уфы вся ранняя кара-абызская керамика имеет уже значительно обедненную орнаментацию [Пшеничнюк, 1983б. Рис. 3; 4; 8; 9; Пшеничнюк, Овсянников, 2007. Рис. 11; Иванов, 2010. Рис. 1], где исключительно ямочный и насечковый орнаменты составляют более 50% (рис. 5, 1-16; табл. 2), что также соответствует расчетам В.А. Иванова [Там же. С. 209]. Говоря же о кочевническом ареале Южного Приуралья второй половины V – середины IV вв. до н.э., важно отметить (рис. 1) увеличение количества погребальных памятников (в т.ч. и появление их на правобережье р. Белая, в предгорной лесостепи) и широкое распространение находок (как единичных, так и скоплений, которые могут быть интерпретированы как «кочевые волости» мечей и кинжалов «позднесавроматских» типов

[Савельев, 2016. Рис. 1]. Северо-восточный край их распространения непосредственно налегает на окрестности горы Курмантау, где расположен крупный куст кара-абызских памятников этого времени (селище Курман-Тау, городища Касьяновское, Михайловское, Воскресенское и др.). И именно на этой территории – единственной из всего кара-абызского ареала – где-то около (вероятно – несколько ранее) середины IV века до н.э. начинается активное оседание кочевников филипповского круга (т.е. раннего этапа прохоровской культуры) и быстрая трансформация их керамического комплекса в своеобразный лесостепной микс, известный под названием «гафурыйского» [Пшеничнюк, 1983б; Савельев, 2014; Савельев, Яблонский, 2014]. Эти контакты оказались очень прочными и определили все развитие лесостепного приуральского населения на несколько веков вперед.

Территория и условия формирования убаларских традиций

Река Зилим, начинаясь в центральной части гор Южного Урала, последние 50 км течет по предгорной равнине и впадает в р. Белая немного южнее устья р. Сим, где находятся Охлебининский могильник, городища Мончазы-1 и Охлебининское II (Акташ). Таким образом, к северу от устья р. Зилим расположен Нагаево-Охлебининский куст памятников кара-абызской культуры, а к югу от устья – Курмантау-Табынский куст. Расстояние между ними по прямой, что в целом соответствует прохождению долины р. Белая, составляет не более 40 км. По берегам р. Белая на этом участке не известно ни одного кара-абызского памятника (что вполне может быть связано просто с крайне низкой степенью обследованности территории), а на р. Зилим, т.е. немного к востоку от широкой бельской долины, только к настоящему времени зафиксировано не менее четырех поселений, относящихся к раннекара-абызскому этапу. Первые три – это поселение Красный Зилим-1 [АКБ, 1976. С. 144. №1220; Овсянников, 2009-А. Л. 13-14. Рис. 29-31], селище Магаш-3 [Ахатов, 2014. С. 14]² и Имендяшевская (Сизякуй) пещера [АКБ, 1976. С. 145. №1238]. Четвертый памятник – само эпонимное селище Убалар, начальный этап которого, как было показано выше, в принципе не может быть датирован временем позже середины – второй половины IV в. до н.э. При этом совершенно нельзя исключать и значительно более ранней его даты, т.к. обе важнейшие находки – фрагмент сосуда с трубчатым носиком-сливом (рис. 2, 23) и фрагмент круглого каменного жертвенника без ножек [Садыкова, 1962. Рис. 4] всего лишь фик-

² Благодарю к.и.н. А.Т. Ахатова (ИЭИ УНЦ РАН) за предоставленное право опубликовать материалы селища Магаш-3.

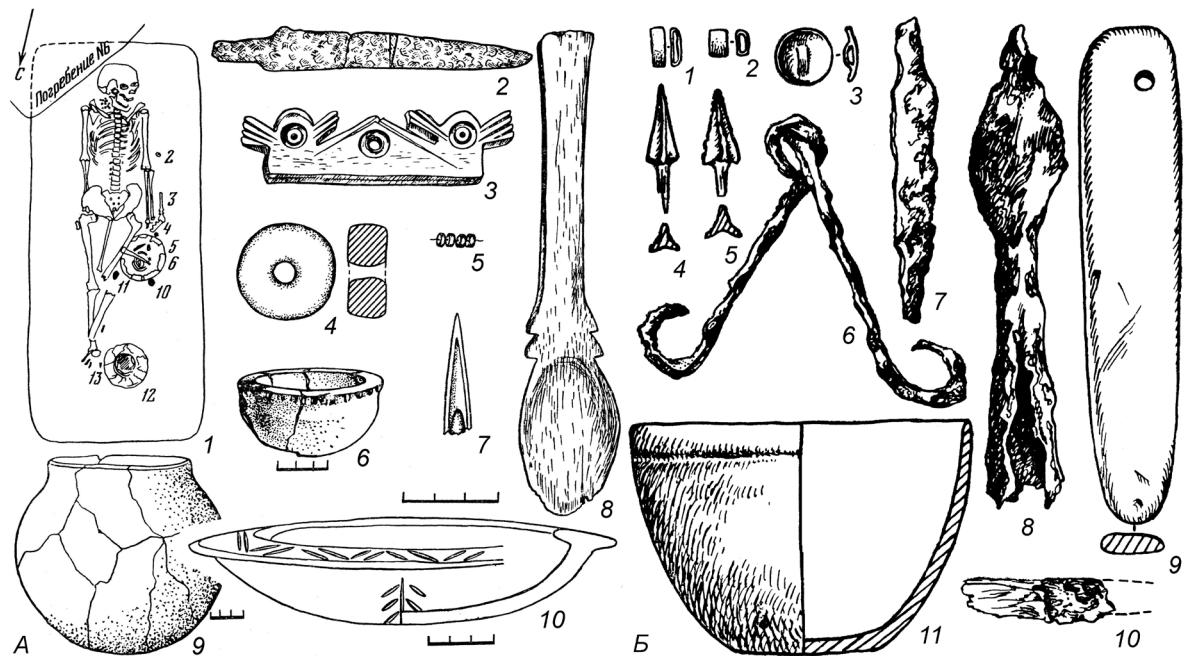

Рис. 7. Убаларский культурный тип (A9, Б11). Хроноиндикаторы: А – курганный могильник Бишунгарово (к.3 п.9); Б – курганный могильник Бурлы, впускные погребения (1-8 – к.2 п.1; 9-11 – к.3 п.1)
А3, 8 – кость; А5 – гешир, коралл; А7, Б1-3 – бронза; А2, Б4-8, 10, 12 – железо;
А4, Б9 – камень; А6, 9-10, Б11 – глина

сируют, что во время их бытования сам памятник уже существовал.

Керамический комплекс селищ Убалар (без учета редуцированных гафурийских форм и орнаментов) и Магаш-3 характеризуется широкогорлыми слабопрофилированными горшками с невысокими прямыми (рис. 2, 1, 11, 13), дуговидными (рис. 2, 18; 5, 14), слабо отогнутыми наружу (рис. 2, 12, 14; 5, 13) или закрытыми (рис. 5, 15) шейками, чашами открытыми (рис. 2, 4, 6), закрытыми (рис. 2, 5) и с вертикальными стенками (рис. 2, 2, 3), а также мисками (рис. 2, 15). Большинство сосудов не орнаментировано. Орнаменты, за исключением гафурийских резных зигзагов, представлены одинарными поясами подтреугольных, подчетыrehугольных, прямоугольных и каплевидных вдавлений (рис. 2, 17-20), а также круглых или овальных вдавлений, выполненных торцом трубочки (рис. 2, 21-22). Данные по процентному соотношению орнаментированных и неорнаментированных сосудов на селище Убалар, а также по типам орнамента авторы исследований [Садыкова, 1962. С. 124-125; Матвеева, 1973. С. 247] не приводят.

В значительной степени этот пробел может быть восполнен данными по керамическому комплексу селища Магаш-1, нижняя дата которого также должна быть сближена с раннекараабызским этапом. Проведенный анализ показал, что

из 264 сосудов (всего же в составе коллекции 267 сосудов, но три сосуда – см. рис. 4, 1, 7, 8 – отличаются от остальных и будут рассмотрены отдельно)³ чаши, в т.ч. и не очень многочисленные миски с бережком (рис. 3, 4, 5) составляют 20,8%, горшки – 63,7%, котловидные и колоколовидные формы – 15,5% (рис. 3, 18-21). Неорнаментированные сосуды составляют 65,9%. За единичным исключением (рис. 3, 9, 10), весь остальной орнамент представлен «гафурийскими» елочками и зигзагами. Отмечен также еще один важный показатель – практически полная (94,3%) связь утолщенных шеек с наличием «гафурийской» орнаментации, при этом количество различных вариантов утолщенных шеек от горшечных, котловидных и колоколовидных форм составляет не более 16,7%. Не менее важно и то, что значительная часть форм сосудов с Магаш-1 находит прямые аналогии в коллекциях селищ Убалар и Магаш-3. Наиболее показательно присутствие широкогорлых слабопрофилированных горшков с невысокими прямыми (рис. 3, 7, 11, 12) и слабо отогнутыми наружу (рис. 3, 8, 9), а также закрытыми (рис. 3, 10) шейками. Последний сосуд также отличается наличием пояса наклонных полуовальных вдавлений, широко распространенных на раннекараабызской керамике. Таких вдавлений и насечек среди орнаментированных сосудов 13 (14,4%). Один сосуд из коллекции

³ Автор исследований при первой обзорной публикации выделяет в коллекции 206 сосудов [Матвеева, 1973. С. 245].

орнаментирован рядом круглых вдавлений, сделанных торцом трубочки (рис. 3, 9), что во всех памятниках лесостепного населения Средней Белой известно только на селище Убалар – как среди материалов раскопок 1957 (рис. 2, 21, 22), так и 1964 г. [Матвеева, 1973. С. 247].

Из 264 сосудов примесь раковины присутствует только в одном случае (0,38%), песка и дресвы (мелких камешков) – в 142 сосудах (53,8%), раковины и песка с дресвой – в 86 сосудах (32,6%)⁴. В единичных случаях во второй

и третьей группах встречаются также примеси органики и шамота. Трижды в качестве небольшой дополнительной примеси зафиксирована слюда (2 – во второй группе – см. рис. 3, 8, 1 – в третьей). В нескольких сосудах третьей группы примесь толченой раковины очень значительная. Последняя крупная группа примесей – песок с дресвой и мелко толченым крошащимся мягким молочно-белым камнем – встречена в 34 сосудах (12,9%). Такая же примесь зафиксирована в керамике селища Магаш-3 (рис. 5, 13, 14, 16).

Таблица 1

Основные примеси в керамике памятников середины I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. среднего течения р. Белая (%)

Памятник	Всего сосудов	Раковина	Песок	Раковина + песок
Черниковское, селище ¹	41	49,0	17,0	34,0
Камышинка-2, городище ²	122 ³	66,4	33,6	+
Воронки, селище ⁴	125	94,4	5,6	?
Касьяновское, городище ⁵	749	25,2	74,8	?
----//----	5a	?	17,0	81,0
Курман-Тау, селище ⁶	101	20,8	79,2	?
----//----	5a	?	16,7	83,0
Воскресенское, городище ^{5a}	?	43,5	47,5	?
Курмантаевское, городище ^{5a}	?	30,0	50,0	?
Табынское, городище ^{5a}	?	70,0	20,0	+
Михайловское, городище ⁷	481	>4,0	20,0	74,0
Магаш-1, селище ⁸	264	0,38	53,8	32,6
Блохино-1, селище ⁹	37	10,8	83,8	?

¹ Сборы учителя Кузьмина, 1959 г. Фонды НМРБ [Савельев, 2012]

² Раскопки В.В. Овсянникова, 2011 г. [Овсянников и др., 2015. С. 89-91. Рис. 8-10]

³ Приведены данные по фрагментам керамики

⁴ Раскопки В.В. Овсянникова, 2005 г. [Овсянников, 2014. Табл. на с. 95]

⁵ Раскопки А.Х. Пшеничнюка, 1979 г. [Пшеничнюк, 1983б. Табл. 2]

^{5a, 6a} Раскопки Г.В. Юсупова, 1953-1956 гг. [Юсупов, 1959. С. 68, 73-74, 82]

⁶ Раскопки А.Х. Пшеничнюка, 1980 г. [Пшеничнюк, 1983б. Табл. 1]

⁷ Раскопки Т.Н. Троицкой, 1955 г. [Троицкая, 1959. С. 91]

⁸ Раскопки Г.И. Матвеевой, 1964 г. [Матвеева, 1973. С. 244-245]. Анализ коллекции проведен Н.С. Савельевым

⁹ Раскопки В.В. Овсянникова, 2003, 2012 гг. [Овсянников и др., 2015. С. 96-98. Рис. 15-18]

Примеси раковины, песка и раковины с песком характерны для всех без исключения более или менее хорошо изученных раннекараабызских памятников лесостепи Южного Приуралья. Также они присутствуют и в генетически связанных с ними памятниках более позднего времени. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в памятниках южной части кара-абызского ареала (городища Курмантаевское и Касьяновское, селище Курман-Тау) примесь песка и мелких камешков является максимальной – от 50% и выше (табл. 1). При этом на других расположенных рядом памятниках ведущей примесью в керами-

ческом тесто является раковина (Воскресенское городище – 43,5%, Табынское городище – 70%). На селище Воронки она составляет 94,4%, а на соседнем Черниковском селище – 49%. На еще более северном городище Камышинка-2 сосудов с примесью раковины 66,4%, с примесью песка – 33,6%. Таким образом, при общем нарастании примеси песка к югу, на локальном уровне фиксируется значительная неоднородность в распределении ведущих примесей в глиняном тесте, на что ранее также обращал внимание А.Х. Пшеничнюк [1973. С. 199].

⁴ Определение примесей проводилось индивидуально для каждого фрагмента при 12-кратном увеличении.

Таблица 2

Основные элементы орнамента керамики памятников
середины – второй половины I тыс. до н.э. среднего течения р. Белая (%)

Памятник ¹	Всего сосудов	Неорн.	Ямки	Насечки	Греб.
Черниковское, селище ¹	41	-	41,0	-	18,0
Воронки, селище (2005) ⁴	125	10,4	51,2	3,2	10,4
Воронки, селище (1962) ²	285	4,2	69,5	?	9,8
Дудкино-1, селище ²	57	17,5	82,5	-	-
Шиповское городище, р. I ³	65	100	-	-	-
Шиповское городище, р. II ³	280	91,4	8,6	-	-
Охлебининское II, городище ²	528	38,4	52,7	?	6,1
Магаш-1, селище ⁷	264	65,9	0,4	4,5	-
Касьяновское, городище ⁵	749	2,1	37,2	13,5	6,0
Курман-Тай, селище ⁶	101	4,0	13,9	33,7	38,6

¹ Публикации, авторство и годы исследований см. в табл. 1

² По: [Пшеничнюк, 1973. С. 203. Табл. 2]

³ По: [Пшеничнюк, 1976а. С. 110-117]

Данная ситуация также была недавно рассмотрена В.В. Овсянниковым, который на основании анализа ряда поселений северной и центральной части кара-абызского ареала делает вывод о существовании в V-IV вв. до н.э. двух гончарных традиций (в первой в качестве основной примеси использовалась раковина, во второй – песок с мелкими камешками), которые маркируют две родственные группы населения [Овсянников и др., 2015. С. 107]. Важно и следующее наблюдение: «Наличие поселений с преобладанием подобной керамики (с примесью песка – Н.С.) говорит о некой обособленности ее носителей в кара-абызской среде» [Там же. С. 103]. В последующем активные ассимиляционные процессы привели к тому, что основной примесью в тесто кара-абызских сосудов стала толченая раковина. Однако, «песочная» гончарная традиция даже в северной и центральной частях кара-абызского ареала не была изжита полностью – об этом свидетельствует наличие

подобной керамики с ямочной орнаментацией, «идентичной классическому кара-абызскому орнаменту» [Там же], наличие керамики с примесью песка (названная автором исследований «убаларской») в нижних слоях II Охлебининского и Шиповского городищ (табл. 3-4), а также материалы селища Дежневка-1, где органично переплетаются остаточные раннекараабызские, гафурийские, ананыинские шнуровые и убаларские традиции (рис. 9). Нижняя дата этого памятника не может быть опущена ниже последних веков до н.э. – рубежа эр. В кара-абызских сосудах Шиповских курганов IV-I вв. до н.э. среди смешанных рецептур примесей песок встречается в 52,2% (12 сосудов из 23), а в гафурийских сосудах песок присутствует только в 2 случаях из 19 (10,5%) [Овсянников и др., 2007. С. 75-76]. Это свидетельствует о не свойственности примеси песка для гафурийских керамических традиций и, наоборот, об устойчивости его использования в традиции кара-абызской.

Таблица 3

Охлебининское II городище. Раскоп 1966 г. Стратиграфическое распределение гафурийской и убаларской керамики
(по данным А.Х. Пшеничнюка [1973. Табл. 3; 4])

Штык	Тип керамики, кол-во (%)			Всего
	гафурийский	смешанный	убаларский	
I	8 (18,6)	3 (7,0)	32 (74,4)	43
II	22 (37,3)	18 (30,5)	19 (32,2)	59
III	32 (91,4)	3 (8,6)	-	35
IV	35 (87,5)	5 (12,5)	-	40
V	54 (79,5)	12 (17,6)	2 (2,9)	68
VI	8 (100)	-	-	8
Всего	159	41	53	253
От общего, %	21,4	5,5	7,1	34,1
Всего в раскопе – 742 сосуда, из них 65,9% относятся к кара-абызской культуре				

Таблица 4

Шиповское городище. Раскоп II (1972 г.). Стратиграфическое распределение керамики (по данным А.Х. Пшеничнюка [1976. Табл. на с. 117])

Штык	Тип керамики, кол-во (%)				Всего	
	Кара-абызская культура		Гафурийский тип (тип III)	Убаларский тип (тип V)		
	Без орн-та (типы I-II)	Ямочный орн. (типа IV)				
I	30 (56,6)	2 (3,8)	9 (17,0)	12 (22,6)	53 (13,7)	
II	57 (57,0)	1 (1,0)	34 (34,0)	8 (8,0)	100 (26,0)	
III	107 (72,8)	13 (8,8)	24 (16,3)	3 (2,0)	147 (38,2)	
IV-V	62 (72,9)	8 (9,4)	11 (12,9)	4 (4,7)	85 (22,1)	
Всего	256 (66,5)	24 (6,2)	78 (20,3)	27 (7,0)	385 (100)	
	280 (72,7)					

Приведенные данные показывают, что ранние памятники долины р. Зилим по примесям в тесте сосудов ничем не отличаются от раннекара-абызских южной части ареала культуры. В культурном отношении ближайшими к ним являются Касьяновское и Воскресенское городища, а также селище Курман-Тау. Принципиальные различия связаны с орнаментацией сосудов – если небольшая часть орнаментов селищ Убалар и Магаш-1 находит полные аналогии в керамике памятников Курмантау-Табынского куста, то основные орнаменты этого круга памятников близки гафурийским (по данным селища Магаш-1 – 28,8%), т.е. трансформированным раннепрохоровским, традициям. На упоминавшихся выше раннекара-абызских памятниках случаи присутствия гафурийских орнаментов на раннекараабызских сосудах отсутствуют.

Другим отличием является крайне малое количество орнаментированных сосудов для селищ Убалар и Магаш-1. Для последнего зафиксировано 65,9% неорнаментированных сосудов, для первого известно, что сосудов без орнамента – большинство. Этим рассматриваемые памятники сильно отличаются даже от наиболее близких в культурном отношении Касьяновского городища и селища Курман-Тау, где неорнаментированных сосудов соответственно 2,1 и 4% (табл. 2). Однако, для немного более позднего времени сам факт резкого исчезновения орнамента на сосудах кара-абызской культуры зафиксировано уже давно [Пшеничнюк, 1976. С. 112; 117].

В раскопе II Шиповского городища из 280 кара-абызских сосудов 256 (91,4%) лишены орнамента, при этом стратиграфически фиксируется резкое снижение орнаментированных сосудов (табл. 4). В расположенному рядом раскопе I они вообще отсутствуют, а процентное соотношение кара-абызской и гафурийской керамики составляет 50,8 к 49,2. В раскопе Охлебининского II городища неорнаментированные сосуды составляют 38,4%. Эти данные вроде бы позволяют говорить о

закономерности утери традиционного орнамента одной из сторон при активной ассимиляции двух совершенно различных коллективов. Именно так я рассматривал ситуацию, сложившуюся на Шиповском городище [Савельев, 2009. С. 136]. Также и на смешанном кара-абызско-гафурийском Курмантаевском городище – неорнаментированными были 90% сосудов, но относились они не к кара-абызской культуре (они все лишены орнамента), а к гафурийскому культурному типу [Он же, 2015. С. 73; см. также: Юсупов, 1959. С. 80].

Однако, материалы Биктимировского городища показывают, что предложенное выше объяснение – лишь частность. В раскопах 3 и 5 (1962 и 1964 гг. исследований), имеющих мощность культурных напластований около 2,5 м, стратиграфически прослежено увеличение (от 0-2% до 42,6-50%) числа неорнаментированных сосудов [Савельев, 2011. Табл. 1, 2]. Резкое, практически скачкообразное – в 2 раза на каждый горизонт, нарастание количества лишенных орнамента сосудов относится к самому концу времени существования городища, вероятно – к первым векам н.э. Какие-либо иные, не-кара-абызские, памятники этого времени вокруг отсутствуют, имеющиеся – единичны, также не фиксируются и следы ассимиляционных процессов с какой-либо иной группой населения. Это может быть свидетельством только того, что нарастающая утеря орнамента является следствием каких-то глубоких внутренних процессов среди данной группы кара-абызского населения. Очень предварительно этот процесс может быть связан с трансформацией северной части кара-абызской культуры в мазунинскую культуру.

В свете приведенных выше данных исчезновение ямочно-насечково-гребенчатого орнамента у ананьинского постмаклашевского (раннекараабызского) населения, проживающего непосредственно в зоне прямых экономических (и, вероятно, – политических) интересов кочевников-прохоровцев, является вполне закономерным.

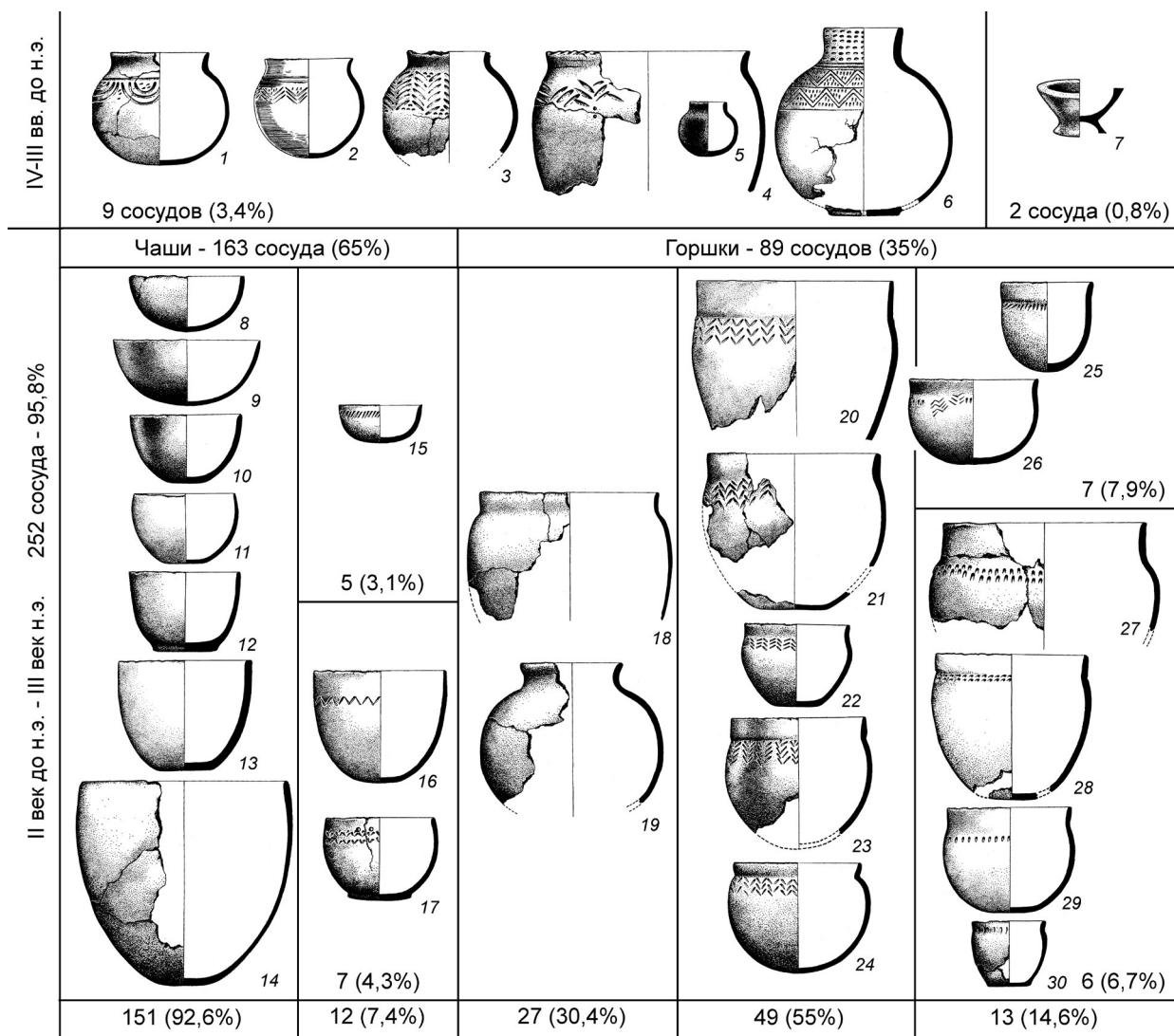

Рис. 8. Керамический комплекс Охлебининского грунтового могильника (по: [Пшеничнюк, 2004])

Возвращаясь к «гафурийской» орнаментации части сосудов с памятников круга селища Убалар, отмечу, что под собственно гафурийским культурным типом понимается трансформированный под воздействием лесостепного раннекараабызского населения комплекс кочевнической материальной культуры раннего этапа прохоровской культуры, в котором раннепрохоровские традиции сохранялись длительное время, примерно до рубежа эр или первых веков новой эры [Савельев, 2008; 2014]. Также уже отмечалось, что, судя по особенностям керамики и металлопластики, наиболее ранние кочевнические памятники сконцентрированы в пределах Курмантау-Табынского куста памятников [Там же. Рис. 4-6], т.е. на расстоянии 25-30 км к юго-западу от памятников долины р. Зилим.

Из всех орнаментированных сосудов (34,1% от коллекции) селища Магаш-1 только 14 (5,4% от всех сосудов или 15,5% от орнаментированных), о которых говорилось выше (рис. 3, 9, 10)

имеют отличную от гафурийской орнаментацию. Все остальные орнаменты представлены одинарными горизонтальными зигзагами – 7,9% от 76 сосудов с подобным орнаментом, с точками или насечками внутри зигзага – 2,6% (рис. 3, 11), вертикальными елочками (т.е. многорядным зигзагом) – 73,7%, то же с точками или насечками – 17,1% (рис. 3, 18-20). На 47 сосудах, что составляет 17,8% от всей коллекции, по верхней части сформован небольшой уступчик (рис. 3, 8, 13, 16, 19), который иногда заменен прочерченной линией (рис. 3, 5, 20). Более всего этот элемент связан с сосудами с утолщенной шейкой – около 50%, для остальных форм он характерен значительно меньше.

К кочевническому компоненту в керамическом комплексе селища Магаш-1 должны быть отнесены фрагменты не рассматривавшихся выше двух сосудов. Первый из них (рис. 4, 1) может быть реконструирован как небольшая открытая чаша или сосудик с шаровидным туловом

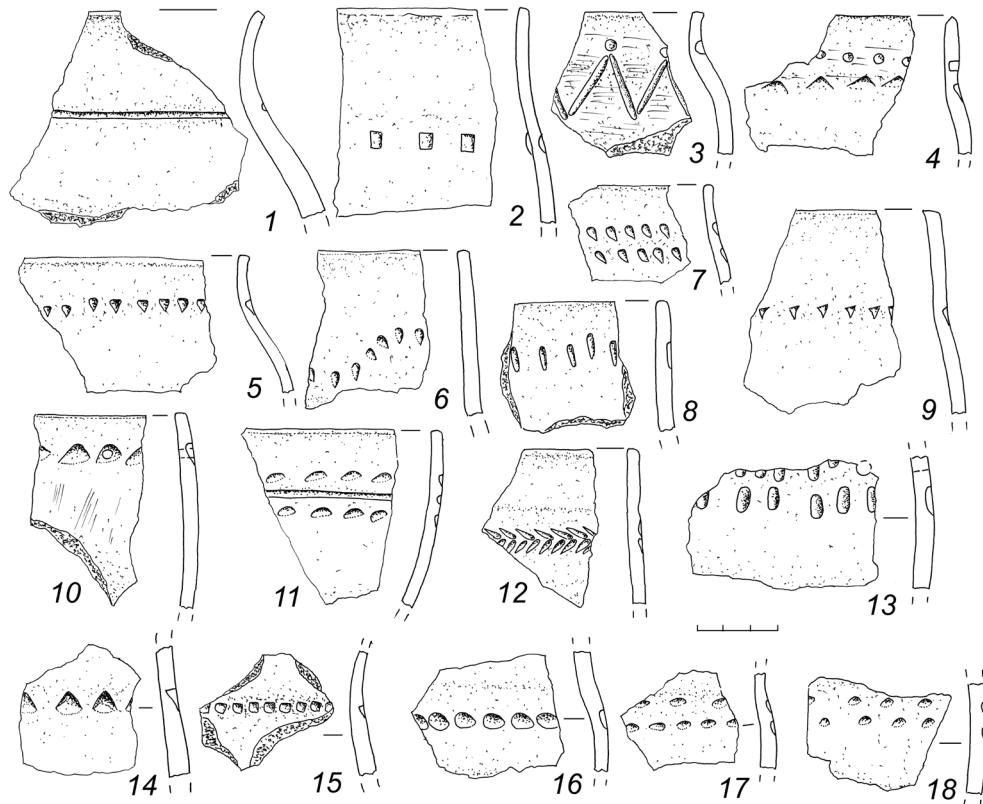

Рис. 9. Керамика Дежневского 1 селища. Подъемный материал (сборы учителя Кузьмина, 1956 г.).

Примеси: 3, 6, 7, 11-13, 18 – песок и раковина; 15 – раковина; 2, 5, 8, 10, 16, 17 – песок;
1, 14 – песок и дресва; 4, 9 – раковина и дресва

диаметром около 10 см на низком кольцевидном поддоне. Толщина стенок не превышает 4 мм, поверхности ярко-рыжие, в глиняном тесте примесь раковины, песка и дресвы. Придонная часть очень близкого по форме сосудика найдена при раскопках 1957 г. на селище Убаларап (рис. 2, 7). Сам по себе кольцевидный поддон совершенно не характерен ни для постмаклашеевской, ни для кара-абызской керамической традиции и может быть связан с отдельными типами сосудов савроматского времени [Железчиков и др., 2006. Рис. 11, 7], раннего этапа прохоровской культуры [Мошкова, 1963. Табл. 5, 24] или курильницами «классической» прохоровской культуры [Пищениньюк, 1983а. Табл. XII, 18; XVIII, 9].

От второго сосуда сохранился небольшой фрагмент (рис. 4, 7), судя по которому шейка его была дуговидно отогнутой и значительно утолщенной, тулово раздутым, а сам сосуд достаточно крупным. Тесто фрагмента черное, плотное, с примесью песка, дресвы и большого количества крупнотолченой слюды. Наружная поверхность красно-кирпичного цвета. Все характерные признаки свидетельствуют о том, что данный фрагмент происходит от сосуда раннего этапа прохоровской культуры, которые хорошо представлены на памятниках рядом расположенного Курмантау-Табынского куста [Савельев, 2014.

Рис. 4-5]. Так же подобные, но менее профицированные формы известны и на селище Магаш-1 (рис. 3, 18).

Таким образом, на селище Магаш-1, как и на селище Убаларап, представлены очень однобразные, сильно обедненные и редуцированные гафурийские орнаменты, а также отдельные формы, имеющие явно раннепрохоровское происхождение. В то же время, все эти элементы либо единичны, либо имеют очень ограниченное распространение. Основу керамического комплекса составляют крупные широкогорлые слабопрофилированные горшки, чаши и миски с бережком, имеющие прямые аналогии в постмаклашеевских (раннекараабызских) памятниках. Также в нем, хотя и незначительно, сохраняются и простейшие раннекараабызские орнаменты (рис. 2, 17-20; 3, 10; 5, 1-12, 16). По мощности и насыщенности культурные слои двух рассматриваемых памятников не уступают наиболее хорошо исследованным раннекараабызским поселениям – селищам Воронки и Курман-Тай, Кастьяновскому, Михайловскому и Воскресенскому городищам. Различия прослеживаются только в богатстве и разнообразии материальной культуры. На памятниках бассейна р. Зилим это немногочисленные костяные изделия хозяйственного назначения, оселки, костяные наконечники стрел

и другие подобные предметы. Самой яркой находкой является бронзовая ажурная бляха с селища Магаш-1 (рис. 4, 9). Такой нарочитой бедностью находок зилимские памятники сближаются с более северными (Охлебинино II, Шипово, Зинино, Воронки и др.). Памятники Курмантау-Табынского куста сильно отличаются: на них найдены многочисленные бронзовые украшения, наконечники стрел, бракованные и сломанные изделия, литейные формы, орудия металлообработки и пр. [Юсупов, 1959].

Данная ситуация, по моему мнению, может быть интерпретирована только одним образом: раннекараабызское население бассейна р. Зилим, в силу каких-то внутренних причин практически полностью потерявшее свою традиционную орнаментацию посуды, не участвовало в активных ассимиляционных процессах, проходивших между их ближайшими родственниками и пришлыми кочевниками – носителями ранне-прохоровской культуры (памятники Курмантау-Табынского куста), а постепенно установили достаточно ограниченные брачные отношения с этим населением. Опять же, судя по имеющейся керамике, данные взаимоотношения были установлены с уже метисным населением, т.к. пока на зилимских памятниках отсутствует керамика

с примесью талька, а известны единичные фрагменты сосудов с заменяющей его слюдой. Также и обедненные убаларские орнаменты находят свои истоки в уже стандартизованных и редуцированных орнаментах гафурийских памятников (рис. 6). Вероятно, в дальнейшем данная орнаментация прочно закрепилась в керамических традициях населения бассейна р. Зилим и в III-II вв. до н.э. (рис. 7А) была принесена севернее, в Нагаево-Охлебининский куст памятников, где убаларские керамические традиции постепенно стали если не единственными, то практически полностью доминирующими [Бахшиев, Савельев, 2013] (рис. 8)⁵.

Этот вывод не позволяет согласиться с мнением Г.И. Матвеевой о выделении в кара-абызской культуре особого убаларского локального варианта. Более правильно эти памятники, занимавшие первоначально предгорную полосу и край гор Южного Урала, рассматривать в рамках «культурного типа», ситуативно сложившегося на дальней окраине экономических и политических интересов степных кочевников, но при этом сохранившего многие архаичные черты, которые постепенно были перенесены и на более северные территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все вопросы, связанные с достаточно длительным существованием в Южном Приуралье остаточного постмаклашеевского (раннекараабызского) населения, объединенного в хорошо узнаваемый (в первую очередь – по особенностям керамического комплекса) убаларский культурный тип. Исключить эти древности из состава кара-абызской культуры невозможно (во всяком случае – в пределах территории, занимаемой этой культурой), все различия не выходят за пределы локальных или этнографических. Предварительно в развитии убаларского культурного типа может быть выделено три основных этапа.

Этап 1 (середина IV – III вв. до н.э.) – формирование убаларского культурного типа на основе раннекараабызских памятников бассейна р. Зилим. Размеры данной территории составляют около 50×20 км, ограничены предгорной равниной и краем горно-лесной зоны (рис. 1).

Этап 2 (условно – II в. до н.э. – II в. н.э.) – начало активного переноса убаларских керамических традиций (как «гафурийских» орнаментов, так и неорнаментированных сосудов) на более

северные территории, вплоть до Уфимского полуострова и широких равнин по левобережью р. Уфа. «Классическая» кара-абызская керамика здесь практически полностью исчезает [Пшеничнюк, 1976а. С. 118; Савельев, 2009; Бахшиев, Савельев, 2013] (рис. 8). К югу от бассейна р. Зилим по предгорной полосе также присутствуют убаларские памятники, но данные о них пока разрознены. Также продолжают существовать и памятники по р. Зилим.

Этап 3 (III в. – середина I тыс. н.э.) – стандартизация орнаментов и форм сосудов (селища Блохино-1 и Акбердино-3, городища Уфа II и Имендяшевское, поздние погребения Шиповского грунтового могильника, Ахмеровские II, Салиховские и Камбулатовские курганы), максимальное расширение территории распространения (рис. 1). Данный этап может быть назван *имендяшевским*; основания для выделения его в особый тип [Матвеева, 1973. С. 249-250; Мажитов, 1976. С. 31; 1977. С. 55] или даже археологическую культуру [Васюткин, 1968. С. 61; Пшеничнюк, 1992. С. 83; Иванов, 1996. С. 74-75; Гарустович, Рязанов, 2006. С. 237] отсутствуют. В предгорьях

⁵ В статье по объективным причинам не учтены материалы шурfovки 2017 г. на Охлебининском II городище. Полученные материалы показывают абсолютное доминирование раннекараабызской (постмаклашеевской) керамики с примесью грубого песка во всей толще культурного слоя, постепенное появление и быстрое размывание двух совершенно инородных групп керамики: кара-абызской с примесью раковины и гафурийской с примесью талька. Это позволяет к ядру формирования убаларского комплекса формально относить и территории к северу от долины р. Зилим.

правобережья р. Белая происходит активная ассимиляция поздних убальских групп с оседающим населением позднесарматской культуры [Васюткин, 1968. С. 60; 1977. С. 89; 1986. С. 195; 1987. С. 111] и включение в формирующиеся турбаслинскую [Мажитов, 1977. С. 51, 55; Васюткин, 1987. С. 110-111; Боталов, 2009. С. 252, 539; 2016а. С. 45-46] и бахмутинскую [Генинг, 1972. С. 245; Мажитов, 1977. С. 42; Боталов, 2016б. С. 497] культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АКБ, 1976:* Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 264 с.
- АПБ, 1996:* Археологические памятники Башкортостана (История культуры Башкортостана. Вып. 6) / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 280 с.
- Ахатов А.Т.* Этноархеологические исследования ИЭИ УНЦ РАН (краткие результаты археологических экспедиций 2014 г.) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых посвящ. 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2014. С. 12-15.
- Бахшиев И.И., Савельев Н.С.* К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // УАВ. Вып. 13. 2013. С. 104-115.
- Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2009. 672 с.
- Боталов С.Г.* Современное состояние исследований эпохи средневековья лесостепного Зауралья. Вопросы культурно-хронологической интерпретации // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016а. С. 44-58.
- Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016б. С. 468-541.
- Васильев В.Н.* К вопросу о сарматских каменных жертвенных кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. 1998. С. 25-43.
- Васюткин С.М.* Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н.э. // СА. №1. 1968. С. 56-72.
- Васюткин С.М.* II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 67-89.
- Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV – V в. в Башкирии // СА. №2. 1986. С. 180-197.
- Васюткин С.М.* Поселения I тыс. н.э. правобережья Средней Белой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 104-113.
- Гарустович Г.Н., Рязанов С.В.* Новые памятники позднего железного века и эпохи бронзы в западных предгорьях Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 235-245.
- Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III-VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. статей советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221-295.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Горбунов В.С., Иванов В.А.* Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Проблемы археологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 99-109.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.
- Иванов В.А.* Южный Урал в эпоху Великого переселения народов // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. С. 71-78.
- Иванов В.А.* Этнокультурная специфика населения среднего течения р. Белой во второй половине I тыс. до н.э. // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР. №13) / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 207-217.

- Исмагил Р., Сунгатов Ф.А.* Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Белая река, 2013. 223 с.
- История Урала* с древнейших времен до 1861 г. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1989. 608 с.
- Котов В.Г., Савельев Н.С.* Промысловая стоянка «Ташмурновский грот» в верховьях реки Белая // УАВ. Вып. 4. 2003. С. 124-147.
- Мажитов Н.А.* Культуры V-XIV вв. // Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. С. 27-33.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Матвеева Г.И.* Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. 5 / Под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 244-252.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д. 1-10. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 32 с.
- Овсянников В.В.* Нагаевские курганы // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа: БГОМ, 1995. С. 85-93.
- Овсянников В.В.* Отчет об археологических разведках в Гафурийском и Архангельском районах Республики Башкортостан в 2008 году. Уфа, 2009-А / Архив ИА РАН.
- Овсянников В.В.* Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 303-313.
- Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М.* Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // УАВ. Вып. 15. 2015. С. 85-110.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
- Пшеничнюк А.Х.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т. 2 / Под ред. Р.Г. Кузеева и К.В. Сальникова. Уфа: АН СССР, 1964. С. 93-100.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. 5 / Под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162-243.
- Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Башкирии / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35-131.
- Пшеничнюк А.Х.* Эпоха раннего железа // Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. С. 22-27.
- Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983а. 200 с.
- Пшеничнюк А.Х.* Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка и В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983б. С. 77-103.
- Пшеничнюк А.Х.* Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы археологии сарматской культуры / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 67-84.
- Пшеничнюк А.Х.* Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // УАВ. Вып. 5. 2004. С. 189-191.
- Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В.* Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: б.и., 2007.
- Савельев Н.С.* Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирендык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 92-104.
- Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.
- Савельев Н.С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21-25 апреля 2008 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург, 2008. С. 116-136.
- Савельев Н.С.* Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. Вып. 9. 2009. С. 127-140.
- Савельев Н.С.* Гафурийский керамический комплекс эпохи раннего железа с Биктимировского городища // РА. №2. 2011. С. 56-66.
- Савельев Н.С.* Раннекараабызская керамика Южного Приуралья: основные характеристики, ареал распространения и особенности трансформации (по материалам Черниковского селища). Доклад представлен на Всеросс. науч. конф. «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы», г. Болгар, 16-18.11.2012 г.
- Савельев Н.С.* Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский,

- Н.С. Савельев. (УАВ. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 191-206.
- Савельев Н.С.* Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ. Вып. 15. 2015. С. 62-84.
- Савельев Н.С.* Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241-253.
- Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьевский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы /
- Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 478-504.
- Садыкова М.Х.* Новые памятники железного века Башкирии (исследования 1957 г.) // АЭБ. Т. 1 / Под ред. Р.Г. Кузеева и К.В. Сальникова. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 123-132.
- Троицкая Т.Н.* Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1959. С. 88-98.
- Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1959. С. 58-87.
- Яблонский Л.Т.* Прохоровка. У истоков сарматской археологии. (МИАР. № 12). М.: Тauc, 2010. 383 с.

REFERENCES

- AKB, 1976:* Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological Map of Bashkortostan]. M.: Nauka, 1976. 264 s.
- APB, 1996:* Arheologicheskie pamyatniki Bashkortostana (Istoriya kul'tury Bashkortostana. Vyp. 6) [Archaeological Sites of Bashkortostan (Bashkortostan's Culture History. Vol. 6)] / Otv. red. Yu.A. Morozov. Ufa: Gilem, 280 s.
- Ahatov A.T.* Etnoarheologicheskie issledovaniya IEI UNC RAN (kratkie rezul'taty arheologicheskikh ekspedicij 2014 g.) [Ethnoarchaeological IEI research, Ufa Science (summary results of archaeological expeditions in 2014)] // Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost': materialy VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenyh, posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya R.G. Kuzeeva. Ufa: IEI UNC RAN, 2014. S. 12-15.
- Bahshiev I.I., Savelev N.S.* K izucheniyu nekotoryh voprosov etnokul'turnoj dinamiki i hozyajstva naseleniya lesostepi Yuzhnogo Priural'ya epohi rannego zheleza (po materialam selishcha Zinino-1) [To the study of some issues of ethno-cultural dynamics and economy of the forest-steppe population of South CisUrals from the Early Iron Age (based on materials of Zinino-1 site)] // UAV. Vyp. 13. 2013. S. 104-115.
- Botalov S.G.* Gunny i tyurki (istoriko-arheologicheskaya rekonstrukciya) [The Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction)]. Chelyabinsk: OOO CIKR «Rifej», 2009. 672 s.
- Botalov S.G.* Sovremennoe sostoyanie issledovanij epohi srednevekov'ya lesostepnogo Zaural'ya. Voprosy kul'turno-hronologicheskoy interpretacii [The current state of research of the Middle Ages steppe Trans-Urals. Issues of cultural and chronological interpretation] // Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep'. Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e (problemy kul'turogeneza) /
- Seriya «Etnogenez ural'skih narodov». Chelyabinsk: OOO CIKR «Rifej», 2016a. S. 44-58.
- Botalov S.G.* Istoriko-kul'turnye gorizonty rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya lesostepnogo Zaural'ya [Historical and cultural horizons of the early Iron Age and the Middle Ages forest-steppe of the Trans-Urals] // Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep'. Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e (problemy kul'turogeneza) / Seriya «Etnogenez ural'skih narodov». Chelyabinsk: OOO CIKR «Rifej», 2016b. S. 468-541.
- Vasilev V.N.* K voprosu o sarmatskih kamennyh zhertvennikah kochevnikov Yuzhnogo Urala [To the issue of stone altars made by Sarmatian nomads of the Southern Urals] // UAV. Vyp. 1. 1998. S. 25-43.
- Vasyutkin S.M.* Nekotorye spornye voprosy arheologii Bashkirii I tysyacheletiya n.e. [Some controversial issues of Bashkiria as Archaeology In millennium BC] // SA. 1968. №1. S. 56-72.
- Vasyutkin S.M.* II Ahmerovskij kurgannyj mogil'nik pozdnesarmatskogo vremeni [II Akhmerovsky Late Sarmatian time burial mound] // Issledovaniya po arheologii Yuzhnogo Urala / Otv. red. R.G. Kuzeev. Ufa: BFAN SSSR, 1977. S. 67-89.
- Vasyutkin S.M.* Salihovskij kurgannyj mogil'nik konca IV – V v. v Bashkirii [Salihovsky barrow of late IV - V century in Bashkiria] // SA. 1986. №2. S. 180-197.
- Vasyutkin S.M.* Poseleniya I tys. n.e. pravoberezh'ya Srednej Beloj [The settlements of I millennium AD on the right bank of the Middle Belaya river] // Problemy srednevekovoj arheologii Urala i Povolzh'ya / Otv. red. R.G. Kuzeev. Ufa: BFAN SSSR, 1987. S. 104-113.
- Garustovich G.N., Ryazanov S.V.* Novye pamyatniki pozdnezhelzynogo veka i epohi bronzy v zapadnyh predgor'yah Yuzhnogo Urala [New monuments of the late Iron Age and the

- Bronze Age in the western foothills of the Southern Urals] // *Yuzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya*: Sb. statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka / Otv. red. G.T. Obydennova, N.S. Savelev. Ufa: Gilem, 2006. S. 235-245.
- Gening V.F. Yuzhnoe Priural'e v III-VII vv. n.e. (problema etnosa i ego proiskhozhdeniya)* [Southern Urals in the III-VII centuries BC (The problem of the ethnic group and its origin)] // *Problemy arheologii i drevnej istorii ugrov*. Sb. statej sovetskikh i vengerskikh arheologov / Otv. red. A.P. Smirnov, V.N. Chernenkov, I.F. Erdeli. M.: Nauka, 1972. S. 221-295.
- Gening V.F. Etnicheskaya istoriya Zapadnogo Priural'ya na rubezhe nashej ery (p'yanoborskaya epoha III v. do n.e. – II v. n.e.)* [Ethnic History of the Western Urals at the turn of our era (Pyanoborskaya epoch III BC - II century AD.)]. M.: Nauka, 1988. 240 s.
- Gorbunov V.S., Ivanov V.A. Novye pamyatniki rannih kochevnikov v Yuzhnom Priural'e* [New monuments of early nomads of the Southern Urals] // *Problemy arheologii sarmatskoj kul'tury* / Otv. red. A.S. Skripkin. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1992. S. 99-109.
- Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergatskov I.V. Drevnosti Lebedevki (VI-II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (VI-II centuries BC)]. M.: Vostochnaya literatura, 2006. 159 s.
- Ivanov V.A. Yuzhnyj Ural v epohu Velikogo pereseleniya narodov* [Southern Urals in the era of the Great Migration] // *Istoriya Bashkortostana s drevnejshih vremen do 60-h godov XIX veka* / Otv. red. H.F. Usmanov. Ufa: Kitap, 1996. S. 71-78.
- Ivanov V.A. Etnokul'turnaya specifika naseleniya srednego techeniya r. Beloj vo vtoroj polovine I tys. do n.e.* [Ethnocultural specificity of the middle reaches of the population of the White river in the second half of the I millennium BC] // *Arheologiya i paleoantropologiya Evrazijskikh stepей i sopredel'nyh territorij* (MIAR. №13) / Otv. red. M.M. Gerasimova, V.Yu. Malashev, M.G. Moshkova. M.: IA RAN, 2010. S. 207-217.
- Ismagil R., Sungatov F.A. Pamyatniki yaickoy kul'tury poslednej chetverti V – IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaik Culture of the last quarter of V-IV centuries BC in the southern Urals]. Ufa: Belya reka, 2013. 223 s.
- Istoriya Urala s drevnejshih vremen do 1861 g.* [The history of the Urals from ancient times to 1861] / Otv. red. A.A. Preobrazhenskij. M.: Nauka, 1989. 608 s.
- Kotov V.G., Savelev N.S. Promyslovaya stoyanka «Tashmurunovskij grot» v verhov'yah reki Belaya* [The hunting and game ground “Tashmurun grotto” in the upper reaches of the river Belaya] // UAV. Vyp. 4. 2003. S. 124-147.
- Mazhitov N.A. Kul'tury V-XIV vv.* [Culture V-XIV centuries] // *Arheologicheskaya karta Bashkirii* / Otv. red. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976. S. 27-33.
- Mazhitov N.A. Yuzhnyj Ural v VII-XIV vv.* [Southern Urals in VII-XIV centuries]. M.: Nauka, 1977. 240 s.
- Matveeva G.I. Pamyatniki zheleznogo veka v bassejne r. Zilim* [Iron Age monuments in the Zilim river basin] // AEB. T. 5 / Pod red. R.G. Kuzeeva. Ufa: BFAN SSSR, 1973. S. 244-252.
- Moshkova M.G. Pamyatniki prohorovskoj kul'tury* [The Prokhorov Culture Monuments] / SAI. Vyp. D. 1-10. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 32 s.
- Ovsyannikov V.V. Nagaevskie kurgany* [Nagaevskaya mounds] // Nasledie vekov. Ohrana i izuchenie pamyatnikov arheologii v Bashkortostane. Vyp. 1. Ufa: BGOM, 1995. S. 85-93.
- Ovsyannikov V.V. Selishche Voronki – rannij pamyatnik kara-abyzskoj kul'tury* [Settlement Voronki – early monument of Kara-abyz Culture] // Anan'inskij mir: istoki, razvitiye, svyazi, istoricheskie sud'by / Otv. red. S.V. Kuz'minyh, A.A. Chizhevskij / Seriya «Arheologiya evrazijskikh stepej». Vyp. 20. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 303-313.
- Ovsyannikov V.V., Kayumov I.H., Babin I.M. Novye materialy s poselenij kara-abyzskoj kul'tury* [New materials from settlements of the Kara-Abyz culture] // UAV. Vyp. 15. 2015. S. 85-110.
- Ovsyannikov V.V., Savelev N.S., Akbulatov I.M., Vasilev V.N. Shipovskij mogil'nik v lesostepnom Priural'e* [The Shipovo burial in the forest-steppe Trans-Urals]. Ufa: Gilem, 2007. 166 s.
- Pshenichnyuk A.H. K voprosu o keramike kara-abyzskih poselenij* [On the question of ceramics of the Kara-abyzskih settlements] // AEB. T. 2 / Pod red. R.G. Kuzeeva i K.V. Sal'nikova. Ufa: AN SSSR, 1964. S. 93-100.
- Pshenichnyuk A.H. Kara-abyzskaya kul'tura (naselenie central'noj Bashkirii na rubezhe nashej ery)* [The Kara-abyz culture (population center of Bashkortostan at the turn of our era)] // AEB. T. 5 / Pod red. R.G. Kuzeeva. Ufa: BFAN SSSR, 1973. S. 162-243.
- Pshenichnyuk A.H. Shipovskij kompleks pamyatnikov (IV v. do n.e. – III v. n.e.)* [Shipovo complex of monuments (IV cent. BC – III cent. AD)] // *Drevnosti Bashkirii* / Otv. red. R.G. Kuzeev. Ufa: BFAN SSSR, 1976. S. 35-131.
- Pshenichnyuk A.H. Epoha rannego zheleza* [Shipovsky complex of monuments (IV century BC – III century AD)] // *Arheologicheskaya karta Bashkirii* / Otv. red. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976b. S. 22-27.
- Pshenichnyuk A.H. Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [The culture of the early nomads of the Southern Urals]. M.: Nauka, 1983a. 200 s.
- Pshenichnyuk A.H. Novye materialy s poselenij Gafurijskogo rajona* [New materials with settlements of Gafury district] // *Poseleniya i zhilishcha drevnih plemen Yuzhnogo Urala* / Pod

red. A.H. Pshenichnyuka i V.A. Ivanova. Ufa: BFAN SSSR, 1983b. S. 77-103.

Pshenichnyuk A.H. Derbenevskij kurgannyj mogil'nik pozdnesarmatskogo vremeni v Zapadnom Priural'e [Derbenevsky burial mound of Late Sarmatian time in the Western Urals] // Problemy arheologii sarmatskoj kul'tury / Otv. red. A.S. Skripkin. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1992. S. 67-84.

Pshenichnyuk A.H. Glinyanaya posuda Ohlebininskogo mogil'nika kara-abyzskoj kul'tury [Pottery of Ohlebininsk burial of the Kara-abyzskoy culture] // UAV. Vyp. 5. 2004. S. 189-191.

Pshenichnyuk A.H., Ovsyannikov V.V. Arheologicheskaya karta Iglinskogo rajona Respubliki Bashkortostan [Archaeological Map of Iglino district of Bashkortostan]. Ufa: IIYaL UNC RAN, 2007. 62 s..

Savelev N.S. Kurgan epohi rannih kochevnikov Kushalykuak-1 v vostochnyh predgor'yah hreba Irendyk [Barrow of the epoch of early nomads Kushalykuak-1 in the eastern foothills of the mountain range Irendyk] // Yuzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sb. statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka / Otv. red. G.T. Obydennova, N.S. Savelev. Ufa: Gilem, 2006. S. 92-104.

Savelev N.S. Mesyagutovskaya lesostep' v epohu rannego zheleza [The Mesyagutovo forest-steppe in the early Iron Age]. Ufa: Gilem, 2007. 260 s.

Savelev N.S. Proiskhozhdenie gafurijskogo kompleksa lesostepi Yuzhnogo Prural'ya serediny – vtoroj poloviny I tysyacheletiya do n.e. [The Origin of Gafury complex of forest-steppe of Southern Urals, middle - second half of the 1st millennium BC] // Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona. Materialy mezdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete novejshih arheologicheskikh otkrytij». Orenburg, 21-25 aprelya 2008 g. / Otv. red. L.T. Yablonskij. Orenburg, 2008. S. 116-136.

Savelev N.S. Novye issledovaniya Shipovskogo gorodishcha v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [New research of Shipovo forest settlement in the Southern Urals] // UAV. Vyp. 9. 2009. S. 127-140.

Savelev N.S. Gafurijskij keramicheskij kompleks epohi rannego zheleza s Biktimirovskogo gorodishcha [Gafury ceramic complex from the early Iron Age from Biktimirovo settlement] // RA. 2011. № 2. S. 56-66.

Savelev N.S. Rannekaraabyskaya keramika Yuzhnogo Priural'ya: osnovnye harakteristiki, areal rasprostraneniya i osobennosti transformacii (po materialam Chernikovskogo selishcha) [Early the Kara-abyz ceramics of Southern Urals: the main characteristics, the area of distribution and features of transformation (based on Chernikov Villages)]. Doklad predstavlen na Vseross. nauch.

konf. «Anan'inskij mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by», g. Bolgar, 16-18.11.2012 g.

Savelev N.S. Sarmatizaciya lesostepi Yuzhnogo Priural'ya: predposylki, osnovnye etapy, harakteristiki, sledstviya [Sarmatization of the Southern Urals forest-steppe: background, milestones, characteristics, consequences] // Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Vseros. (s mezdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii», Ufa, IIYaL UNC RAN, 12-15 maya 2014 g. / Otv. red. L.T. Yablonskij, N.S. Savelev. (UAV. Vyp. 14). Ufa: IIYaL UNC RAN, Centr «Nasledie», 2014. S. 191-206.

Savelev N.S. Poselencheskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnoj chasti gorno-lesnoj zony Yuzhnogo Urala [Settlement monuments of Scythian-Sarmatian time nomads in southern mountain and forest area of South Ural] // UAV. Vyp. 15. 2015. S. 62-84.

Savelev N.S. Mechi i kinzhaly v kul'tovoj praktike kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifo-sarmatskogo vremeni (prostranstvennyj analiz «sluchajnyh» nahodok) [Swords and daggers in the religious practice of the nomads of the Southern Urals Scythian-Sarmatian time (spatial analysis of "accidental" discoveries)] // Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arheologii. Materialy IX Mezdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016. S. 241-253.

Savelev N.S., Yablonskij L.T. Step' i lesostep' na nachal'nom ehtape rannesarmatskoi kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [Steppe and forest-steppe at the initial stage of early Sarmatian culture of the Southern Urals] // Anan'inskij mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by / Otv. red. S.V. Kuz'minyh, A.A. Chizhevskij / Seriya «Arheologiya evrazijskikh stepej». Vyp. 20. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 478-504.

Sadykova M.H. Novye pamyatniki zheleznogo veka Bashkirii (issledovaniya 1957 g.) [New Iron Age monuments of Bashkortostan (1957 studies)] // AEB. T. 1 / Pod red. R.G. Kuzeeva i K.V. Sal'nikova. Ufa: BFAN SSSR, 1962. S. 123-132.

Troickaya T.N. Raskopki Mihajlovskogo gorodishcha v Bashkirii [Excavations of Mikhailovsky fort in Bashkiria] // Bashkirskij arheologicheskij sbornik / Red. A.P. Smirnov, R.G. Kuzeev. Ufa: IIYaL BFAN SSSR, 1959. S. 88-98.

Yusupov G.V. Drevnejshie poseleniya Gafurijskogo rajona [The oldest settlements of Gafury district] // Bashkirskij arheologicheskij sbornik / Red. A.P. Smirnov, R.G. Kuzeev. Ufa: IIYaL BFAN SSSR, 1959. S. 58-87.

Yablonskij L.T. Prohorovka. U istokov sarmatskoj arheologii [Prokhorovka. At the root of Sarmatian archeology]. (MIAR. № 12). M.: Taus, 2010. 383 s.

КИНЖАЛ С КОГТЕВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ МИЯКИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН¹

А.Д. Таиров

THE DAGGER WITH THE CLAW-SHAPED HEAD FROM MIYAKI DISTRICT OF THE REPUBLIK OF BASHKORTOSTAN

A.Tairov

Ключевые слова: Южный Урал, Милякинский район, савромато-сарматское время, кинжал с когтевидным навершием

В научный оборот вводится железный кинжал с когтевидным навершием и узким бабочковидным перекрестием савромато-сарматского времени, найденный на территории Милякинского района Республики Башкортостан и хранящийся в школьном музее села Зильдярово.

Keywords: South Urals, Miyakinskiy district, Savromatian-Sarmatian period, dagger with claw-shaped head

An iron dagger with claw-shaped head and a narrow butterfly-shaped cross-hair of the Savromatian-Sarmatian period are published. It was found in the territory of the Republic of Bashkortostan and now the dagger is kept in the school museum of the village Zil'dyarovo.

В школьном музее с. Зильдярово Милякинского района Республики Башкортостан хранится, помимо кинжалов с прямым перекрестием и кольцевым и серповидным навершием [Таиров, 2015. С. 517-518. Рис. 3], железный кинжал с когтевидным навершием и узким бабочковидным перекрестием.

Сохранность изделия оставляет желать лучшего. На одном его лезвии имеются вмятины от ударов по предмету с тупым широким краем, на втором – мелкие заломы, образовавшиеся в результате ударов по оструму предмету. На навершии хорошо видны следы ударов по кинжалу сверху. Клинок обломан. Поверхность кинжала сильно корродирована, вследствие чего изображения на рукояти и навершии читаются с трудом (рис. 1)².

Навершие трактовано в виде двух когтистых птичьих лап в три изгиба, соединенных перемычкой. С обеих сторон рукояти в основании каждой лапы показан глаз птицы с округлым зрачком, оформленный узким желобком (рис. 2).

Обе широкие плоскости овальной в сечении рукояти разделены двумя неглубокими желобками на три параллельные полосы, которые заходят на навершие кинжала. Центральные полосы обеих сторон на длину 7,9 см и ширину 1,0-1,1 см покрыты зооморфным (?) орнаментом, восстановить который вследствие плохой сохранности не представляется возможным. Перекрестье кинжала узкое бабочковидное, клинок в сечении ромбический.

Рис. 1. Рукоять кинжала из школьного музея с. Зильдярово. Железо

Визуальный осмотр кинжала позволил прийти к заключению, что его навершие, рукоять и клинок выкованы из одной полосы железа. Навершие оформлено на раскованном конце полосы, толщина которой уменьшается от рукояти к верхнему краю навершия с 0,8 до 0,3 см. Перекрестье состоит из двух пластин толщиной 0,2 см, обернутых вокруг пятки клинка и соединенных кузнечной сваркой на окончаниях.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

² Выражаем искреннюю признательность главе администрации Милякинского района Р.Г. Актуганову и его заместителю С.М. Атангуловой, краеведам И.Ш. Ягудину, С.С. Гумерову, Р.К. Килевой и Ф.Е. Жижелеву за содействие в организации и проведении исследований.

Между пяткой клинка и перекрестием тонкая щель, видимая как со стороны рукояти, так и со стороны клинка.

Параметры кинжала. Общая длина сохранившейся части кинжала – 26,3 см. Клинок: сохранившаяся длина от перекрестья – 14,2 см, ширина у перекрестья – 5,1 см, толщина у перекрестья – 0,5 см, ширина пятки клинка – 1,8 см. Перекрестье: длина – 8,5 см, ширина в центре – 1,8 см, максимальная крыльев – 1,8 см, толщина в центре с пяткой клинка – 1,2 см, на окончаниях крыльев – 0,2 см. Рукоять: длина по центру – 6,3 см, по краям – 6,8 см, ширина вверху у навершия – 3,0 см, в центре – 2,8 см, у перекрестья – 3,3 см, толщина у навершия и перекрестья – 0,8 см, в центре – 0,9 см. Навершие: высота – 4,0 см; ширина максимальная – 7,9 см, толщина: на уровне нижних краев отверстий – 0,5 см, на уровне верхних краев отверстий – 0,3 см.

Мечи и кинжалы с когтевидным навершием и узким бабочковидным или ложнотреугольным перекрестием были широко распространены в эпоху раннего железа у степных и лесостепных племен Восточной Европы и Южного Урала и датируются, как правило, в пределах V–IV вв. до н.э., концом V – IV вв. до н.э. [Денисов, Мышкин, 2008. С. 66, 68] или, что более вероятно, V – первой половиной IV вв. до н.э. [Таиров, Ульянов, 1996. С. 141].

Членение рукояти на три продольные зоны, центральная из которых несет на себе изображения, выполненные в традициях звериного стиля, довольно часто встречается на клинковом оружии позднесавроматского и раннесарматского времени Южного Урала и Поволжья [см. напр.: Горбунов, Исмагилов, 1976. Рис. 1, 9; Денисов, Мышкин, 2008. Рис. 4, 6, 10, 11; Зайцев, Иванов, 2009. Рис. 1; Исмагилов, 1978. Рис. 1, 3, 4; Он же, 2001. Табл. I, 8; Мышкин и др., 2007. Рис. 3, 1; Таиров, 2007. Рис. 2; Таиров, Ульянов, 1996. Рис. 2].

Навершие зильдяровского кинжала по своему облику наиболее близко навершию кинжала из Чебаркульского музея, которое трактовано в виде пары когтистых лап в три изгиба, соединенных между собой поперечной перекладиной. В основании каждой лапы изображение глаза в виде двойных кружков [Таиров, 2007. С. 27–28. Рис. 4]. Аналогичную схему навершия имеет и ряд кинжалов из Южной Башкирии, датированных Р.Б. Исмагиловым концом V – IV вв.

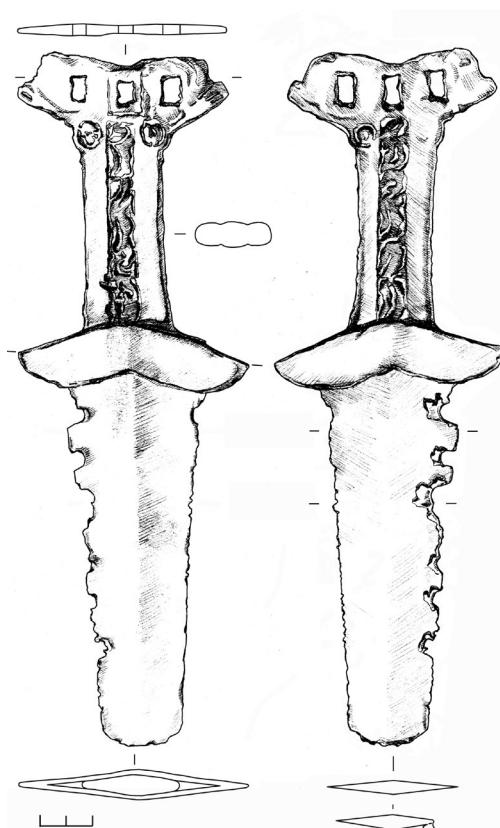

Рис. 2. Кинжал из школьного музея с. Зильдярово. Железо

до н.э. Из них наиболее близки публикуемому по схеме навершия, форме перекрестья и клинка кинжалы из пос. Дадановка и дер. Талачево под Стерлитамаком. У последнего, также, как и у зильдяровского, центральная продольная зона рукояти имеет зооморфные изображения [Горбунов, Исмагилов, 1976. Рис. 1, 9, 10; Исмагилов, 1978. С. 229–234. Рис. 1, 1–4; Он же, 2001. Табл. I, 8]. Ряд кинжалов этого типа происходит из Самарского Поволжья, из которых зильдяровскому наиболее близки экземпляры из Студеного Оврага в г. Самара и из с. Новая Богдановка, датированные временем в пределах V–IV вв. до н.э., либо концом V – IV вв. до н.э. [Денисов, Мышкин, 2008. С. 68. Рис. 4, 6, 7, 10]. Близкую схему навершия имеют и некоторые кинжалы из лесостепного Подонья конца V – IV вв. до н.э. [Медведев, 1999. С. 102. Рис. 51, 17, 18].

Детали оформления навершия и рукояти, узкое бабочковидное перекрестье и ромбический в сечении клинок дают возможность датировать кинжал из Зильдярово V в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // Советская археология. 1976. №3. С. 229–247.

Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2008. С. 62–75.

Зайцев И.А., Иванов А.А. Кинжал из села Устинова Челябинской области // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 83-87.

Исмагилов Р.Б. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // Советская археология. 1978. №4. С. 229-238.

Исмагилов Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 117-147.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков Д.А. Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 3. Материалы Межрегиональной науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания

Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2007. С. 39-45.

Таиров А.Д. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 24-29.

Таиров А.Д. Кинжалы с кольцевым навершием из Миакинского района Республики Башкортостан // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 67-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015. С. 516-520.

Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. С. 139-147.

REFERENCES

Gorbunov V.S., Ismagilov R.B. Novye nahodki mechej i kinzhalov sav-romato-sarmatskogo vremeni v Bashkirii [New finds of swords and daggers of the Savromatian-Sarmatian time in Bashkiria] // Sovetskaya arheologiya. 1976. №3. С. 229-247.

Denisov A.V., Myshkin V.N. Klinkovoe oruzhie kochevogo naseleniya bassejna reki Samary v VII-IV vv. do n.eh. [Blade weapons of the nomadic population of the Samara river basin in the VII-IV centuries] // Nizhnevолжский археологический вестник. Вып. 8. Volgograd, 2008. S. 62-75.

Zajcev I.A., Ivanov A.A. Kinzhali iz sela Ustinova Chelyabinskoy oblasti [Dagger from the village of Ustinova, Chelyabinsk region] // Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YuUrGU, 2009. S. 83-87.

Ismagilov R.B. Kinzhaly pozdnesavromatskogo vremeni iz Bashkirii [Daggers of the Late-Savromatian time from Bashkiria] // Sovetskaya arheologiya. 1978. №4. S. 229-238.

Ismagilov R.B. Klinkovoe oruzhie ehpohi rannih kochevnikov iz YUzhnogo Priural'ya (sluchajnye nahodki) [Blade weapons of the era of early nomads from the South Urals (random finds)] // Ufimskij arheologicheskij vecher. 2001. Vyp. 3. S. 117-147.

Medvedev A.P. Rannij zheleznyj vek lesostepnogo Podon'ya. Arheologiya i ehtnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.eh. [The early Iron Age of the forest-steppe Don region. Archeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC] M.: Nauka, 1999. 160 s.

Myshkin V.N., Denisov A.V., Stashenkov D.A. Nahodki klinkovogo oruzhiya savromatskogo vre-

meni v Samarskom Povolzh'e [Finds of blade weapons of Savromat time in the Samara Volga region] // Samarskij kraj v istorii Rossii. Vyp. 3. Materialy Mezhregional'noj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu so dnya osnovaniya Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. P.V. Alabina. Samara, 2007. S. 39-45.

Tairov A.D. Nekotorye obrazcy klinkovogo oruzhiya rannego zheleznogo veka iz Yuzhnogo Zaural'ya [Some samples of blade weapons of the early Iron Age from the South Trans-Urals] // Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i hronologiya: doklady k VI mezhdunarodnoj konferencii «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2007. S. 24-29.

Tairov A.D. Kinzhaly s kol'cevym navershiem iz Miyakinskogo rajona Respubliki Bashkortostan [Daggers with a ring topping from the Miyaki district of the Republic of Bashkortostan] // Nauka YuUrGU [Elektronnyj resurs]: materialy 67-j nauchnoj konferencii. Sekcii social'no-gumanitarnykh nauk. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YuUrGU, 2015. S. 516-520.

Tairov A.D., Ul'yanov I.V. Sluchajnye nahodki oruzhiya blizhnego boya iz kollekciyi laboratorii arheologicheskikh issledovanij Chelyabinskogo universiteta [Random finds of melee weapons from the collection of the laboratory of archaeological research of the Chelyabinsk University] // Materialy po arheologii i ehtnografii Yuzhnogo Urala: Tr. muzeya-zapovednika Arkaim. Chelyabinsk: TO «Kamennyj pojas», 1996. S. 139-147.

КУРГАНЫ С «УСАМИ». ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В УРАЛО-КАЗАХСАНСКИХ СТЕПЯХ V-VII ВВ.¹

И.В. Грудочко

MOUNDS WITH “MOUSTACHES”. ON THE ETHNOCULTURAL SITUATION IN THE URAL-KAZAKHSTAN STEPPES DURING THE V-VII CENTURIES AD

I. Grudochko

Ключевые слова: урало-казахстанские степи, раннее средневековье, курганы с «усами», хронология, этнокультурные процессы

В статье обсуждается этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях V-VII вв. В это время здесь оставлены многочисленные памятники – курганы с «усами», которые маркируют появление нового кочевого населения. Эта эпоха охватывает гуннский и раннетюркский периоды. Предметный комплекс имеет азиатское происхождение, а исторические данные позволяют наметить огурскую (раннеболгарскую) принадлежность курганов с «усами».

Keywords: Ural-Kazakh steppes, the Early Middle Ages, mounds with “moustaches”, chronology, ethnocultural processes

The article discusses the ethnocultural situation in the Ural-Kazakh steppes in the V-VII centuries AD. During that period numerous archaeological monuments, so called mounds “with moustaches”, were constructed. They marked the appearance of a new type of nomadic population. The aforementioned period covers the time of Huns and early Turks. The artefacts described in the article are characterized by the Asian origin, and historical data testifies to the fact that mounds with “moustaches” could be referred to the Ogor (the Early Bulgarian) culture.

Памятники курганы с «усами» давно вошли в археологическую науку как оригинальные кочевнические сооружения. Их хронологическая принадлежность до сих пор является предметом дискуссий [Байсенов, 1996; Боталов и др., 2006; Грудочко, 2016; Грудочко, Епимахов, 2015; Кукушкин, 2004; Любчанский, 1998; Хабдулина, 2007], однако к настоящему времени получена серия радиоуглеродных дат, ставшая дополнительным аргументом в пользу их принадлежности к эпохе раннего средневековья. По нашему мнению, появление курганов с «усами» было связано с приходом нового населения, освоившего урало-казахстанские степи в эпоху раннего средневековья (V-VII вв.). Проблема этнической принадлежности этих памятников также не получила однозначного решения. Выяснить, что это было за население – вот основная цель данной статьи.

По поводу этнокультурной принадлежности на сегодняшний день известно две концепции – И.Э. Любчанского и С.Г. Боталова. Кратко приведем их основные положения в той последовательности, в которой они приведены в коллективной монографии [Боталов и др., 2006. С. 147-161].

С.Г. Боталов считает, что курганы с «усами» по своим основным характеристикам сопоставимы с памятниками тюркоязычных кочевников VI-VIII вв. Набор черт поминального и погребального ритуалов, мегаплановых сооружений восходит к традициям «наиболее знатных тюркских родов (турков Ашина)». При этом традиции курганов с «усами», отражающие культово-погребальные представления родового ядра тюрков тюго, следует отличать от традиций культурных норм телесного объединения Саяно-Алтая. Параллели с тюркским миром дополняют и довольно интересные сопоставления конструк-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

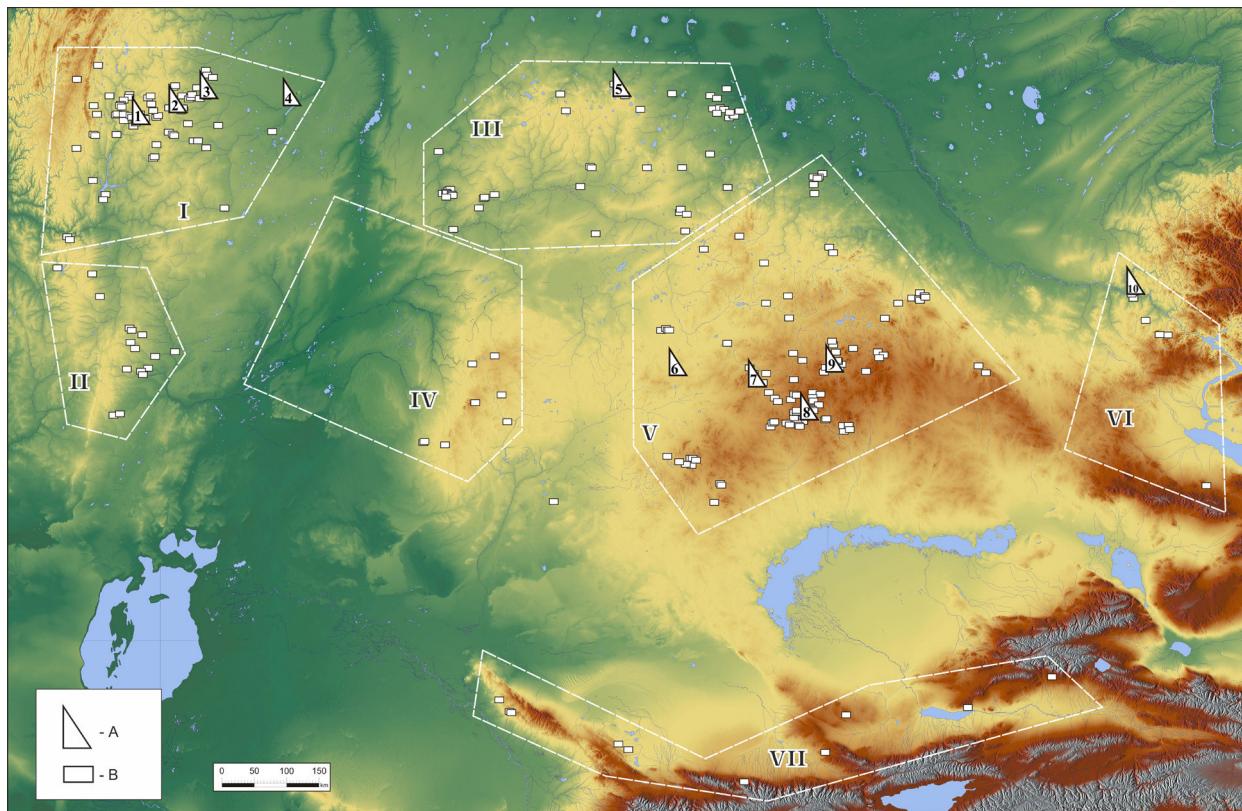

Рис. 1. Карта курганов с «усами» урало-казахстанских степей.

А. Погребальные памятники. В. Курганы с «усами»

Районирование курганов с «усами»: I – Южное Зауралье (урало-тобольский водораздел);
 II – Южное Зауралье (Мугоджары); III – Северный Казахстан (Кокшетауская возвышенность и р. Ишим);
 IV – Западная Сары-Арка (Улытая и бассейн р. Тургай); V – Центральный Казахстан (Восточная Сары-Арка);
 VI – Восточный Казахстан и Северный Тарбагатай; VII – Южный Казахстан и Семиречье
 Погребальные памятники V-VI вв.: 1 – Аркаим; 2 – Каменный Амбар-5 (курганы 5, 6);
 3 – Городищенское IX (курган 5); 4 – Халтай; 5 – Боровое (Щучье); 6 – Кара-Агач; 7 – Енбекшил (курган 2);
 8 – Канаттас (курган 19); 9 – Назар; 10 – Зевакино (курган 1)

ции кургана с «усами» с устройством тюркского жилища – юрты [Боталов и др., 2006. С. 147-159].

И.Э. Любчанский указывает на то, что курганы с «усами» датируются в пределах V-VII вв., причем большинство из них относится к V-VI вв. Наиболее важные черты материальной культуры относятся к предшествующему гуннскому миру, но, наряду с этим, фиксируется проявление тюркских элементов. Появление курганов с «усами» исследователь связывает с geopolитическими событиями IV-V вв., главным из которых стал выход на историческую арену довольно мощного объединения «хионито-эфталитских» племен в Северной Бактрии. Их экспансия была направлена, в том числе, на северные степные пространства, которые опустели после ухода гуннов на запад. Таким образом, население, оставившее курганы с «усами», находилось в сфере влияния эфталито-хионитского государства [Боталов и др., 2006. С. 159-160].

Описанные точки зрения можно условно обозначить как «раннетюркскую» (С.Г. Боталов) и «хионито-эфталитскую» (И.Э. Любчанской).

Версия С.Г. Боталова основана на особенностях архитектуры и обряда и их сравнении с данными письменных источников и ранней историей тюрков. И.Э. Любчанский совершенно справедливо обговаривает хронологические рамки курганов с «усами», которые сопоставляются с военно-политическими событиями Средней Азии этого времени. Следует признать, что обе эти версии хорошо проработаны, но не лишены недостатков и нуждаются в корректировках.

Имеющиеся на сегодняшний день данные радиоуглеродного датирования ограничивают время существования курганов с «усами» V-VII вв. н.э. [Грудочки, Епимахов, 2015; Грудочки, 2016]. Этому не противоречит предметный комплекс ряда южноуральских (Городищенское IX, Солончанка I, Кайнсай, Селенташ, Султантемировский) и казахстанских (Зевакино, Канаттас, Ижевский, Беркутты, Коктал) комплексов, которые датированы V-VII вв. Датировки курганов с «усами» эпохой ранних кочевников, по нашему мнению, основаны на неверной интерпретации стратиграфической, планиграфической или иной

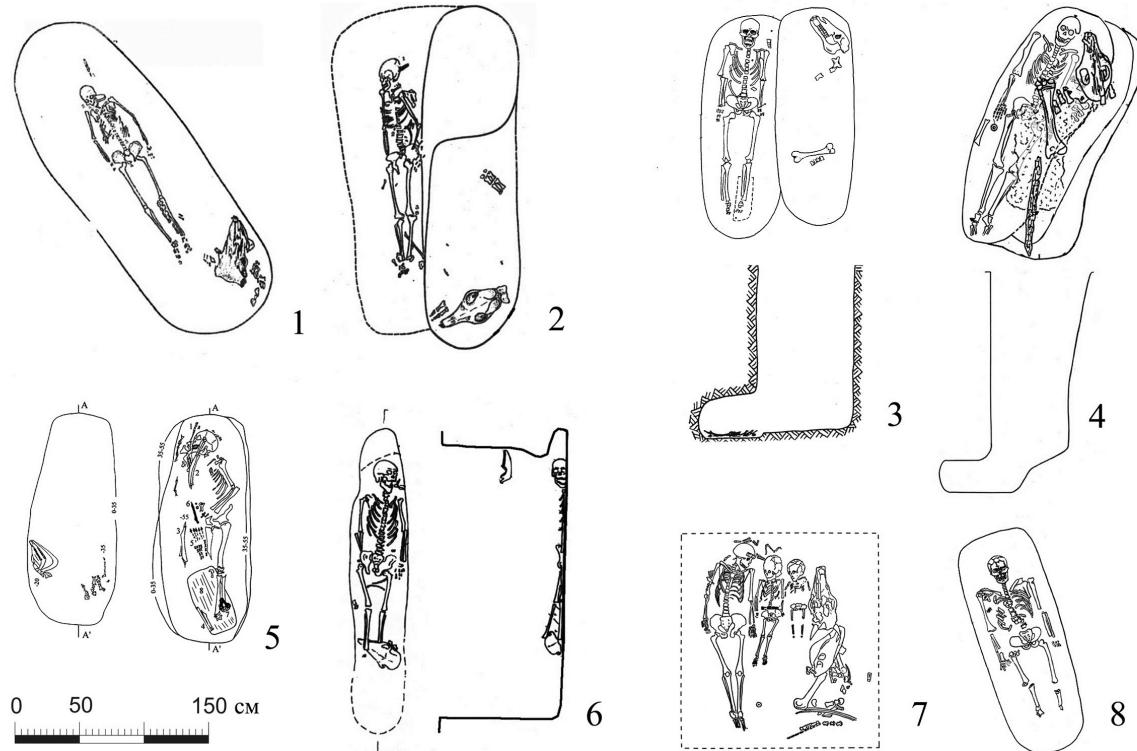

Рис. 2. Погребальные памятники V-VI вв. Урало-Казахстанских степей:
1 – Каменный Амбар (курган 5); 2 – Каменный Амбар (курган 6); 3 – Енбекшил (курган 2);
4 – Городищенское IX (курган 5); 5 – Халвай; 6 – Аркаим; 7 – Канаттас (курган 19); 8 – Назар

полевой информации [Боталов и др., 2006. С. 87-90; Грудочки, 2016].

Этим же временем (V-VI вв.) датируются немногочисленная серия погребений урало-казахстанских степей (Аркаим, Городищенское, Халвай, Каменный Амбар, Кара-Агач, Боровое, Кара-Агач, Енбекшил, Назар, Канаттас, Зевакино) [Бейсенов, Веселовская, 2013; Бейсенов, Китов, 2013; Бернштам, 1951; Боталов, 2009; Кадырбаев, 1959. С. 179-182; Козырев, 1905; Шевнина, Логвин, 2015], которые мы склонны рассматривать в том же культурно-историческом ключе, что и курганы с «усами» (рис. 1). Все перечисленные погребения локализуются в рамках ареала курганов с «усами».

Эти погребения имеют ряд важных сближающих их признаков. Они не образуют могильников и расположены одиночно, либо, в двух случаях, впущены в насыпь ранней эпохи. Их объединяет каменная архитектура и северная ориентировка, в трех случаях зафиксированы подбойные конструкции. На приступке в могильной яме или рядом с погребенным укладывалась шкура лошади, которая обычно фиксируется по наличию черепа, костей конечностей и хвостовых частей (рис. 2).

Предшествующие памятники гунно-сарматского горизонта II-IV вв. имеют ряд отличий: они группируются в могильники, имеют земляные насыпи, узкие и глубокие могильные ямы с северной ориентировкой погребенных. Погребенные не сопровождаются шкурами лошадей.

Таким образом, в конце IV – начале V вв. мы наблюдаем смену культурной традиции, которую можно объяснить появлением в степях урало-казахстанского региона нового населения. Северная ориентировка может выступать и объединяющим признаком с памятниками предшествующего периода, однако, в это же время появляются курганы с «усами» – совершенно новое явление ритуальной практики. Сейчас сложно назвать исходную территорию пришедшего населения, однако ряд таких признаков, как каменная архитектура, наземный характер обряда, новации стрелкового вооружения и появление новых типов керамики, уводят в Центральную Азию.

Большое значение для понимания процессов конца IV – начала V вв. имеют памятники гуннского круга, обобщенные и проанализированные в работах И.П. Засецкой [Засецкая, 1994]. В гунское время в урало-казахстанские степи и западнее, вплоть до Северного Причерноморья,

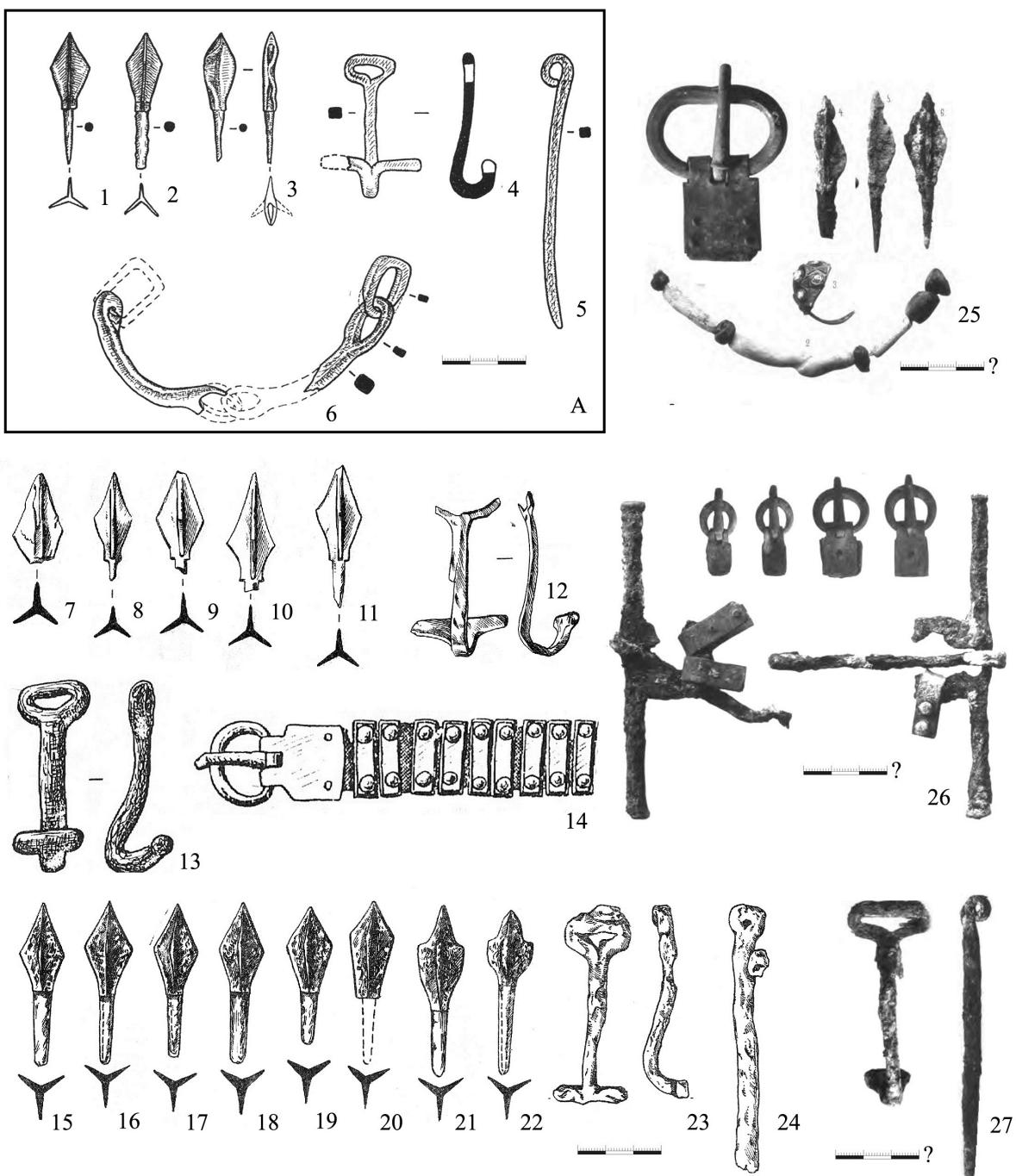

Рис. 3. Предметный комплекс кургана с «усами» Султантемировский (1-6) и его аналогии:
7-12 – Новогригорьевка; 13, 14 – Кубей; 15-24 – Кызыл-Адыр; 25-27 – Мертвые Соли

вместе с новым населением проникают и новые центральноазиатские элементы. Так, фиксируются колчанные крюки, обнаруженные в Мертвых Солях, Султантемировском кургане с «усами» (Южный Урал), Новогригорьевке, Кубее (Северное Причерноморье) (рис. 3).

Их прототипы можно наблюдать в буланкобинских комплексах Алтая первой половины I тыс. н.э. [Матренин, 2011; Тиштин, Матренин, 2012]. К воинским новациям относятся

колчанные наборы, основу которых составляют железные ромбические наконечники стрел, что отмечено как в курганах с «усами» (Султантемировский, Солончанка) (рис. 3, А), так и в обычных подкурганных погребениях (Назар, Боровое, Мертвые Соли) (рис. 3, 25) [Любчанский, Тайров, 1999. С. 23; Бейсенов, Китов, 2013. С. 464; Сунгатов, 2003].

Интересны костяные подпружные пряжки (Канаттас, Халвай, Беляус) (рис. 4, 4, 5), формы

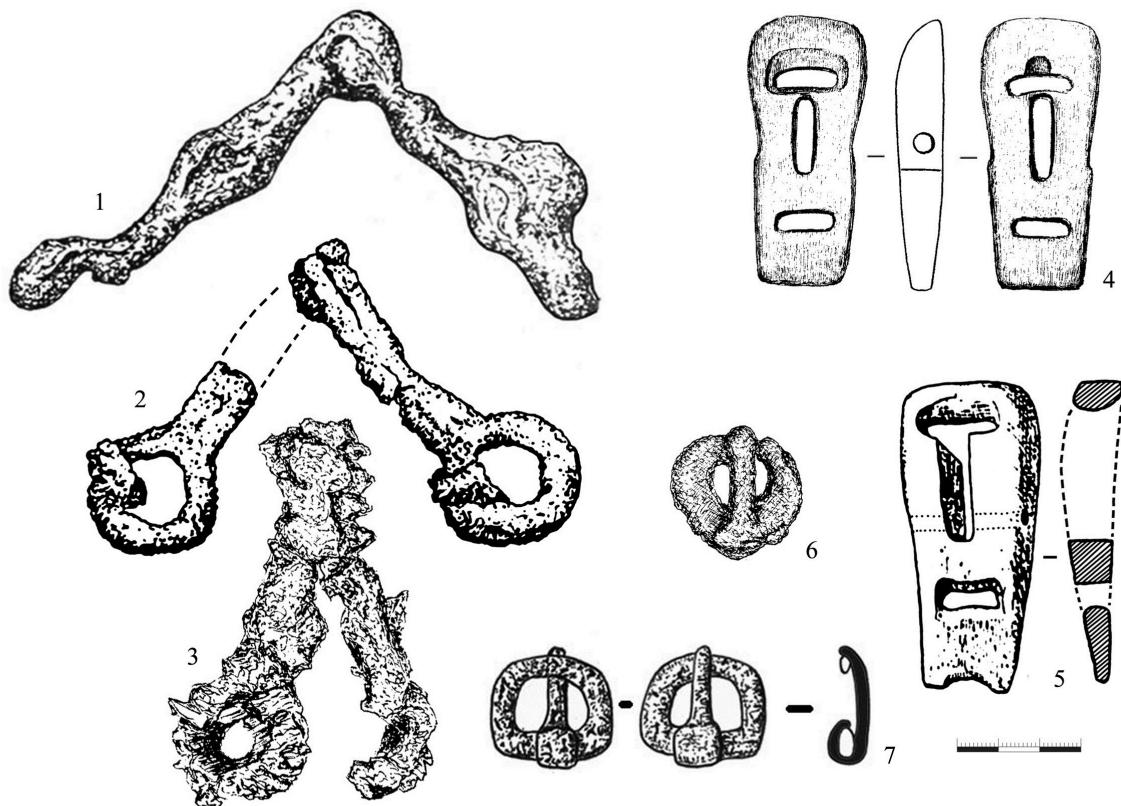

Рис. 4. Предметы конской упряжи из погребальных памятников V-VI вв. Урало-Казахстанских степей:
1 – Аркаим; 2, 5 – Канаттас (курган 19); 3, 4, 6 – Халвой; 7 – Городищенское IX (курган 5)

которых аналогичны обнаруживаемым в булан-кобинских памятниках. Такие пряжки свидетельствуют об эволюции конского снаряжения, которая, в свою очередь, была связана с распространением жесткого седла. Наконец, показательны предметы полихромного стиля конца IV – начала V вв., среди которых присутствуют украшения явно азиатского происхождения.

Наряду с предметным комплексом, на западе появляются новые типы ритуальных сооружений – курганы с кострищами, обряд которых по-разному схож с обрядом курганов с «усами». В Новогригорьевке отмечена дугообразная каменная дорожка, интерпретированная А.И. Семеновым как остатки кургана с «усами» [Семенов, 1988. С. 98. Рис. 1]. Какой исторический контекст подразумевают обсуждаемые выше новые типы вооружения, ритуальных сооружений (курганы с «усами»), проявления которых мы наблюдаем так далеко на западе?

В гуннское и постгуннское время в Восточной Европе поочередно появляется ряд кочевых племен. В 463 году, уже после разгрома гуннско-

го союза, сюда вторгаются раннеболгарские племена (огуры, сарагуры, оногуры), которых позже сменяют сабиры, а тех, в свою очередь, авары. С.Г. Кляшторный считал, что до начала этих перемещений в IV-V вв., огромный пласт тюркоязычных огурских племен тело занимал террито-рию от Центральной Монголии до Северного Казахстана. Решающую роль, приведшую к началу этих мощных миграций, сыграло возникновение Жужаньского каганата и его неудержимая экспансия на запад в начале V века [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 63]. Нам кажется, что именно в «огурском» (раннеболгарском) ключе следует рассматривать возникновение курганов с «усами» в урало-казахстанских степях и появление единичных комплексов далеко на западе (Калмыкия, Северное Причерноморье) в середине – второй половине V века, то есть, в то же время, когда проходила экспансия огуров. Закат этой традиции относится ко второй половине VII – началу VIII вв., когда происходит смена по-гребального обряда, вызванная инфильтрацией восточнотюркского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А.З.* Культово-ритуальные сооружения древнихnomадов Центрального Казахстана // Известия МН-АН РК. Сер. общ. науки. 1996. №2. С. 31-40.
- Бейсенов А.З., Веселовская Е.В.* Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 446-461.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П.* Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 462-467.
- Бернштам А.Н.* Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIII / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 216-229.
- Боталов С.Г.* Позднегуннское или раннетюркское время в заволжских и урало-казахстанских степях // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2009. С. 128-138.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э.* Курганы с «усами» Урало-Казахстанских степей. Челябинск: ЮУФ ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- Грудочко И.В.* К вопросу о хронологии курганов с «усами» урало-казахстанских степей // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Ижевск: УдмГУ, 2016. С. 216-219.
- Грудочко И.В., Епимахов А.В.* Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок // Казахское ханство в потоке истории: Сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 534-541.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху. СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.
- Кадырбаев М.К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162-203.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Козырев А.А.* Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Изв. ИАК. 1905. Вып. 16. С. 27-36.
- Кукушкин И.А.* Курганы с «усами»: семантический аспект // Новые исследования по археологии Казахстана. Тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения – 15». Алматы, 2004. С. 33-37.
- Любчанский И.Э.* Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» евразийских степей // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Материалы II междунар. археологической конф. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 303-310.
- Любчанский И.Э., Таиров А.Д.* Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. С. 5-62.
- Матренин С.С.* Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-журанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, политические науки. 2011. №4/2 (60). С. 141-149.
- Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29. Л.: 1988. С. 97-111.
- Сунгатов Ф.А.* Султантемировский I курган с «усами» // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 216-224.
- Тишкин А.А., Матренин С.С.* Колчанные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан II (Центральный Алтай) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7. С. 125-133.
- Хабдулина М.К.* Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 7. Уральск: 2007. №2. С. 181-194.
- Шевнина И.В., Логгин А.В.* Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 7. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2015. 248 с.

REFERENCES

- Beisenov A.Z.* Kul'tovo-ritual'nye sooruzheniya drevnikh nomadov Tsentr'nogo Kazakhstana [Sacral and religious constructions of the ancient nomadic tribes in Central Kazakhstan] // Izvestiya ministerstva nauki AN RK. Ser. obsh. nauki. 1996. №2. S. 31-40.
- Beisenov A.Z., Kitov E.P.* Vpusknnoye pogrebenie gunnorskogo vremeny iz mogil'nika Nazar-2

(Tsentr'nyi Kazakhstan) [The Hun time inlet burial of the Nazar-2 burial ground (Central Kazakhstan)] // Gunnskii forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evrasiiskikh gunnov / Gl. red. S.G. Botalov. Chelyabinsk: Izdat. tcentr YuUrGU, 2013. S. 462-467.

Beisenov A.Z., Veselovskaya E.V. Pogrebeniye gunnorskogo vremeni iz mogil'nika Enbekshil (Tsentr'nyi Kazakhstan) [The Hun time graves of the Enbekshil burial ground (Central Kazakhstan)] // Gunnskii forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evrasiiskikh gunnov / Gl. red. S.G. Botalov. Chelyabinsk: Izdat. tcentr YuUrGU, 2013. S. 446-461.

Bernshtam A.N. Nakhodki u oz. Borovogo v Kazakhstane [Archaeological findings near Borovoe Lake in Kazakhstan] // Sbornik muzeya antropologii i etnografii. T. XIII / Otv. red. S.P. Tolstov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. S. 216-229.

Botalov S.G. Pozdegunnskoe ili rannetyurkskoye vremya v zavolzhskikh i uralo-kazakhstanskikh stepyakh [The Late Hun or the Early Turkic period in the Trans-Volga and the Ural-Kazakh steppes] // Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale / Otv. red. A.D. Tairov, N.O. Ivanova. Chelyabinsk: Izdat. tcentr YuUrGU, 2009. S. 128-138.

Botalov S.G., Tairov A.D., Lyubchanskii I.E. Kurgany s "usami" Uralo-Kazakhstanskikh stepei [Mounds with "moustaches" in the Ural-Kazakh steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skii filial IIA UrO RAN, 2006. 232 s.

Grudochko I.V. K voprosu o khronologii kurganov "usami" uralo-kazakhstanskikh stepei [On the question of chronology concerning the mounds with "moustaches" of the Ural-Kazakh steppes] // Arkheologicheskoye nasledie Urala: ot pervykh otkrytiy k fundamental'nomu nauchnomy znaniyu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshanie): materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii. Izhevsk: UdmGU, 2016. S. 216-219.

Grudochko I.V., Epimakhov A.V. Khronologiya kurganov s "usami": sravnitel'nyi analiz radiouglodnykh i arkheologicheskikh datirovok [Chronology of the mounds with "moustaches": comparative analysis of radiocarbon and archaeological dates] // Kazakhskoye khanstvo v potoke istorii: Sb. nauchnykh statei, posvyashennyi 550-letiyu obrazovaniya Kazakhskogo khanstva / Gl. red. B.A. Bajtanaev. Almaty, 2015. S. 534-541.

Kadyrbaev M.K. Pamyatniki rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana [Archaeological sites of the early nomads in the Central Kazakhstan] // Trudy IIAE AN KazSSR. 1959. T. 7. S. 162-203.

Khabdulina M.K. Tasmolinskaya arkheologicheskaya kul'tura: sovremennoe sostoyanie [Tasmolino archaeological culture: on

the current state] // Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana. 2007. Vyp. 7. №2. S. 181-194.

Klyashtorny S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnei Evrasii [Steppe Empires of the ancient Eurasia]. SPb.: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2005. 346 s.

Kozyrev A.A. Raskopki kurgana v urochische Kara-Agach Akmolinskogo uezda [Archaeological excavations of the mound in Kara-Agach stow in Akmolinskiy uezd] // Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. 1905. Vyp. 16. S. 27-36.

Kukushkin I.A. Kurgany s "usami": semanticheskii aspekt [The mounds with "moustaches": aspects of semantics] // Novye issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. Tr. nauchn.-pract. konf. "Margulanovskie chteniya-15". Almaty, 2004. S. 33-37.

Lyubchanskii I.E. Khronologicheskie aspekty kompleksov "kurganov s usami" evrasiiskikh stepei [Chronological aspects of archaeological complexes referred to the "mounds with moustaches" in Eurasian steppes] // Kul'tury evrasiiskikh stepei vtoroi poloviny I tys. n.e. (voprosy khronologii). Mat. II mezhdunar. arkheologicheskoi konf. Samara: Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P.V. Alabina, 1998. S. 303-310.

Lyubchanskii I.E., Tairov A.D. Arkheologicheskie issledovaniya kompleksa Kurgan s "usami" Solonchanka I [Archaeological research of Solonchank I – a burial complex of mounds with "moustaches" type] // Kurgan s "usami" Solonchanka I. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-t, 1999. S. 5-62.

Matrenin S.S. Kolchannye kryuki kochevnikov Altaya hunnusko-syan'biisko-zhuzhanskogo vremeni (II v. do n.e. – V v. n.e.): klassifikatsiya i tipologiya [Hooks for quivers referred to the Altai nomads of the hunn-syan'bii-zhuzhans period (the II century BC – the V century AD): classification and types] // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №4/2 (60). S. 141-149.

Semenov A.I. K vyavleniyu tsentral'noasiatskikh elementov v cul'ture rannesrednevekovykh kochevnikov Vostochnoi Evropy [On the identification of the Central Asian traits in the nomadic culture of Eastern Europe during the Early Middle Ages] // Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. 1998. Vyp. 29. S. 97-111.

Shevnina I.V., Logvin A.V. Mogil'nik epokhi bronzy Khalvai III v Severnom Kazakhstane [Khalvai III as the Bronze Age burial ground in North Kazakhstan] / Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. T. VII. Astana: Filial Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana, 2015. 248 s.

Sungatov F.A. Sultantemirovskii I kurgan s “usami” [Sultantemirovskii I kurgan with “moustaches”] // Ufimskii arkheologicheskii vestnik. 2003. Vyp. 4. S. 216-224.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Kolchannye kryuki bulan-kobinskoi kul’tury iz pamyatnika Yaloman II (Tsentral’nyi Altai) [Quiver hooks referred to the

Bulan-Koba Culture from the archaeological site Yaloman II (Central Altai)] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11. Vyp. 7. S. 125-133.

Zasetskaya I.P. Kul’tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepei v gunnskuy epokhu [Nomadic culture of the South Russian steppes during the Hun time]. SPb.: AO “Ellips”, 1994. 224 s.

НОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КУШНАРЕНКОВСКО-КАРАЯКУПОВСКОГО ТИПА В БАШКОРТОСТАНЕ

И.М. Акбулатов, Г.Н. Гарустович

NEW BURIALS OF KUSHNARENKOVO AND KARAYAKUPOVO TYPES ON THE TERRITORY OF BASHKORTOSTAN

I. Akbulatov, G. Garustovich

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха средневековья, курганы, вторая половина I тысячелетия н.э., полукочевники лесостепи

В данной статье авторы обращаются к рассмотрению археологических материалов второй половины I тысячелетия н.э., полученных на памятниках, располагающихся в лесостепной зоне Башкортостана по обе стороны от Уральского хребта. В этнокультурном плане описываемые материалы относятся к кушнаренковской и карайкуповской культурам эпохи средневековья. Археологические находки из некрополя Сарс датированы на основании анализа керамики; важнейшим показателем, указывающим на возраст Бекешевских курганов, являются отдельные комплексы данного могильника, исследованные ранее А.Х. Пшеничнюком и Н.А. Мажитовым. В последние годы захоронения данного типа попадаются специалистам очень редко.

Keywords: Southern Ural, Medieval period, barrows, the second half of the first mill. AD, semi-nomads of the forest-steppe zone

The article presents the description of archaeological materials related to the second half of the first millennium AD that were found in the forest-steppe zone of Bashkortostan on both sides of the Urals. From ethnocultural perspective these materials are referred to Kushnarenkovo and Karayakupo cultures of medieval period. Archaeological findings from Sars necropolis are based on the results of ceramics analysis; the key age marks applied to Bekheshevo barrows are presented in the certain complexes of this archaeological monument, which were investigated earlier by A.H. Pshenichnyuk and N.A. Mazhitov. In recent years, burial grounds of this type seem are very rare to found.

Свою главную цель в данной работе авторы видят в том, чтобы ввести в научный оборот малоизвестные археологические материалы второй половины I тысячелетия н.э. из лесостепной зоны Южного Урала. По разным причинам в последние десятилетия памятники кушнаренковско-карайкуповского типа редко попадают в поле зрения специалистов. И это при том, что данные комплексы изучены пока еще далеко не в полной мере.

Курганный могильник Сарс. Расположен на западной окраине д. Султанбеково (Аскинский р-н Башкортостана), между деревней и современным кладбищем, на возвышенности правого берега р. Сарс. Могильник обнаружен местными жителями во время сооружения монумента в память Сеянтусской трагедии¹. При рытье фундамента под монумент было разрушено погребение. В захоронении, по словам местных жителей, были найдены кости человека без черепа. Кроме костей человека в погребении находи-

лись: обломок оселка из мелкокристаллического песчаника, железный наконечник гарпуна с двумя зубьями, железная пешня и обломок лезвия железного скобеля (?). Все вещи находятся в музее Султанбековской школы (рис. 1, 1-3, 5). Там же хранится железный черешковый наконечник стрелы с пером ромбической формы, случайно найденный школьниками возле деревни (рис. 1, 4). При осмотре места находок рядом с монументом (на огороженной территории и около нее) обнаружено три-четыре возвышения, похожих на насыпи земляных курганов, диаметром 6-8 м и высотой 0,15-0,20 м.

Курган №1. Диаметр 7 метров. Насыпь земляная, с вкраплениями камней. Курган исследовался раскопом с двумя перпендикулярными бровками. Северо-западный сектор из-за проходящей здесь дороги вскрывался в виде треугольника (рис. 2, 1). Материк – щебень, в юго-западном секторе фиксировались прослойки глины. Погребение обнаружено в западной поле кур-

¹ 24 января 1736 года в Сеянтусе правительственными командами А.И. Тевкелева было убито большое количество жителей деревни.

гана, в юго-восточном секторе выявлено пятно могильного выкида и куски обгорелого дерева. В северо-восточной оконечности раскопа также попадались куски дерева. Могильная яма овальной формы, с закругленными углами, простая, вытянута длинными сторонами по линии юг-юго-запад – север-северо-восток. Ее размеры $2 \times 0,7$ м, глубина 0,35 м от уровня материка (рис. 2, 4). По краям могила была окружена вертикально установленными камнями, дно ее также устлано камнями, в засыпи встречались угольки.

В восточной половине ямы *in situ* обнаружены берцовые и пяткочные кости, судя по которым умерший изначально был похоронен головой на запад. Череп не найден, но в заполнении попадались зубы взрослого человека. К северу от левой берцовой и между берцовыми костями лежали другие кости скелета (рис. 2, 4), у северной стени находились позвонки, в центре могилы – лопатка и левая бедренная кость.

Найдены следующие вещи:

1) К северу от левой бедренной кости человека расчищен бронзовый колокольчик диаметром 3 см (рис. 3, 1).

2) В западном углу могильной ямы обнаружен слабопрофилированный тонкостенный круглодонный сосуд с цилиндрической горловиной и раздутым туловом. Его высота 10,8 см, диаметр венчика 9,5 см, максимальный диаметр тулов 12,7 см (рис. 2, 5). Обжиг костровой неровный. Срез венчика закруглен и украшен косопоставленными оттисками мелкозубчатого штампа. Сосуд декорирован зональным орнаментом по венчику и плечикам: горизонтальными поясками из вдавлений мелкозубчатого штампа, рядами сдвоенных оттисков «гусеничек», а также линиями косопоставленных наколов мелкозубчатого штампа на шейке. Плечики украшал парный зигзаг из ровных отрезков мелкой гребенки.

3) Рядом с сосудом располагалась бронзовая полуулунница кушнаренковского типа.

4-9) Кроме того, среди костей человека найдены две бронзовые пряжки с подвижными язычками (рис. 3, 5, 9), одна из них округлая, другая – с подквадратной рамкой и щитком, круглая подвеска (рис. 3, 2), две зооморфные подвески в виде уточки и медведя (рис. 3, 8, 11), бронзовый амулет в виде конька (рис. 3, 10), а также:

10-18) бусы различной формы из стекла, янтаря, сердолика, стеклянной пасты с внутренней позолотой (рис. 3, 14-22);

19-22) бронзовая поясная накладка геральдической формы (рис. 3, 3), проволочные подвески и поясная трехлучевая накладка (рис. 3, 4, 12).

Коллекция вещей из музея Султанбековской школы (рис. 1, 1-5) явно не соответствует хронологии погребения могильника Сарс. Скорее

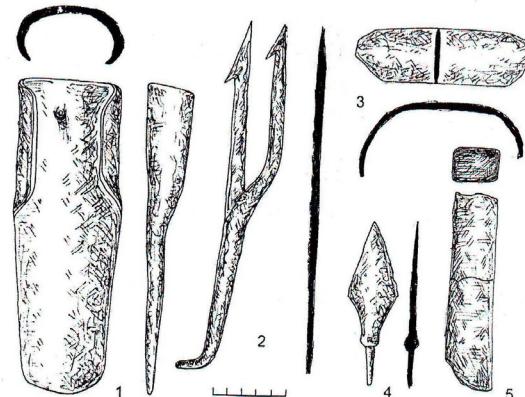

Рис. 1. Находки из музея Султанбековской средней школы:
1-3, 5 – предметы из могильника Сарс;
4 – случайная находка
близ д. Султанбеково (1-4 – железо; 5 – камень)

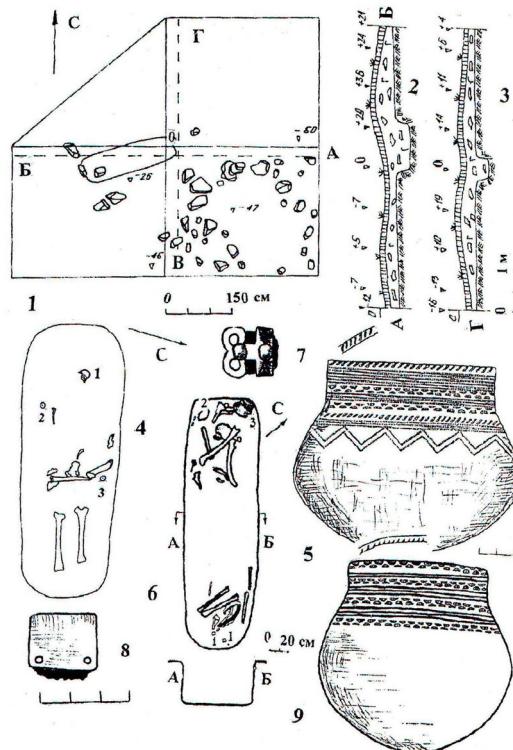

Рис. 2. Кушнаренковские комплексы Приуралья.
1-5 – могильник Сарс, курган №1: 1-3 – план и профили кургана на уровне материка,
4 – план погребения (1 – сосуд, 2 – бронзовая подвеска, 3 – бронзовый колокольчик), 5 – лепной сосуд; 6-9 – Тулайевский III могильник, курган №1:
6 – план погребения (1 – бронзовая накладка и наконечник ремня, 2 – кость животного, 3 – сосуд);
7 – поясная накладка; 8 – наконечник ремня;
9 – лепной сосуд (5, 9 – глина; 7-8 – бронза)

всего, они были спрятаны местными жителями в минуту опасности на вершине холма (случайно попав при этом в границы древнего могильника).

Набор вещей не типичен для погребального инвентаря. Более вероятно, что перед нами хозяйствственно-бытовой инструментарий².

1) Железная пешня (мотыжка, тесло) с несомкнутой втулкой и крепежным отверстием (рис. 1, 1), размеры $22 \times 7,9-6,3$ см, длина закругленной режущей кромки 5,8 см. Орудие полифункциональное, им могли обрабатывать землю, пробивать проруби во льду и т.д.

2) Железная острога (двузубый гарпун) длиной 24,5 см (рис. 1, 2), с загнутым концом для надежного крепления к деревянной рукояти. Предмет связан с рыболовным промыслом.

3) Загнутое полукругом и заточенное с двух сторон пластиначатое лезвие железного скобеля. Его размеры $12,5 \times 4$ см, боковые рукояти сломаны (рис. 1, 3). Инструмент пригоден для различного использования, им могли сдирать кору с бревен или счищать чешую с рыбы.

4) Продолговатый прямоугольный оселок, квадратный в сечении, изготовлен из мелко-кристаллического камня (рис. 1, 5). Его размеры $13,8 \times 3,5-3,3 \times 2,7-2,6$ см. Точило относится к бытовым предметам с широким спектром применения.

Найденный близ деревни железный черешковый наконечник стрелы (рис. 1, 4), с плоским ромбическим пером и узелковым упором имел размеры $11,6 \times 3,7$ см. Подобные стрелы были очень популярными на Урале в период раннего и позднего средневековья.

Таким образом, надежными хронологическими показателями предметы коллекции не обладают, но известные нам аналогии (Горновское, Берековское селища, древности Волжской Булгарии и др.) говорят о дате в пределах конца первой половины – начала второй половины II тыс. н.э. (XIII-XVI вв.). Набор орудий имеет связь с рыболовством, в широком плане – с хозяйственной деятельностью.

Тулбаевские III курганы. Расположены на первой надпойменной террасе правого берега р. Уязы, у д. Тулбаево Бижбулянского района Башкортостана. Выявлено 7 земляных насыпей, одна из которых была раскопана в 1980 году Р.А. Нигматуллиным [Нигматуллин, 1980. С. 46-47].

Курган №1. Диаметр 9 м, высота 0,15 м. В западной поле кургана на уровне погребенной почвы расчищена вымостка подпрямоугольной формы из известняковых плит. В насыпи рядом с центром кургана на глубине 0,4 м от современной поверхности найден бронзовый предмет очень плохой сохранности.

Погребение 1 – основное, располагалось южнее центра кургана, под меридионально вы-

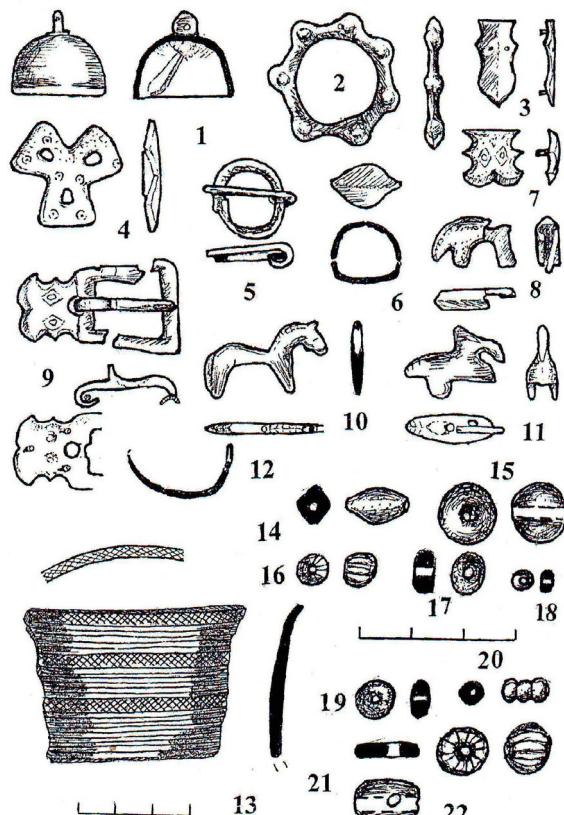

Рис. 3. Могильник Сарс (курган №1), погребальный инвентарь (1-12, 14-22) и фрагмент сосуда с поселения Азнаевское II (13).

1-12 – изделия из бронзы; 14-22 – бусины (14 – зеленое стекло, 15, 19 – сердолик, 20 – стекло с внутренней позолотой, 16-18, 22 – стекловидная паста, 21 – янтарь)

тянутой бровкой. Могильная яма подпрямоугольной формы, простая, с прямыми отвесными стенками, размером $2,25 \times 0,64$ м, глубиной 0,41 м от уровня материка (рис. 2, 6). Вытянута по линии северо-запад – юго-восток. С юго-восточной стороны могила оконтурена известняковыми плитками. Скелет взрослого человека разрушен грабителями, кости перемешаны. Первоначально костяк был ориентирован головой на северо-запад. Рядом с черепом обнаружена кость животного и лепной круглодонный сосуд кушнаренковского типа (рис. 2, 9). Горшок с невысокой цилиндрической шейкой и раздутым туловом, тонкостенный, с косопоставленными насечками по закругленному срезу венчика. Сосуд орнаментирован по шейке и плечикам гребенчатыми отисками (т.н. «гусенички»), разделенными горизонтальными резными поясками в два и три ряда. В юго-восточной части погребения найдена поясная фигурная бронзовая накладка (рис. 2, 7) и пластиначатый бронзовый наконечник ремня размером $1,9 \times 2,2-2,4$ см с двумя застежками (рис. 2, 8).

² Для рассматриваемых предметов вполне допустимо употреблять термин «клад».

Рассмотренные курганные комплексы определенно относятся к кушнаренковской археологической культуре конца VI – VIII вв. Аналогии вещам присутствуют в материалах Бирского, Манякского и Ново-Турбаслинского могильников. Среди находок из размытых погребений Бахмутинского некрополя (коллекция Стерлитамакского краеведческого музея, сборы М.С. Смирнова и М.И. Касьянова, 1921 г.) имеются весьма схожие с рассматриваемыми нами бронзовыми трехлучевыми накладками с «коптскими глазками» (рис. 3, 4). Очень близкие аналогии есть в Куштиярском погребении на северо-западе Башкортостана [Матвеева, 2007. С. 75-86. Рис. 12]. По мнению Н.А. Мажитова, ряд вещей характерен для VII-VIII вв.: колокольчик [Мажитов, 1993. С. 122. Рис. 2, 10б], бронзовый конек [Он же, 1977. С. 190. Табл. I, 34; 1993. С. 123. Рис. 2, 28], солнечный диск [Мажитов, 1977. С. 190. Табл. I, 25; 1993. С. 122. Рис. 2, 8], геральдическая накладка [Мажитов, 1993. С. 127. Рис. 3, 19], подвески-медведи [Он же, 1977. С. 190. Табл. I, 30].

Определить культурную принадлежность рассматриваемых ниже случайных находок сложнее – по причине недостатка информации об особенностях погребальной обрядности. В д. Ильчигулово на юго-западе Башкортостана (Миякинский район) при строительстве было разрушено захоронение, вещи из которого в 1957 году были переданы в фонды Музея археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН (МАЭ УНЦ РАН). Положение человеческого костяка не зафиксировано.

Погребальный инвентарь:

1) Небольшой круглодонный чашевидный сосуд ручной формовки (диаметр венчика 9,8 см, высота 5 см), неровного кострового обжига, черно-серого цвета, с не очень ровным заглаживанием поверхности и примесью толченого шамота в глиняном тесте. Орнамент отсутствует. Верхний срез венчика скослен внутрь, толщина стенок 0,4 см (рис. 4, 1).

2-3) Костяные наконечники стрел с вытянутыми ромбовидными подтреугольными в сечении перьями и уплощенными черешками; длина наконечников 10 и 11 см (рис. 4, 2-3).

4) Литая биллоновая поясная пряжка грушевидной формы, с овальной рамкой, арочным щитком и подвижным язычком, размером 4×2,1-3,1 см (рис. 4, 4).

На территории города Стерлитамак при строительных работах периодически разрушаются древние захоронения, насыпи курганов которых ранее были уничтожены, попав в черту современной застройки. В 1994 г. при прокладке траншеи на ул. Б.Хмельницкого (вблизи Стерлитамакского краеведческого музея) было потревожено погребение человека. Положение скелета

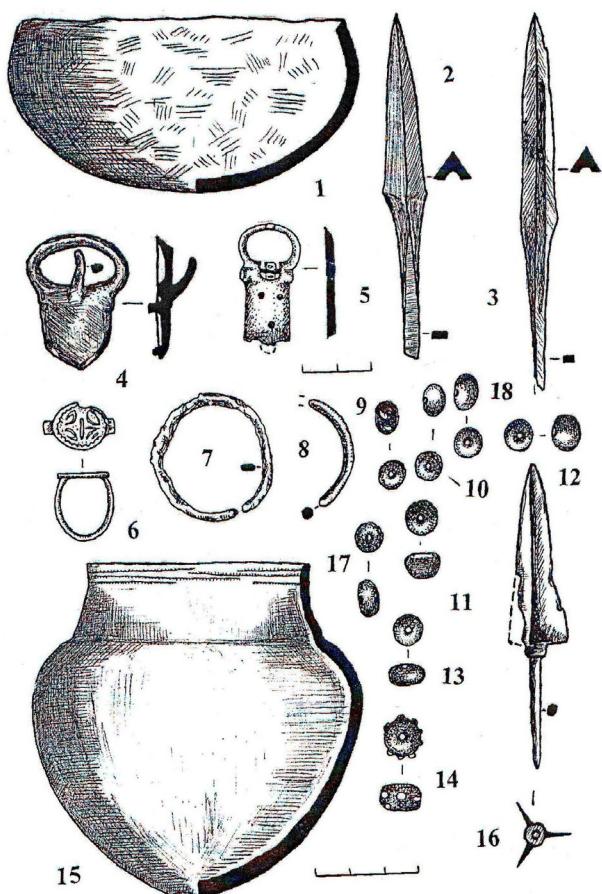

Рис. 4. Найдены из разрушенных захоронений в
Приуралье.

1-4 – погребение в д. Ильчигулово;
 5-14 – Стерлитамак, погребение на ул. Коммунаров;
 15 – Азнаевское II поселение, раскопки 1998 г.;
 16 – Стерлитамак, погребение на ул. Б. Хмельницкого
 (1,15 – глина; 2-3 – кость; 4 – бильон; 5-6, 8 – бронза;
 9-14 – стекло и паста; 7, 16 – железо)

не зафиксировано. Из всех находок доступным для специалистов оказался лишь кованый железный трехгранный черешковый наконечник стрелы с упором. Его длина 8,9 см, максимальная ширина в нижней части пирамидального пера – 1,8 см (рис. 4, 16).

В 1953 году в Стерлитамаке по ул. Коммунаров было разрушено еще одно (вероятно – женское) погребение, из которого до нас также донесли лишь вещи:

1) Бронзовая поясная пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой размером $1,8 \times 1,5$ см и подпрямоугольным щитком размером $2,5 \times 1,3 - 1,4$ см (рис. 4, 5).

2) Бронзовый перстень с пластинчатым овальным щитком размером 1,8×1,5 см. На щите в рамочном обрамлении выдвинут стилизованный растительный орнамент (рис. 4, б).

3) Железное уплощенное кольцо диаметром 3,5 см (рис. 4, 7).

4) Обломок бронзового браслета диаметром около 7 см, сделанного из округлого в сечении дрота (рис. 4, 8).

5-12) Бусы различных форм и оттенков (темно-красного цвета с желтыми глазками, темно-синего и черного цвета (рис. 4, 9-14, 17-18), из стекла и пасты, янтарная, с декоративными «глазками»).

13) Бисер красного, белого, голубого, зеленого, молочного и черного цветов.

Отметим, что женское захоронение из Стерлитамака (ул. Коммунаров) относится уже к разряду калякуновских древностей (VIII-X вв.) – также, как и погребение из с. Бекешево в верховьях р. Сакмара (Баймакский район Башкортостана), где при строительстве автозаправки в 2000 году было разрушено воинское захоронение. Земляные насыпи в двух группах элитного Бекешевского курганного могильника раскапывались А.Х. Пшеничнюком в 1972 г. [Пшеничнюк, 1984. С. 60-70] и Н.А. Мажитовым в 1973 г. [Мажитов, 1981. С. 56-68], но часть его курганов попала в границы строений и усадеб современного села.

Набор погребального инвентаря из разрушенного погребения передан на хранение в фонды МАЭ УНЦ РАН. Среди сохранившихся предметов присутствуют:

1) Кованая железная сабля в деревянных ножнах (рис. 5, 1). Сохранились прямая рукоять размером более 10×1,7 см, со следами истлевшего дерева; ромбовидное перекрестье длиной более 14 см, с шаровидными утолщениями на концах; обломки однолезвийного клинка шириной у перекрестья 4,4 см; с остатками деревянных ножен на лезвии. На поверхности клинка заметны детали инкрустации золотой проволокой.

2-3) Парные костяные срединные накладки лука, размером 11,1×2,3 см. (один конец утрачен) и 11,9×2,3 см (рис. 5, 2-3). На поверхности заметны риски и крестовидные нарезки для лучшего крепления на кибить.

4) Обломки железного стремени арочного контура, с широкой (около 8,8 см) подножкой (рис. 5, 7). К подножке с одной стороны прикипели куски ткани (шелка?) от одежды.

5) Литая серебряная рамчатая пряжка длиной 2,4 см с подвижным язычком (рис. 5, 4).

6) Куски наборного поясного ремня шириной около 2,6 см, сшитого из двух полос кожи. Сохранились обрывки с двумя видами серебряных (билионовых?) накладок – подквадратными прорезными размером 2,4×2,1 см (рис. 5, 5) и лунницевидными с полуширокими заверше-

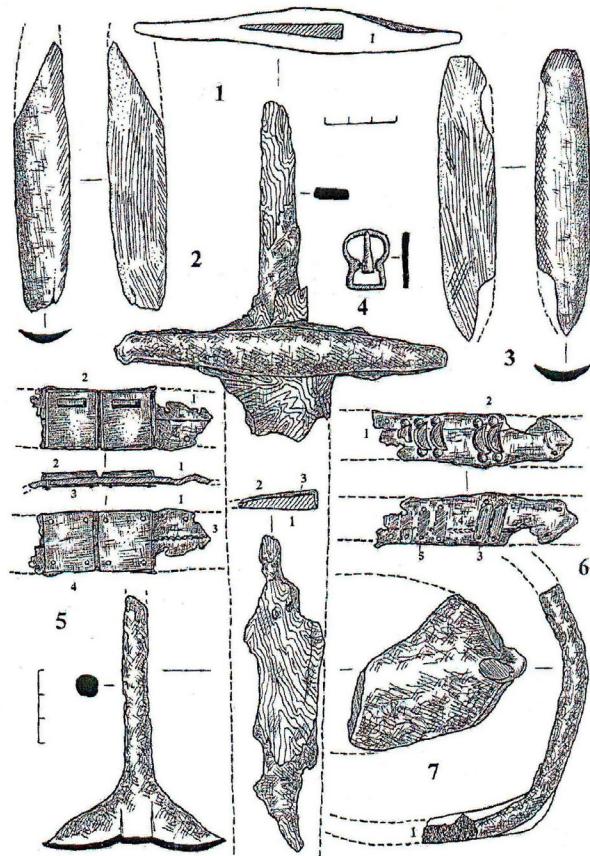

Рис. 5. Бекешевский курган (находки 2000 г.):
 1 – сабля (1 – железный клинок и перекрестье, 2 – следы деревянных ножен, 3 – остатки золотой инкрустации на клинке); 2-3 – срединные накладки лука; 4 – пряжка с подвижным язычком; 5-6 – обрывки ремня с накладками (1 – кожаная основа, 2 – накладки, 3-4 – бронзовые крепежные пластины, 5 – штифты); 7 – фрагменты арочного стремени с широкой подножкой (1 – остатки ткани) (1 – железо, дерево, золото; 2-3 – кость; 4 – серебро или белая бронза; 5-6 – кожа, бронза, серебро или белая бронза; 7 – железо)

ниями длиной около 2 см (рис. 5, 6). Накладки крепились на кожаную основу с помощью 2 и 4 штифтов, крепежные пластины на обратной стороне пояса – бронзовые, квадратной и овальной формы.

Отметим своевременность постановки вопроса о наличии так называемых «племенных центров» IX в. на Южном Урале. Речь идет о значительных скоплениях калякуновских курганов с самыми богатыми наборами вещей: а) на территории г. Уфы; б) в пределах г. Стерлитамака (Левашовский некрополь и др.); в) в Месягутовской реликтовой лесостепи; г) в окрестностях г. Ишимбая; д) около села Бекешево в Зауралье; е) у оз. Уелги (Челябинская обл.), и других местах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине I тыс. н.э. по обе стороны гор Южного Урала расселяются этнические группы, использующие подвижные формы сезонного скотоводства, отнесенные специалистами к родственным – кушнаренковской и карайкуповской – археологическим культурам. Генезис данных этнокультурных образований связан с лесостепью Западной Сибири [Матвеева, 2007. С. 75-86]. Погребальные памятники кушнаренковской культуры сильно разрушены и изучены еще не в полной мере – мы имеем представление о керамическом комплексе, но располагаем значительно меньшей информацией о погребальной обрядности. Несколько лучше известны курганные древности карайкуповской культуры (VIII-X вв.). Представительны культурные на-пластования карайкуповских поселений в Приуралье – Старо-Калмашевского, Таптыковского, Карайкуповского, Кушнаренковского, Удельно-Дуванейского, Сынгяновского, Сасыкульского, Чукраклинского, Давлекановского, Чатринского и др.

Отметим, что обломки посуды карайкуповского типа встречаются не только в погребениях и на городищах, но и на территории открытых жилых объектов. К примеру, при раскопках 1998 г. на территории Азнаевского II поселения (Ишимбайский район Башкортостана), расположенного у западного края горно-лесной зоны Южного Урала, было найдено несколько развалов карайкуповских сосудов и их фрагментов.

Один из сосудов лепной круглодонный, хорошо профицированный, тонкостенный, с туловом яйцевидной формы и вертикальной подцилиндрической шейкой. Высота сосуда 9,9 см, максимальный диаметр тула 9,8 см, диаметр по венчику 6,6 см, высота шейки 2,3 см, срез венчика закруглен. Поверхности коричнево-черные, тщательно заглаженные, без видимых примесей в глиняном тесте. Орнамент нанесен только в верхней части шейки, состоит из трех резных горизонтальных поясков с поперечными насечками (рис. 4, 15). В раскопе также найдено несколько фрагментов венчиков, украшенных характерным резным зональным орнаментом. Один из них (реконструируемый диаметр сосуда по венчику 14,8 см) орнаментирован по цилиндрической горловине горизонтальными линиями мелкой решетки, перемежающимися резными поясками в 4-5 и более рядов (рис. 3, 13). Уплощенный срез венчика декорирован мелкой резной сеткой, а его край слегка отогнут наружу.

Культурный слой на подобных поселенческих объектах очень беден, что отличает кратковременные сезонные стоянки уральских полукочевников. Из известных нам селищ самые насыщенные напластования карайкуповского времени зафиксированы на восточной окраине стоянки Удельный Дуваней-2 на правом берегу р. Белая (Благовещенский район Башкортостана, 50 км к северу от г. Уфа) [АКБ, 1976. С. 118-119. №967].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АКБ: Археологическая карта Башкирии / Под ред. О.Н. Бадера. М.: Наука, 1976. 264 с.
Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.
Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII-XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала / Под ред. Б.Б. Агеева. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 119-140.
Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковско-
- го и кара-якуповского типов // Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II / Серия «Археология евразийских степей». Вып. 2. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 75-86.
Нигматуллин Р.А. Научный отчет о раскопках в центральной Башкирии в 1980 году. Уфа, 1980. 48 с. / Архив Кабинета археологии БГПУ им. М. Акмуллы.
Пищеничнюк А.Х. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала / Под ред. В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 60-74.

REFERENCES

- AKB: Arheologicheskaja karta Bashkirii [Archeological map of Bashkiria] / Pod red. O.N. Bade- ra. M.: Nauka, 1976. 264 s.
Matveeva G.I. O kul'turnom i hronologicheskom sootnoshenii pamjatnikov kushnarenkovskogo i kara-jakupovskogo tipov [On the cultural and chronological relations of archaeological sites accounted to Kushnarenkovo and Karayakupovo types] // Materialy uchreditel'nogo s'ezda Mezh-
- dunarodnogo kongressa. T. II / Seriya «Arkheologiya yevraziyskikh stepey». Vyp. 2. Kazan': II AN RT, 2007. S. 75-86.
Mazhitov N.A. Juzhnij Ural v VII-XIV vv. [Southern Ural in the VII-XIV centuries]. M.: Nauka, 1977. 240 s.
Mazhitov N.A. Kurgany Juzhnogo Urala VIII-XII vv. [Barrows of Southern Ural related to the VIII-XII centuries]. M.: Nauka, 1981. 163 s.

Mazhitov N.A. Materialy k hronologii srednevekovykh drevnostej Juzhnogo Urala (VII-XI vv.) [Materials to the chronology of Medieval Antiquities of Southern Ural (the VII-XI centuries)] // Hronologija pamjatnikov Juzhnogo Urala / Pod red. B.B. Ageeva. Ufa: UNC RAN, 1993. S. 119-140.

Nigmatullin R.A. Otchet o raskopkah v Central'noj Bashkirii v 1980 g. [A report on the ar-

chaeological excavations 1980 in the Central Bashkiria]. Ufa, 1980. 48 s. / Arhiv Kabineta arheologii BGPU im. M. Akmully.

Pshenichnjuk A.H. Kurgany srednevekovykh kочевников на Южном Урале [Barrows of medieval nomads in Southern Ural] // Pamjatniki kochevnikov Juzhnogo Urala / Pod red. V.A. Ivanova. Ufa: BFAN SSSR, 1984. S. 60-74.

ЗАГАДКА СУБЭДЭЙ-БАГАТУРА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ (ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ВЕРСИИ)

В.А. Злыгостев

THE MYSTERY OF SUBEDAY-BAGATUR: MYTHS AND REALITY (KEEPING THE TRACK OF ONE VERSION)

V.A. Zlygostev

Ключевые слова: Центральная Азия, Монгольская империя, Субэдэй-багатур, нарративные источники

Автор обращается к рассмотрению некоторых спорных исторических вопросов, связанных с жизнью и деятельностью великого полководца Чингисхана – Субэдэя-багатура (конец XII-начало XIII вв.), в пределах степей средневековой Монголии (Еке Монгол улуса) и за ее пределами. В частности, он демонстрирует, что метод сравнительного анализа текстов различных письменных источников позволяет уточнить сообщения средневековых хронистов, ошибочная информация из которых используется в работах современных отечественных историков-востоковедов.

Key words: Central Asia, the Mongol Empire, Subeday-Bagatur, narrative sources

In this article the author describes a number of disputable historical questions concerning the life and affairs of a famous Genghis Khan's commander Subeday-Bagatur (end of the XII – beginning of the XIII centuries) on the territory of Mongolian steppe (Ikh Mongol Ulus) and beyond. In particular, he points that the method of comparative analysis of written sources allows specifying certain claims of medieval chroniclers that can be found in some articles of modern Russian scholars.

Одним из самых известных и старейших сподвижников Чингисхана, особо выделяющимся на фоне многочисленных и, безусловно, талантливых представителей монгольской воинской элиты, является знаменитый полководец Субэдэй-багатур. Вне всякого сомнения, личность Субэдэя, человека, которого по совокупности одержанных побед на поле брани следует считать одним из самых выдающихся военачальников в мировой истории, представляет особый интерес для круга исследователей, занимающихся изучением проблем становления монгольского государства и превращения его в мировую империю. Однако помимо моментов, связанных с военной и дипломатической деятельностью Субэдэя, возникают вопросы несколько иного характера. Важнейший из них – вопрос о происхождении героя и его семье.

Свою задачу в данный момент мы видим в том, чтобы на основе сообщений средневековых авторов (монгольских, китайских, арабских, персидских), обратить внимание на спорные мо-

менты в жизни одного из самых прославленных «железных псов» Чингисхана.

В этой связи необходимо отметить, что в отечественной исторической традиции наибольшее развитие получила версия Р.П. Храпачевского, согласно которой существовало два Субэдэя. Один из них – Субэдэй «родом из обока урянхай», который якобы и являлся знаменитым военачальником, и именно его, по мнению Р.П. Храпачевского, «часто путают¹ с урянхайским Чаурхан-Субеетай-баатуром, младшим братом Чжэльмэ» [Храпачевский, 2011. С. 172], то есть с полководцем, братом Джэлмэ, сыном Чжарчиудая, которого несколько поколений ученых-востоковедов считали (и считают) единственным реально существовавшим Субэдэем, героем «Сокровенного сказания». Далее автор версии о «раздвоении» Субэдэя, основываясь исключительно на сведениях, изложенных в китайской хронике «Юань ши»², и полностью им доверяя, буквально в нескольких строках пытается, насколько это возможно, убедительно доказать

¹ Необходимо заметить, что выражение «часто путают» в данном случае неуместно, хотя бы по той причине, что в суть вопроса никто в ученом сообществе и не вникал, а, следовательно, и «путать» указанные персонажи не мог.

² Ссылки на тексты «Сокровенного сказания», приводимые автором [Храпачевский, 2011. С. 172–173, сн. 96, 98, 104], очевидно, играют роль молчаливых свидетелей, «притянутых» в поддержку данных «Юань ши».

правильность своего видения проблемы. В частности, Р.П. Храпачевский пишет: «Чтобы понять, что это разные люди, достаточно двух фактов: 1) Чаурхан-Субеетай-баатур присоединился к Темучжину сразу после ухода последнего от Чжамухи, т.е. около 1186 г. (Субэдэю в это время около 10 лет, и он не мог иметь почетную приставку баатур к имени); 2) генеалогия Чжэльме и Чаурхан-Субеетай-баатура абсолютно не совпадает с родословной нашего Субэдэя (у Чжэльме отца зовут Чжарчиудай, а у Субэдэя – Хабал, а его единственный брат имеет имя не Чжэльмэ, а Хулухур). Путаница эта происходит по простой причине – сложные монгольские имена, составленные из 2–3 слов, часто по тексту СС (т.е. «Сокровенного сказания» – В.З.) разрываются, и в разных местах используется то одна часть, то другая. Поэтому и Чаурхан-Субеетай-баатура называют Чаурханом, то он в тексте просто Субеетай. Чаурхан-Субеетай-баатур пропадает со страниц СС примерно в 1203 г. после сражения на Мао-Ундр. Когда компилировался текст СС, его имя и жизнь в памяти потомков уже сливались с жизнью и именем другого знаменитого урянхайца – полководца Субэдэя» [Храпачевский, 2011. С. 172].

После приведения «явных» на первый взгляд доказательств существования двух Субэдэев можно было бы приступить к детальному разбору приведенного выше фрагмента, однако прежде следует упомянуть о том, что на страницах летописи Рашид ад-Дина присутствует еще один Субэдэй – «третий» по счету ... Персидский автор, повествуя о Великом рейде, совершенном Джэбэ и Субэдэем в 1219–1223 гг., внезапно, противореча самому себе, оставляет запись, согласно которой последний происходил «из (племени) джалайр» [Рашид ад-Дин, 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 194]. Так что же, может быть, это свидетельство необходимо возвести в ранг абсолютно достоверного и строить новые гипотезы? Конечно нет! Очевидно, что служившими в канцелярии Рашид ад-Дина составителями летописи либо более поздними переписчиками была допущена элементарная и несуразная описка, которая, по сути своей, вообще не заслуживает столь пристального внимания, но тем не менее в свете раскрываемой нами темы может послужить катализатором в процессе критического разбора материала, касающегося происхождения Субэдэя и первого года его службы у Чингисхана, являя собой пример того, что от подобных ошибок (или искаженного представления материала)

не застрахованы и другие заслуживающие высокой степени доверия источники, и в частности «Юаньши» и «Сокровенное сказание».

Но вернемся к версии Р.П. Храпачевского. В первую очередь, вызывает вопрос дата появления Субэдэя в ближайшем окружении Тэмуджина и утверждение, что событие это произошло «около 1186 г.» [Храпачевский, 2011. С. 172], то есть в момент размежевания Тэмуджина и Джамухи. Действительно, при беглом рассмотрении различных переводов текста «Сокровенного сказания» может показаться, что так оно и случилось на самом деле, поскольку на следующее утро после откочевки обока Тэмуджина от Джамухи к главе бордигинов (не иначе как чудом) присоединилось несколько десятков отчаянных воинов из самых разных племен, и среди них Субэдэй [Козин, 1941, С. 107, § 120; Кафаров, 1866. С. 59–60; Чингисиана, 2009. С. 92; Данзан Лубсан, 1973. С. 96–97].

В данном случае перед нами явный парадокс: несмотря на то, что Тэмуджин снимается со стоянки ночью и, судя по всему, тайно [Козин, 1941. С. 106, § 118], к нему уже на следующий день являются представители девятнадцати (!) родов и «быют целом»³. И вновь зададимся вопросом: а могло ли такое произойти спонтанно? С огромной долей вероятности, не могло. Надо полагать, что подобная акция, объединившая представителей подавляющего большинства тогда еще разрозненных (после распада Хамаг Монгол Улус⁴) монгольских племен, должна была готовиться не один месяц, а может быть и год. Для того, чтобы привлечь на свою сторону людей, ставших впоследствии «цветом» монгольской воинской элиты, Тэмуджину потребовалось время, а значит, на самом деле их прибытие в стан произошло несколькими годами позже, а именно в 1189 г. Тогда же был созван курултай, на котором кочевая знать наделила Тэмуджина титулом Чингисхан. Косвенно подобное предположение подтверждает автор «Сокровенного сказания», так как в контексте повествования он сливает в единый временной отрезок обстоятельства курултая (а в его дате никто не сомневается), присоединение к Тэмуджину кочевой вольници – представителей 19 указанных племен – и появление рядом с ним монгольских аристократов – потомков ханов Хабула и Хутулы [Козин, 1941. С. 107–109].

Итак, судя по всему, служебная карьера Субэдэя началась отнюдь не в 1186 г., как пишет Р.П. Храпачевский, а непосредственно в 1189, когда наш герой в возрасте четырнад-

³ «Сокровенное сказание» перечисляет племена, представители которых явились к Тэмуджину. Это джелаир, тархуд, кият, барлас, мангут, арулат, урянхай, бесуд, сулдус, хонхотан, сукеген, дорбен, олхонут, неудай, горлос, икирес, ногкин, оронар, баарин [Козин, 1941. С. 107, § 120].

⁴ Хамаг Монгол Улус, или «Все Монголы», – первое монгольское ханство, существовавшее в первой половине середины XII века.

цати лет стал одним из «ближников» Чингисхана⁵. Естественно, отроку была уготована участь слуги – денщика, постельничего, телохранителя, и свидетельством тому является клятва, данная Субэдэем своему сюзерену, в которой он, изливая верноподданнические чувства, произнес следующую фразу: «Я войлочной попоной стану, // Твоим плацом, твоей накидкой, // Решеткой в юрте стану частой, // Что преграждает вход врагу» [Чингисиана, 2009. С. 97]. Естественно, рядовой в звании и юный то ли дворовый, то ли домашний слуга, занимавший нижний ряд в Чингисовой иерархии, а попросту квалифицировавшийся «вратарем... у порога» [Козин, 1941. С. 138, § 180], не мог претендовать, даже имея такого брата, как Джэлмэ, на «почетную приставку батур к (своему – В.З.) имени» [Храпачевский, 2011. С. 172], коей Субэдэй наделен на тот момент в текстах «Сокровенного сказания» [Козин, 1941. С. 107, 110], а потому отрицание наличия у него титула «багатур» не вызывает сенсации – его по определению быть не могло.

Однако следует учитывать, что «Сокровенное сказание» было записано в 1240 г. [Козин, 1941. С. 199], то есть в момент, когда Субэдэй хотя и не находился в Монголии⁶, но пользовался гигантским властным потенциалом и уважением в среде имперских элит, а значит, и автору «Сокровенного сказания» незачем было акцентировать внимание на том, багатуром он был в то давнее время или нет, – он попросту конкретизировал, что речь идет о том самом Субэдэе, который сейчас прижимает к ногтям Европу. И в этом нет ничего удивительного, тем более что аналогов в мировой истории не счесть.

Еще больше противоречий, касающихся происхождения Субэдэя, вызывает вопрос о его имени, сдвоенном в монгольском источнике, называющем его «Чаурхан-Субеетай-Баатур» [Козин, 1941. С. 107]. Исходя из этого, Р.П. Храпачевский, строго придерживаясь данных «Юаньши», согласно которым «истинный» Субэдэй появился в окружении Чингисхана лишь летом 1203 года [Храпачевский, 2011. С. 172; Юаньши, 2009. С. 226], предполагает, что Чаурхан-Субеетай «пропадает» со страниц «Сокровенного сказания» в тот же 1203 год, но весной – после сражения при Мао-Ундуру [Храпачевский, 2011. С. 172; Козин, 1941. С. 130]. В данном случае необходимо напомнить, что Чаурхан-Субеетай, упоминавшийся «Сокровенным сказанием» всего единожды, «пропал» из повествования четырнадцатью

годами ранее, ибо на курултае 1189 г. он фигурирует исключительно в качестве «Субеетай-Баатура» [Козин, 1941. С. 110], то есть под именем, под которым он впоследствии прославился как великий полководец. И здесь возникает еще один вопрос: а кто такой тогда Чаурхан? Как ни странно, ответ на него элементарен – Чаурхан являлся старшим после Джэлмэ братом Субэдэя, и никакого секрета в этом нет.

Если в «Сокровенном сказании» в переводе С.А. Козина, и «Алтан Тобчи» Л. Данзана присутствуют записи, сдваивающие имена, как то «Чаурхан-Субеетай» [Козин, 1941. С. 107] или «Чорган-Субэгэтай-багатур» [Кафаров, 1866. С. 97], которые по некоей причине (ее мы разберем ниже) воспринимаются как имя одного человека, то в варианте перевода «Сокровенного сказания» П.И. Кафарова и в новейшем переводе источника, выполненном А. Мелехиным, Чаурхан и Субэдэй обозначены как родные братья. П.И. Кафаров: «...пришли также (к Тэмуджи-ну – В.З.)... младшие братья Чжэльмэ, Чаурхан и Субеэтай» [Кафаров, 1866. С. 60]. А. Мелехин: «...пришли и воссоединились с Зелмэ (Джэлмэ – В.З.) его младшие братья Чахурхан и Субэгэдэй-батор» [Чингисиана, 2009. С. 92]. Наконец, в «классическом», С.А. Козина, переводе «Сокровенного сказания» без особого труда (следует лишь быть повнимательнее) можно найти фрагменты, где, казалось бы, слитые один раз воедино Чаурхан и Субэдэй в новых обстоятельствах фигурируют как абсолютно разные люди. Так, на все том же памятном курултае 1189 г. Чаурхан, наряду с наиболее опытными воинами, был назначен разведчиком, а Субэдэй произносит клятву-монолог и служит при особе хана. Монгольский источник гласит, что Чингисхан «Тахаю, Сукгаю и Чаурхану повелел: „Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими дальними стрельцами – хоорцах, ближними стрелками – одора!“». А Субеетай-Баатур сказал так: „Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи...“» [Кафаров, 1866. С. 110]. Это ли не доказательство того, что Субэдэй и Чаурхан, одновременно общавшиеся с Чингисханом, разные люди? Остается добавить, что Чаурхан, которого Р.П. Храпачевский по необъяснимым причинам вычеркнул из военно-политической жизни монгольского государства, ссылаясь на то, что он около 1203 г. якобы исчез со страниц «Сокро-

⁵ В том, что Субэдэй с «юных» четырнадцати лет стал служить Чингисхану, ничего феноменального нет. Известно, что другой знаменитый соратник Чингисхана, Мухали, умирая в 1223 г., произнес предсмертную фразу: «Уж сорок лет как я занимаюсь воиною...» [Бичурин, 2005. С. 93]. Учитывая, что Мухали скончался в возрасте 53 лет, не составляет труда вычислить, что воиною он стал «заниматься» с 13 лет...

⁶ С 1236 по 1242 гг. Субэдэй находился в Восточной и Центральной Европе, где осуществлял командование имперским войском монголов.

венного сказания» [Храпачевский, 2011. С. 172], дослужился, по сведениям все того же «Сокровенного сказания», до звания «нойона-тысячника», которым был жалован в 1206 г. [Козин, 1941. С. 158], а затем получил почетное назначение – он стал советником при чингисхановом племяннике Алчидае [Козин, 1941. С. 176]. Следует подчеркнуть, что одновременно с Чаурханом званием нойона-тысячника был жалован и Субэдэй, и если Субэдэй числился в реестре за № 51, то Чаурхан записан под № 59 [Козин, 1941. С. 158, § 202]. Комментарии излишни.

В продолжение темы о сдвоенных, то есть сложных, монгольских именах, подразумевающих под собой одного человека, но сообщающих о двух лицах, следует привести наглядный пример. Самое яркое свидетельство «слияния» двух персонажей в одном имени можно отыскать в труде Н.Я. Бичурина «История первых четырех ханов из дома Чингисова», основанном на переводах текстов «Юань ши» и «Тхун-цзянь-ган-му» («Китайской всеобщей истории»). В частности, в разделе о пожаловании Угэдэем монгольской знати землями в Китае говорится, что уделом в округе Пыхин-ян (Пинъянфу [Юань ши, 2009. С. 172]) был пожалован Ордо-бату [Бичурин, 2005. С. 182]. Нетрудно догадаться, что под именем Ордо-бату скрыты имена двух человек, двух сыновей Джучи – Орду и Бату. Впрочем, Орду имел-таки сдвоенное имя – Орду-Ичен, и назван он был Иченом, как сказано в «Муизз ал-ансаб», потому, что имел младшего брата Эсена (Ичена) и «оба (они – В.З.) родились от одной матери (Саргаду-хатун)» [ЗОИ, Т. 1, 2003. С. 437]. Возвращаясь к Субэдэю и Чаурхану, следует предположить зеркально похожую картину: Чаурхан – старший (после Джэлмэ) брат Субэдэя, и оба они родились от одной матери...

И наконец, дабы если и не закрыть проблему «Чаурхана-Субеетая», то, по крайней мере, обозначить неприемлемость скоропалительных тезисов, необходимо обратить внимание на некоторые выводы, изложенные на этот счет Р.П. Храпачевским. Так, объясняя особенности сложных монгольских имен и доказывая свою версию, согласно которой Чаурхан-Субеетай – это один человек, Р.П. Храпачевский приводит не совсем удачный пример, указывая на то, что «известный соратник Чингисхана Хубилай, из обока барлас, тоже имел имя Хубилай-Худус, но чаще всего использовалось в СС его первая часть (т.е. Хубилай – В.З.)» [Храпачевский, 2011.

С. 172, сн. 99]. При ближайшем же рассмотрении более чем вероятен тот факт, что и Хубилай, и Худус разные люди. Подобный вывод напрашивается при более тщательном анализе имен в упоминавшемся выше списке нойонов-тысячников. Как и в случае с Субэдэем и Чаурханом, Хубилай и Худус значатся в том списке отдельно друг от друга: Хубилай записан среди тысячников под № 8, а Худус – под № 48 [Козин, 1941. С. 158]. Правда, есть некая нестыковка, так как Хубилай с Худусом, по-видимому, не были кровными родственниками (разве что кумовьями или побратимами) – первый был родом из обока барлас, а второй, хотя и по версии Рашид ад-Дина, который порою грешит неточностями⁷, принадлежал к племени баарин [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 273]. Но если копнуть поглубже, то и у Худуса можно обнаружить второе имя. В одной части «Сокровенного сказания» он назван Худус-Халчаном [Козин, 1941. С. 144]. В свою очередь, Халчана следует, по-видимому, ассоциировать с Халчжой (Балуган-Калджой) из племени барлас [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 269, сн. 7], также поставленным нойоном-тысячником – за № 53 [Козин, 1941. С. 158]. Круг замкнулся...⁸

Однако куда больше вопросов вызывает утверждение Р.П. Храпачевского относительно иных близких (и не очень) родственников Субэдэя. По «Юань ши» (напомним, что данные китайской хроники взяты Р.П. Храпачевским за основу его версии), Субэдэй являлся сыном Хабала и имел брата Хулухура [Храпачевский, 2011. С. 172; Юань ши, 2009. С. 226]. Согласно же данным «Сокровенного сказания», отцом Субэдэя был Чжарчиудай, а братьями соответственно Джэлмэ и Чаурхан. Надо полагать, монгольское официальное изложение истории правящего дома Чингисидов имеет в деле определения тех или иных нюансов, касающихся происхождения Субэдэя, неоспоримый приоритет, хотя бы уже, как подчеркивалось выше, из-за времени своего создания, ведь оно было записано в 1240 г., то есть еще при жизни полководца и на 130 лет ранее, чем «Юань ши» (составлена в 1369 г. [Юань ши, 2009. С. 15]). Примечательно, что Рашид ад-Дин, повествуя о племени «урянкай» и упоминая Субэдэя, подразумевает одного человека, не разделяя его на «сына Чжарчиудая» или «сына Хабала»⁹. Для персидского историка «Субэдай-бахадур» – это человек не только выступающий в одном лице, но главное – человек,

⁷ Вспомним, что Рашид ад-Дин причислял Субэдэя к джелаирям.

⁸ Тот факт, что Худуса окружали представители рода барлас, дает право подвергнуть сомнению запись в летописи Рашид ад-Дина о его «бааринском» происхождении.

⁹ Рашид ад-Дин, резюмируя приводимые им сведения о Субэдэе, подчеркивает, что «обстоятельства Субэдай-ноиона (бахадура) приводятся в летописи повсюду» [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 272]. Об «ином» Субэдэе персидский автор умалчивает.

имевший сына Урянхатая (Урянкатая) [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 1, 1952. С. 158], в чем его сведения полностью согласуются с данными «Юань ши».

Что же касается Хулухура, названного китайской хроникой братом Субэдэя [Юань ши, 2009. С. 226], то в данном случае не следует отрицать даже кажущиеся на первый взгляд самими фантастическими гипотезы. При этом необходимо учитывать, что имя Хулухур было весьма редким в среде кочевников, и не исключено, что составители «Юань ши», опять же по причине отдаленности от них событий во времени, могли допустить ошибку и причислить к братьям Субэдэя старшего брата Мухали Хулухуэра [Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 60], тем более что описываемые в «Юань ши» события происходили в 1203 г. в районе озера Балджун, в момент, когда все близайшие соратники Чингисхана после неудачи при Мао-ундур собирались на относительно небольшой территории и действовали «плечом к плечу» в новых сборных сотнях, в которые воины объединялись из разных подразделений. Таким образом, Субэдэй мог оказаться в одном строю с Хулухуэром (Хулухуром), братом Мухали, и в этом нет ничего удивительного, за исключением разве что того, что в китайский источник закралась досадная ошибка¹⁰.

Развивая тему родственных связей Субэдэя, нельзя не вспомнить о сообщении «Юань ши», указывающем на то, что один из его сородичей, из числа второго поколения от родоначальников обока, некий Бохудук «был известен как чжэлима – человек, составляющий планы и стратегии» [Юань ши, 2009. С. 226]. А так как указанный Бохудук-чжэлима, судя по данным хроники, жил во времена Хабул-хагана (рубеж XI–XII вв.), то очевидно наличие еще одного фатального расхождения в текстах «Юань ши» и «Сокровенного сказания», подчеркивающего, что Джэлмэ и Субэдэй являлись родными братьями и сыновьями одного отца [Козин, 1941. С. 96, 107]. Попытка же Р.П. Храпачевского объяснить параллельное существование Субэдэя и Джэлмэ (Чжэлима) в китайском источнике с Субэдэем и Джэлмэ, запечатленными в источнике монгольском, тем, что имена героев якобы «были просто традиционны для данного обока (т.е. урянхаев – В.З.)» [Юань ши, 2009. С. 287, сн. 609], выглядит не более чем еще одной версией в поддержку материала, изложенного в «Юань ши». Размышления о распространенности имени Субэдэй,

следует считать несостоятельными, так как имя это (Субэдэй, Субеетай и др.) в своем роде единственное¹¹. История не знает другого человека с подобным именем, за исключением разве что одиннадцатого сына Толуя Субэтэя [Рашид ад-Дин, Т. 2, 1960. С. 104, сн. 11], названного, по-видимому, в честь великого полководца.

Если рассматривать обстоятельства несения Субэдэем службы Чингисхану начиная с 1189 г. и по вторую половину 1210-х гг., то, согласно утверждениям Р.П. Храпачевского, наш герой хотя и был «поставлен» в 1206 г. «найоном-тысячником» [Козин, 1941. С. 158], тем не менее, ничем особым не отличался. «Его заслуги, – пишет Р.П. Храпачевский, – неизвестны, так как он не фигурирует в описаниях сражений ни с найманами, ни с тангутами. Во всяком случае, послужной список Субэдэя отмечает его первую награду за военные заслуги от каана только в 1212 г. – Субэдэй «напал на цзиньский Хуаньчжоу, раньше всех взошел [на стены] и занял этот город» [Храпачевский, 2011. С. 173; Юань ши, 2009. С. 226]. Однако, не отрицая заслуг Субэдэя в войне с Цзинь и несмотря на то, что в войне с тангутами (а в данном случае речь, скорее всего, идет о набеге на государство Си Ся в 1205 г. Елюй Ахая [Храпачевский, 2011. С. 169]), Субэдэй не участвовал, и вполне по объективным причинам (о чем будет сказано отдельно), в других случаях он, хотя, может, и не так часто, но находился в эпицентре событий.

В этой связи нельзя умолчать о роли, которую молодой урянхай сыграл в начале 1190-х гг. в одном из конфликтов, произошедших между Чингисханом и его младшим, но честолюбивым братом Хасаром. Дело в том, что в кругу сыновей Есугея не все и не всегда было чинно и гладко, порою Чингисовы братья, и в первую очередь Хасар, «выпрыгивали из узды», а потому главе бордигинов приходилось регулярно их урезонивать¹². Однажды за излишнюю болтливость был наказан Бельгутай [Козин, . С. 124], что же касается Хасара, то его своенравие зачастую перехлестывало за край, и как-то раз он, в обиде за взбучку, устроенную ему Чингисханом (а по-водов для того хватало), «забрал тысячу триста человек и выступил с враждебными намерениями» [Данзан Лубсан, 1973. С. 195]. В погоню за Хасаром был направлен Субэдэй, и после переговоров, применив все свое красноречие и дипломатические способности, он убедил стропти-

¹⁰ О Хулухуре (Хулухуэре) помимо хронистов «Юань ши» и Чжао Хуна сообщает Рашид ад-Дин, упоминая о некоем Хулакуре – сыне Хасара. Однако упомянутый Рашид ад-Дином Хулакур проявил себя на политическом поле Монгольской империи значительно позже описываемых событий, а именно во времена «мятежа» Ариг-Буки, в 1263–1264 гг. [Рашид ад-Дин, Т. 2, 1960. С. 142–143]. Более людей с именем Хулухур (Хулухуэр, Хулакур) в известных источниках не обнаружено.

¹¹ Равно как и имя Джэлмэ. «Второго» Джэлмэ в известных источниках нет.

¹² В данном случае мы не рассматриваем убийство Бектера, совершенное Тэмуджином и Хасаром.

вого Чингисова брата согласиться с аргументами и, подчинившись воле хана, вернуться в ставку последнего [Данзан Лубсан, 1973. С. 197]. Точно датировать произошедшее достаточно сложно по причине «легендарности» случившегося, тем более что ссоры между братьями вспыхивали неоднократно. Подобное событие могло произойти как после битвы при Далан-Балджутах («сражения 13 куреней») в 1191–1192 гг. или окончательного разгрома тайчиутов в 1202 г.¹³ [Чингисиана, 2009. С. 444, 379, 715], так и в момент обострения разногласий Чингисхана с Ван-ханом, когда в силу сложившихся обстоятельств Хасар находился во владениях керайтов, в 1202–1203 гг. [Чингисхан, 2012. С. 103]. Для нас же важен тот факт, что с огромной долей вероятности этот фрагмент из биографии Субэдэя относится ко времени, когда он, по мнению Р.П. Храпачевского, ничем особенным себя не проявил. Но обращаясь к поздним монгольским летописям, и в частности «Золотому сказанию» Мэргэн Гэгэна (1765 г.), мы узнаем, что Субэдэй после оказанной услуги, как человек, сумевший примирить братьев, был назначен ими «домашним учителем» [Чингисиана, 2009. С. 445].

Естественно, скептики вправе привести контраргумент: мол, данные, основанные на поздних источниках, считать абсолютно достоверными не совсем корректно, и, конечно же, с этим нельзя было бы не согласиться, будь подобное сообщение единичным. Однако не только Лубсан Данзан и Мэргэн Гэгэн касаются такого яркого в истории «алтан уруга» происшествия, как умротворение Субэдэем Хасара. Нельзя не упомянуть и о том, что монгольские летописи, и среди них «Краткое золотое сказание» (авт. неизвестен, 1625 г.), «Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна (1662 г.), и другие, более поздние, хроники, в их числе «Хрустальное зеркало» Джамба-Дорджи (1825 г.) [Цендина, 2007. С. 12, 87–92], сообщают об этом кажущемся почти эпическим, но устоявшемся в сознании летописцев, а потому, очевидно, случившемся на самом деле событии. И наконец, ярчайшим подтверждением близости Субэдэя к бордигинам является тот факт, что в 1229 г., очевидно по совокупности заслуг и давнего статуса «домашнего учителя», «Тай-цзун (Угэдэй – В.З.) выдал за Субэдэя принцессу Тумегань (Томегань)» [Юань ши, 2009. С. 229]. Примечательно, что подобный брак по-своему являлся уникальным, так как в период становления Монгольской империи Чингисхан и Чингисиды не имели обычая выдавать царевен за воена-

чальников, пускай и самых выдающихся. Как правило, женщины из «золотого рода» представляли собой разменную монету с целью заключения династических браков с соседними владельцами (Алахуш-дитхури, Худуха-беки) или крупнейшими родовыми вождями (Тохучар)¹⁴, коих необходимо было любыми средствами привлечь на свою сторону. Субэдэй же не относился ни к тем, ни к другим, а выступал в системе монгольской воинской элиты в качестве «служивого человека», получавшего от сюзерена определенные преференции (часть добычи и иные пожалования), но отнюдь не титул ханского зятя (гургена). Касаясь же «принцессы Тумегань», надо отметить, что она занимала весьма высокое, если не высшее положение при дворе в Каракоруме. Так, в «Юань ши» под 1257 г. описана встреча великого каана Мункэ в местности Уруджан (ныне г. Эрэн-Хото АРВМ КНР) с братом Ариг-Букоем и своими сыновьями. В списке присутствовавших, наряду с царевичами, значится и принцесса Тумегань [Юань ши, 2009. С. 196].

В дополнение к вышеисказанному следует отметить следующее: в самом начале XIII ст. Субэдэй прославился на страницах источников уже не только как миротворец, превратившийся из «домашнего слуги», по сути, рядового кешиктена в «домашнего учителя» – сотника кешига, но и как один из самых преданных воинов-багатуров, окружавших монгольского повелителя, прозванного по праву одним из четырех внушавших страх врагам «бешеных», или «свирепых», или «медноголовых» псов Чингисхана. Но упоминания о Субэдэе как отчаянном, бесстрашном и жестоком рубаке вновь вводят нас в противоречие с доводами Р.П. Храпачевского, уверяющего, что «он не фигурирует в описаниях сражений с найманами» [Храпачевский, 2011. С. 173]. Как же так? Трудно поверить, что автор приведенной фразы не знаком с текстом «Сокровенного сказания». И разве не участвовал наш герой в знаменитой битве, случившейся весной 1204 г. на восточных отрогах Хангайского хребта? Не отвлекаясь на события, предшествовавшие победному для монголов сражению, да и вообще на весь его ход, остановимся лишь на ярком, ставшем хрестоматийным фрагменте, описывающем то кровавое действие. Приводя в тексте диалог Джамухи и Таян-хана, автор «Сказания» повествует: «В то время (в момент сражения – В.З.), Чжамуха был тоже у Найманей. Таян спросил его: „Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой

¹³ В пользу того, что разногласия между Чингисханом и Хасаром могли произойти именно в 1202 г., как минимум свидетельствует старинное монгольское предание «Беседа Хасара и Бельгутая со старцем», соотносящее случившееся противостояние братьев с разгромом в том году тайчиутов. Недаром предание начинается со слов: «После стычки с тайчиутами Чингисхан во всеуслышание попрекнул Бэлгудэя...» [Чингисиана, 2009. С. 379].

¹⁴ Алахуш-дитхури – правитель онгутов, Худуха-беки – правитель ойрат, Тохучар – «государь кунгратов».

овчарни?“ Чжамуха отвечал: „Это четыре пса моего Тэмучжина, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки, у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях, пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюны; они радуются. Эти четыре пса: Чжэбэ, Хубилай, Чжэлмэ и Субээтай“...» [Кафаров, 1866. С. 106]. Как видно, утверждение о том, что Субэдэй в столкновениях с найманами якобы не участвовал, рассыпается, как карточный домик...

Во многом спорным также является предположение Р.П. Храпачевского, касающееся отрицания похода, совершенного Субэдэем в 1205 г. и отраженного в «Сокровенном сказании». Тогда Чингисхан послал его в сторону Дешт-и-Кипчак (Забалхашья), в погоню за бежавшими туда меркитами [Кафаров, 1866. С. 152–153]. Однако дата похода – год 1205-й (год Коровы) вызывает вполне справедливые вопросы, ибо в 1216–1217 гг., также в год Коровы, но по сведениям «Юань ши», Субэдэй был отправлен Чингисханом в том же направлении, с идентичным заданием [Юань ши, 2009. С. 266]. Казалось бы, в текст «Сокровенного сказания» закралась ошибка, потому как в «Юань ши» весьма подробно описано монгольское вторжение в Дешт-и-Кипчак именно в 1216–1217 гг., а о событиях 1205 г. не сказано ни слова, тем более что и Рашид ад-Дин указывает на год 1216-й [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 255]. Тем не менее, прежде чем отрицать возможность похода в Дешт-и-Кипчак в 1205 г., необходимо учесть особенности военной доктрины, исповедуемой Чингисханом. Доктрины в данном случае наступательной, одной из составных частей которой являлось немедленное преследование и окончательное уничтожение противника после нанесенного ему поражения, на поле боя или в войне. Случаев подобного преследования, примененного монголами на практике, огромное множество. Так, например, случилось в 1220 г., когда Чингисхан отправил в погоню за хорезмшахом Мухаммедом все того же Субэдэя в паре с Джэбэ, так, по-видимому, было и весной 1205 г., когда после разгрома наймано-меркитских отрядов на реке Бухтарме и гибели меркитского «государя» Тохтоа-беки [Козин, 1941. С. 151] Субэдэю было указано преследовать по горячим следам оставшихся в живых меркитских вождей. Чингисхан, напутствуя своего «воеводу... говорил: „Выходя из боя бежали меркиты. // Так иногда и с арка-

ном хулан, // Так и олень со стрелою уйдет... // Ты обернись тогда соколом ясным, // С неба на них, Субетай, ты ударь“...» [Козин, 1941. С. 152]. Подтверждением тому, что слова Чингисхана отображали реалии 1205 г. и не представляли собой поздней компиляции, являются как минимум два момента. Во-первых, это ключевая фраза, произнесенная Чингисханом: «Выходя из боя бежали меркиты», из которой следует, что речь идет о бое на Бахтурме, так как в 1216 г. о каком-либо недавнем столкновении с меркитами нет и речи. Во-вторых, необходимо обратить внимание на четкую последовательность описываемых в «Сокровенном сказании» событий. Действительно, события развивались в едином ключе: 1204 г. – разгром найманов. 1205 г. – разгром меркитов на Бахтурме и преследование их Субэдэем. Пленение и казнь Джамухи. 1206 г. – великий курултай [Козин, 1941. С. 145–171]. Впрочем, «проблема» похода 1205 г., который абсолютно динамично вписывается в хронологию военно-политической обстановки в Центральной Азии самого начала XIII в., достойна отдельного исследования.

Остается добавить, что первую свою награду Субэдэй получил отнюдь не в 1212 г., как полагает Р.П. Храпачевский, когда «государь (Чингисхан за штурм Хуаньчжуо – В.З.) приказал наградить его повозкой золота и шелка» [Юань ши, 2009. С. 226]. Надо полагать, что главной, но далеко не первой наградой для Субэдэя как состоявшегося военачальника было назначение его в 1206 г. «найоном-тысячником» и слова, сказанные тогда Чингисханом по этому поводу: «Пусть равно также Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которые они стяжали собственными трудами» [Козин, 1941. С. 168]. Разве могла быть для амбициозного монгольского багатура награда большая, нежели благорасположение великого каана и возведение в разряд кочевой элиты? И что такое «повозка шелка», которая в угле кровопролитной войны испарится, как будто ее и не было, в сравнении с титулом «найон» и властью над тысячу воинов и их семействами?

Выводы, последовавшие за рассмотрением вопросов, касающихся происхождения, родственных связей Субэдэй-багатура и начала службы Чингисхану, ни в коей мере не являются истиной в последней инстанции. Надо полагать, что процесс изучения личности Субэдэя и его наследия как великого полководца находится пока в начальной стадии, и сколько еще дискуссий случится по этому поводу...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичурин Н.Я.* (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 476 с.
- Данзан Лубсан.* Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., комментарий Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 457 с. (Памятники письменности Востока).
- ЗОИ – Муйиз ал-ансаб фи шаджарат салатин mogul* (Дополнительные сведения) // Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: Тип-я «Наука», 2003. 449 с.
- Кафаров П.И.* (Палладий). Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 3-258.
- Козин С.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un nirača tobčian. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит., комментарии Н.Ц. Манкуева // Памятники письменности востока. XXVI. М.: Наука, 1975. 288 с.
- Rashid ad-Din.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Rashid ad-Din.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
- Rashid ad-Din.* Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
- Чингисиана:* свод свидетельств современников / Пер., сост. и ком. А. Мелехина. М.: Эксмо, 2009. 728 с. (Тайны древних цивилизаций).
- Чингисхан.* Сокровенное сказание. М.: Эксмо, 2012. 480 с.
- Юань ши* (Официальная хроника династии юань) // Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: Тип-я «Наука», 2009. 336 с.
- Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.
- Цендиня А.Д.* Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. 272 с.

REFERENCES

- Bichurin N.Ya.* (Iakinf). Istorija pervykh chetyrekh khanov iz doma Chingisova [The story of first four khans from the House of Genghis] // Isto-riya mongolov. M.: AST: Tranzitkniga, 2005. 476 s.
- Danzan Lubsan.* Altan tobchi (Zolotoe skazanie) [Altan tobchi (A Golden Tale)] / Per. s mong., kommentariy N.P. Shastinoy. M.: Nauka, 1973. 457 s. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka).
- ZOI - Muizz al-ansab fi shadzharat salatin mogul* (Dopolnitel'nye svedeniya) [Muizz al-ansab fi shadzharat salatin mogul (Additional information)] // Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya / Sost. R.P. Khrapachevskiy. M.: Tip-ya «Nauka», 2003. 449 s.
- Kafarov P.I.* (Palladiy). Starinnoe mongol'skoe skazanie o Chingiskhane [An Old Mongolian Legend of Gengnis Khan] // Trudy chlenov Russkoy dukhovnoy missii v Pekine. T. IV. SPb., 1866. S. 3-258.
- Kozin S.* Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongrol-un nirača tobčian. Yuan' Chao Bi Shi. Mongol'skiy obydennyy izbornik. [The Secret History of the Mongols. Mongolian Chronicle 1240 named Mongrol-un nirača tobčian. Traditional Mongol anthology] T. 1. M.; L.: AN SSSR, 1941. 620 s.
- Men-da bey-lu* (Polnoe opisanie mongolo-tatar) [The full description of Mongol and Tatar population] / Per. s kit., kommentarii N.Ts. Mankueva // Pamyatniki pis'mennosti vostoka. XXVI. M.: Nauka, 1975. 288 s.
- Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey [A collection of chronicles]. T. 1. Kn. 2 / Per. s pers. O.I. Smirnovoy. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 315 s.
- Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey [A collection of chronicles]. T. 1. Kn. 1 / Per. s pers. L.A. Khetagurova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 222 s.
- Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey [A collection of chronicles]. T. 2 / Per. s pers. Yu.P. Verkhovskogo; pod red. I.P. Petrushevskogo. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 248 s.
- Chingisiana:* svod svidetel'stv sovremennikov [Genghisiana: a collection of coevals' accounts] / Per., sost. i kom. A. Melekhina. M.: Eksmo, 2009. 728 s. (Tayny drevnikh tsivilizatsiy).
- Chingiskhan.* Sokrovennoe skazanie [A Secret Tale]. M.: Eksmo, 2012. 480 s.
- Yuan' shi* (Ofitsial'naya khronika dinastii yuan') [An official chronicle of the Yuan Dynasty] // Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 3. Kitayskie i mongol'skie istochniki / Sost. R.P. Khrapachevskiy. M.: Tip-ya «Nauka», 2009. 336 s.
- Khrapachevskiy R.P.* Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi [Mongol Army during the period of Ancient Russia conquest] M.: Kvadriga, 2011. 264 s.
- Tsendina A.D.* Mongol'skie letopisi XVII–XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii [Mongol chronicles of the XVII-XIX centuries: narrative traditions] M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2007. 272 s.

ОТ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ ДО АКАДЕМИКА

Ю.А. Морозов

FROM THE SCHOOL TEACHER TO THE ACADEMICIAN

Y. Morozov

В ноябре 1997 г. в зале Центрального Дома ученых в Москве собралась научная общественность – представители гуманитарных и естественных наук. Чествовали ученого-археолога, популяризатора науки, академика двух Академий (Российской академии естественных наук и Российской народной Академии наук). Президента Российского Археологического общества, члена Американского археологического общества и Археологического института США, награжденного памятной медалью Международной Академии наук о природе и обществе «За заслуги в деле возрождения науки и экономики в России» Геральда Николаевича Матюшина. Это был юбилей в честь его 70-летия, а до этого была трудная, непростая, творческая жизнь с ее радостями и разочарованиями.

Родился он в Уфе 13 ноября 1927 года в семье служащего. В тяжелые годы лихолетья беда не обошла их семью стороной: в 1937 г. был арестован отец, погибший в 1939 г. в сталинских лагерях (в 1958 г. он был полностью реабилити-

рован). После ареста отца, мать Ирина Алексеевна, осталась с двумя сыновьями без средств к существованию, но сумела вырастить и дать им твердые жизненные устои, позволившие обоим стать докторами наук иуважаемыми членами общества.

В 14 лет, с началом Великой Отечественной войны, Г.Н. Матюшин поступает учеником токаря на завод горного оборудования. Это был непосильный для мальчишки труд, наравне с взрослыми, в условиях военного недоедания и не проходящей усталости.

В 1942 г. Г.Н. Матюшин попадает в первый набор знаменитой школы юнг военно-морского флота на Соловецких островах. После успешного окончания школы по специальности рулевого, его направляют на боевые корабли действующего Северного флота, где он получает назначение на тральщик «Т-106» (рис. 1). Корабль принимал участие в сопровождении караванов судов союзников в Мурманск и Архангельск, проводил боевые траления в водах Арктики. Его катер

Рис. 1. Г.Н. Матюшин в кругу сослуживцев с минного тральщика. 1944 год

подрывался на минах, он тонул, но остался жив.

После окончания Великой Отечественной войны для Г.Н. Матюшина продолжалась. Надо было убрать оставшиеся после нее мины, представлявшие смертельную опасность для судоходства по Северному морскому пути. Война для него закончилась только в 1950 году.

Г.Н. Матюшин награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями Ушакова, медалью «За оборону Советского Заполярья» и другими 19 наградами.

На жизненный выбор Геральда Николаевича повлияла ярко прочитанная лекция замечательного русского этнографа, антрополога, археолога Сергея Ивановича Руденко о раскопках Пазырыкских курганов на Алтае, которую он слушал, будучи студентом Уфимского педагогического института, а затем его знакомство с известным уральским археологом Константином Владимировичем Сальниковым. Эти встречи во многом определили дальнейшее становление Геральда Николаевича как археолога и ученого (рис. 2).

Но до этого была работа в школах г. Уфы учителем истории, преподавателем археологии в Башкирском государственном университете и Башкирском институте усовершенствования учителей. Он явился организатором первого на Урале научного клуба юных археологов (ЮНАР), вначале при школе № 23 г. Уфы, а затем при Уфимском дворце пионеров.

Впервые с Геральдом Николаевичем я познакомился в 1957 году в школе, когда нас, восьмиклассников, отправили на месяц в с. Карламан, на уборку сахарной свеклы. На первом построении перед нами появился молодой, энергичный, красивый мужчина в морской фуражке. Это был наш новый преподаватель истории Геральд Николаевич. Под его руководством мы оборудовали двухъярусные нары в помещении клуба, установили дежурство, организовали работу и быт. Нас, молодых ребят, удивляло что Геральд Николаевич умел делать все: от приготовления пищи на кухне, до столярных работ и ремонта двигателей. Мы только позднее узнали, что он прошел нелегкую выучку в Школе юнг на Соловецких островах, а в годы войны нес суровую службу на Северном флоте.

По приезде с сельхозработ он стал преподавать историю у нас в классе. Тот, кто близко был

Рис. 2. Г.Н. Матюшин после окончания педагогического института (ныне Башгосуниверситет)

знаком с Геральдом Николаевичем знает, с каким неподражаемым искусством он умел передать увиденное и услышанное. Речь его настолько увлекательна, что незаметно для себя начинаешь видеть мир его глазами.

Однажды на уроке истории Геральд Николаевич заговорил о науке археологии, которая изучает прошлое человечества, и что даже мы, школьники, можем внести в нее свой вклад. Это как-то не представлялось нам, первым его кружковцам.

Началась подготовка к «научной экспедиции». Мы учились чертить планы, ходили в Уфимский институт истории, языка и литературы БФАН СССР и знакомились с археологическими материалами, проводя камеральную обработку имеющихся там находок, учились фотографировать и делать многое другое, что умел Геральд Николаевич.

Его труды не пропали даром. В первый же год разведочных работ вокруг Уфы членами кружка было обнаружено более 20 археологических памятников, в числе которых мезолитические стоянки Романовка II и Юнар. После этого мы приняли участие во многих раскопках, проводимых на территории Южного Урала. В экспедициях он поддерживал дух романтики – гитара, костер, рассказы об археологии и годах войны. По утрам у нас был подъем настоящего морского флага, с военного тральщика, на котором служил Геральд Николаевич.

Его целеустремленность и работоспособность поражали нас и заряжали своей энергией. В то же время, в критических ситуациях, которые случаются в экспедициях, он был спокоен, рассудителен и собран. В конечном результате он выбирал самый верный вариант.

После экспедиции Геральд Николаевич загорелся идеей создать при школе археологический музей. Материала для экспозиции у нас накопилось достаточно, осталось найти помещение. Школа в то время была перегружена, учились в три смены. Он нашел выход, предложив организовать музей в пустующем под школой бомбоубежище. Три месяца ушло на подготовку музея. Побелка, покраска, изготовление стендов и витрин – все делалось своими руками. Получилось три зала: археологический, краеведческий и картинная галерея.

В 1964 г. вышла его первая книга «Археология в школе», где он обобщил опыт своей работы со школьниками по краеведению.

Совместная работа на Южном Урале с ленинградским ученым Лией Яковлевной Крижевской позволила овладеть азами методики раскопок памятников каменного века, особенно эпохи неолита и энеолита. Он участвует в раскопках Усть-Юрзанской и Усть-Айской стоянок, поселений на озерах Чебаркуль и Карагайлы. Принимает участие в экспедиции Отто Николаевича Бадера во Владимирской области, где велись раскопки палеолитических погребений и стоянки Сунгирь. Там Геральд Николаевич познакомился с известным антропологом Михаилом Михайловичем Герасимовым – создателем галереи скульптур по методу пластической реконструкции лица человека по черепу. Позднее М.М. Герасимов воссоздал облик неолитического человека с Давлекановской стоянки, которую исследовал Г.Н. Матюшин в Башкортостане.

В 1961-1964 г. Геральд Николаевич проходит аспирантуру в Институте археологии АН СССР и успешно защищает кандидатскую диссертацию «Мезолит и неолит Башкирии». По окончании аспирантуры он был оставлен в Москве, и до последних дней он сначала младший, затем старший и в последующем ведущий научный сотрудник

ник Института археологии АН СССР. Г.Н. Матюшин быстро обретает репутацию пытливого и энергичного исследователя древнего периода Южного Урала. Ему пришлось заниматься всеми разделами каменного века – от мезолита до энеолита. Он обнаружил множество стоянок этих периодов, но его основной заслугой является открытие и изучение памятников эпохи мезолита на Южном Урале, совершенно до него неизвестных науке.

Ему принадлежит смелая, но вполне обоснованная гипотеза о приходе мезолитических культур на Урал с Ближнего Востока, которую он выдвинул на основании сходства геометрической формы кремневых орудий на Урале, в Иране и Ираке. Кроме того, он предполагал, что вместе с орудиями подобного типа население могло принести с собой новую экономическую основу жизни – производящее хозяйство, земледелие и скотоводство. Спустя какое-то время на стоянках Давлеканово и Муллино II в Башкортостане были найдены кости домашних животных: козы, овцы, коровы, лошади. Научная гипотеза стала реальностью.

Изданная Г.Н. Матюшиным в 1976 г. монография «Мезолит Южного Урала» сохранила свое значение вплоть до наших дней. В свое время эта книга была признана как лучшая сводка по европейскому мезолиту на русском языке. Не менее значимы и изданные им монографии, посвященные неолиту и энеолиту Южного Урала, где он опубликовал весь имеющийся в его распоряжении богатейший археологический материал, полученный за многие годы полевых исследований.

В 1982 и 1986 гг. вышли его книги «У истоков человечества» и «Три миллиона лет до нашей эры». Эти книги написаны Г.Н. Матюшиным еще в 70-е годы долго лежали в издательстве и только благодаря поддержке крупнейшего советского генетика, академика Н.П. Дубинина вышли в свет. В них была изложена совершенно новая теория происхождения человека. Г.Н. Матюшин выдвинул теорию, что причиной появления человека на Земле вовсе не являлся труд, в отличие от теории Ф.Энгельса. Труд на самом деле является уже производным фактором, а первопричина – в создании мутагенной среды на африканском материке, где в результате мощной тектоники пришли в движение ураносодержащие отложения, усилившие радиационный фон.

Все это привело к слипанию двух хромосом и генным мутациям, что и вызвало рождение у обитавших в таких местах антропоидов особой популяции: двуногих и большеголовых мутантов-австралопитеков, которые и стали развиваться по человеческой линии и явились непосредственными предками человека. Эти существа взяли

в руки камень и сделали из него первое орудие, поскольку уже умели мыслить. Это произошло около 2,5 млн. лет назад. Несомненно, эти работы принадлежат перу широко мыслящего ученого с разносторонними научными интересами. Предложенная гипотеза заинтересовала не только российских биологов, генетиков, антропологов, но и вызвала живой интерес за рубежом.

Облик Г.Н. Матюшина как ученого был бы неполным, если не отметить его поистине неутомимый научно-популяризаторской деятельности, в качестве автора работ историко-краеведческого характера. В его книгах: «Археология в школе», «Яшмовый пояс», «Историческое краеведение» (три издания), «Археологический словарь» просматривался незаурядный талант популяризатора археологической науки, где живым и заинтересовывающим языком раскрываются сложные проблемы первобытной археологии. Его книги легко читаются с первой до последней страницы и заронили не в одной юной душе интерес к прошлому своего края.

Незаурядные способности организатора и неутомимая энергия позволила Г.Н. Матюшину сплотить большое количество ученых России и зарубежных коллег в творческое объединение археологов. Будучи руководителем Отделения истории и культуры Российской Народной Академии наук Г.Н. Матюшин провел большую работу по воссозданию Российского Археологического общества. Без государственной субсидии, без поддержки со стороны государства РАО, под руководством Г.Н. Матюшина, на общественных началах стало международным центром археологической науки. Для РАО он написал историю Российского Императорского Археологического общества, организовал 31 выпуск трудов «Древности».

Благодаря огромному организаторскому таланту Г.Н. Матюшина при Московской городской педагогической гимназии № 1505 был организован Археологический музей с оборудованным хранилищем, куда были помещены коллекции Хорезмской и Южно-Уральской экспедиций, имевших огромное историческое значение.

Близкие Геральда Николаевича знали, насколько широк был его кругозор, как много он читал, цепко удерживал в памяти, приспособливая к своим научным идеям полученные знания. В его огромной библиотеке, кроме археологической литературы на русском и иностранных языках, стояли книги современных политиков, дипломатов, литературной классики и книги современных писателей. Приходится только удивляться, как он успевал все это читать.

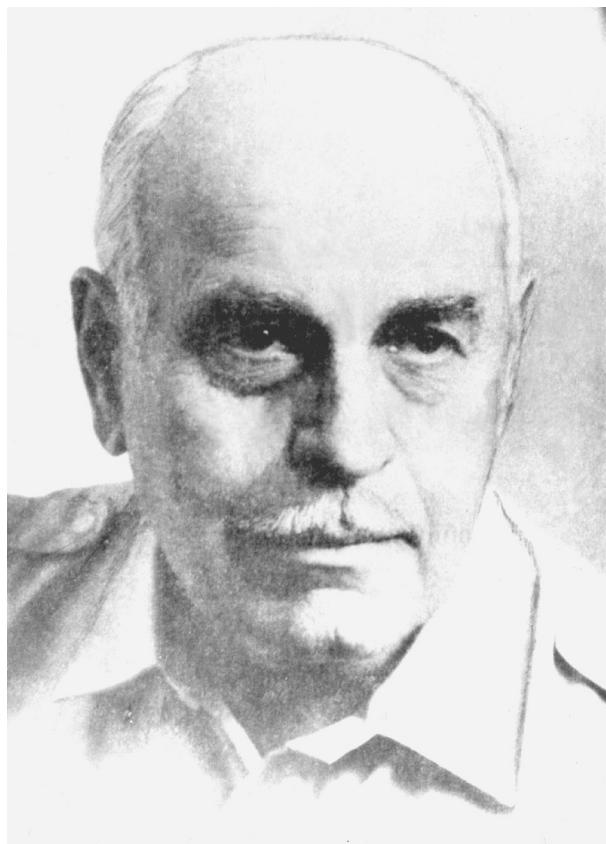

Рис. 3. Портрет Г.Н. Матюшина. 1995 год

Оставшаяся после него большая археологическая библиотека, благодаря пониманию близких ему людей и родственников, не была разобрана, а передана научным библиотекам Уфимского научного центра РАН и Башкирского государственного педагогического университета. Теперь эти книги еще долгие годы послужат ученым и студентам на его родине – Южном Урале, которую он любил всю свою жизнь.

В январе 2000 г., будучи уже тяжело больным, он прочитал свой последний доклад в Лондоне на археологической конференции в Кембриджском университете. Его выступление вызвало живейшую дискуссию в связи с тем, что многие западные археологи прекрасно знали его статьи и книги. В эти дни он посетил Стоунхендж, антропологический музей, музей Фицуильяма.

В сентябре этого же года, на 73 году его не стало. Такова многогранная научная деятельность Геральда Николаевича Матюшина – ученого археолога, популяризатора науки, автора 32 книг и более 200 статей, оставил глубокий след в изучении древнейшей истории своей Родины (рис. 3).

ГЕННАДИЙ ГАРУСТОВИЧ – КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ
В.А. Иванов

GENNADY GARUSTOVICH - WHO I KNOW HIM
V. IVANOV

Рис.1. Геннадий Гарустович (справа) в год нашего знакомства.
1983 г. Оренбуржье. М. Ежов и Г. Гарустович на раскопе.
Фото из архива автора

Когда долго, тесно, плодотворно работаешь с человеком, постоянно с ним общаешься, да и вообще – просто дружишь, то рано или поздно возникает вопрос, на который, как правило, трудно бывает ответить: а когда вы познакомились? Начинаешь копаться в памяти и никак не можешь вытащить из ее глубин ту самую дату – когда? Одно дело, если вы, как говориться, росли в одном дворе и в детстве бегали по одной и той же улице. Здесь все просто: о, да я его всю жизнь знаю! Другое дело, когда вы встретились и познакомились уже в более – менее зрелом возрасте. В этом случае решающими становятся такие факторы, как общность профессиональная, близость жизненных парадигм. То есть, ваша встреча и начавшееся затем многолетнее сотрудничество были предопределены Судьбой.

Вот с Геннадием Николаевичем Гарустовичем у нас именно так и произошло.

Наше с ним знакомство произошло летом 1983 года во время совместной экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне Ордена знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН), где я тогда работал, и Башкирского государственного педагогического института (ныне Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акмуллы). Это была археологическая полевая практика студентов-историков, руководил которой тогда доцент В.С.Горбунов, а Геннадий Гарустович являлся лаборантом кабинета археологии БГПИ. Работали мы в Оренбургской области (раскопки курганных могильников Студеный I и II, Белые Ключи, Тамар-Уткуль) в Илекском районе (рис. 1). Поскольку экспедиция была совместная, а в штатном расписании полевых отрядов ИИЯЛ специальной должности снабженца

Рис.2. Очередной Новый год середины 1980-х.
Слева направо: В.К. Федоров, Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов, С.В. Ульянов.
Фото из архива автора

и завхоза не предусматривалось, то Геннадию, как лаборанту, приходилось заниматься и полевой работой, и обеспечением экспедиции всем необходимым для нормальной жизни. И нужно сказать, ему иногда доставалось «на орехи» от руководителя студенческой археологической практики В.С.Горбунова. Мы стали лагерем в очень удобном и уютном, как нам казалось, месте: на поляне на берегу протоки р.Урал. Как оказалось вскоре, после дождей, хотя и редко, но случавшихся в тех краях, эта поляна становилась островом. Что и произошло в том году. На несколько дней мы оказались отрезанными от «материка». Главное, от дорог оказался отрезанным и наш экспедиционный автобус. Поэтому на раскоп нам приходилось ходить пешком за 11 км. Но главное, экспедиции каждый почти день нужен был хлеб. И вот здесь, конечно, Гене пришлось отдуваться по полной: мало того, что он a priori оказался «виноватым» в столь неловко выбранном месте, но ему пришлось в течение 3-4 дней пешком ходить «на материк» в сельпо и приносить по полному рюкзаку хлеба – едоков было много. В.С.Горбунов, как ответственный за исход практики и из педагогических соображений, перманентно был недоволен своим лаборантам, я, как его старый друг, внешне тоже как бы соглашался с ним.

Хотя, положа руку на сердце, Геннадий мне нравился. Прежде всего, тем, что он как-то сразу вписался в специфическую романтику степных

экспедиций. К тому времени у меня, как начальника экспедиционного отряда уже был опыт наблюдений, когда сотрудники экспедиции просто физически не выдерживали степного климата, и я был вынужден отправлять их домой. В Геннадии же мне как-то сразу понравилось то, что он, начав свою карьеру археолога-полевика на памятниках лесной полосы, буквально с первого же раза начал как-то чувствовать степь и полюбил ее. Я понимаю себя: тоже войдя в археологию через лес, я быстро адаптировался к степи. Ну, здесь что-то можно списать на гены: как-никак предки по отцу были степняками (казаками). Но откуда у Геннадия – наполовину белоруса, на половину русского, т.е. чистопородного лесного славянина – это чувство и понимание степи, до сих пор для меня загадка. Поэтому вполне понятно, почему до самого начала 1990-х годов (до того времени, пока полевые изыскания академических институтов финансировались вообще) мы с ним вместе колесили по степям Оренбуржья, Зауралья, Западного Казахстана и Поволжья.

Мобилен он был чрезвычайно. Поскольку до 1989 года мы с ним еще работали в разных учреждениях, мои экспедиции ему часто приходилось догонять уже в поле. И он это делал виртуозно: за один день он мог из Уфы догнать и найти нас в какой-нибудь степной глуби Оренбуржья. Вполне типичная для тех дней картина: дело идет к закату, мы заканчиваем очередной рабочий день на курганах и вдруг на

Рис.3. Середина 1980-х.

Что ждет впереди, мы пока не знаем, а потому вполне довольны ...

Слева-направо: В.К. Федоров, Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов,

С.В. Ульянов, В.А. Злыгостев.

Фото из архива автора

фоне заката где-то чуть ли не у горизонта появляется шагающая размеженным походным маршем фигура. Через некоторое время кто-нибудь из коллег, присмотревшись, воскликнул: «О! Да это же Геша Гарусто-о-ович!». И точно, это он и был. Разгрузившись и отдохнувши, он потом за ужином (со спиртом, ясное дело) с юмором рассказывал, как он добирался до нас где-то на рейсовом транспорте, где-то на попутках, а где-то и пешком, умудряясь, таким образом, за день преодолеть и 200, 300, а то и все 500 км.

Еще одно качество натуры Геннадия Гарустовича, единодушно отмечаемое всеми, кто его знает – коммуникабельность. Особенно отчетливо и выпукло проявлявшаяся опять-таки в экспедициях. Нужно отметить, что, как показывает мне мой жизненный опыт, именно полевая экспедиционная жизнь является прекрасным полигоном для установления и проверки человеческих отношений. Там, в непростых, а подчас и экстремальных условиях, когда ты 24 часа в сутки в течение месяца, а то и более живешь с человеком бок обок и в прямом смысле ешь из одного котелка, очень трудно, вообще невозможно играть какую-то роль. Хочешь того или нет, но раскро-

ешься быстро. Так вот Геннадий в этом отношении всегда находил общий язык с самыми разными группами участников экспедиции: со студентами и школьниками, с коллегами-сотрудниками и водителями, а когда было нужно – и с представителями местной «элиты»: заведующими колхозными бензозаправками, бригадирами и председателями колхозов. И я довольно быстро понял, почему это ему удавалось. Он ко всем относился, как говорится, по-человечески, через призму какого-то органично ему присущего гуманизма и альтруизма. А к более младшим – еще и через призму какой-то отеческой доброты (рис. 2-3).

В частности, наши экспедиционные вечера мы традиционно коротали у костра с песнями под гитару. Традиция, напрочь забытая в модернистском XXI веке. Геннадий был не только обязательный участник этих посиделок, но и их инициатором. Он знал и любил несчетное количество бардовских, русских народных, военных песен, а главное, в наших экспедициях он просто не представлял, как это – закончить очередной день без песен. Заканчивались такие посиделки обычно далеко за полночь вследствие посте-

Рис.4. Раскопки Линевского могильника в Оренбуржье. 1987 год.

Слева-направо: В.А. Кригер (археолог из Волгограда), Тивадар Вида (венгерский археолог),
В.Н. Васильев, В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович

пенного ухода их участников по палаткам спать. Я, как начальник отряда, обычно перед сном обходил уже спящий лагерь и всегда заставал одну и ту же картину: у погасшего почти костра несколько силуэтов – кто-то из молодых ребят и девчонок и Гена, облаченный в свой экспедиционный узбекский халат (подарок тестя, профессора и академика Зиннура Газизовича Ураксина), с неизменной сигаретой, что-то рассказывает ребятам из истории археологии. Мое появление или прекращало импровизированную лекцию, или, что тоже случалось часто, придавало ей новый импульс, поскольку Гена включал меня в процесс (рис. 4).

Рассказчик он, нужно подчеркнуть, был отличный. Прежде всего, потому, что сам всегда увлекается темой и волей-неволей увлекает этой темой слушателей. А поскольку много читал и обладал великолепной памятью, то и рассказы его получались и увлекательными, и живыми. И кстати, эта его память, хранящая сотни имен, событий, сюжетов, до сих пор вызывает у меня восхищение. Я и наши коллеги часто обращались к нему с просьбами вспомнить и подсказать, где и когда тот или иной исследователь опубликовал тот или иной материал (естественно, если речь идет об общих для нас с ним темах).

Впрочем, я далек от мысли написать портрет «белого и пушистого» Гарустовича. Тем более что таковым он и не являлся. Взять хотя бы его,

можно сказать, принципиальную приверженность к собственным привычкам. В экспедициях, да и в межэкспедиционное время многим из нас не нравилась (а подчас и возмущала) его привычка поздно ложиться спать и, соответственно, поздно вставать. Геннадий, как человек глубоко порядочный и искренний, всегда сразу предупреждал, что он по натуре «сов», а потому просит принимать это как данность. И у нас в поле всегда возникала проблема перед выходом на раскоп не забыть предупредить дежурных оставить Геннадию Николаевичу завтрак, ибо просыпался он как раз где-то посередине времени между началом утренней работы и перерывом на обед (правда, чаще всего оказывалось, что его поздний завтрак ограничивался кружкой черного кофе и сигаретой). Но! Выпив свой кофе и выкурив традиционную сигарету, он тут же отправлялся на раскоп и работал за двоих. Часто задерживаясь на раскопе, чтобы завершить до обеда начатую им работу. А когда мы уже вместе работали в ИИЯЛ (с 1989 г.), заведующий нашим отделом археологии А.Х. Пшеничнюк вынужденно (награждая при этом Геннадия непечатными эпитетами) задерживал начало очередного заседания отдела до тех пор, пока « сова» Гарустович не приезжал в институт.

Еще одна «странность» Геннадия, доставлявшая немало хлопот дежурным по кухне в экспедициях – его органическое неприятие лука.

Он не то, что не ест его вообще, он запаха лука не переносит. Поэтому при готовке дежурным предписывалось, прежде, чем заправить суп луком, отлить порцию для Гарустовича. Если они забывали это сделать, за столом обязательно раздавался обиженный возглас: «Ну, ребята, ну я же просил отлить мне порцию отдельно!» Тарелку он, естественно, отставлял, я про себя тихо матерился, а бедные дежурные, смущенно переминаясь, спешили предложить ему сразу второе или приготовить что-то отдельно. Правда, Провидение однажды изрядно подшутило над этой его привычкой. Во время Зауральской экспедиции 1991 года нам пришлось заночевать в одной деревне в избушке пастухов (лето выпало дождливым с холодными ночами). Избушка была об одну комнату, а Гена не выносит духоты. Поэтому спать он устроился в спальнике на крыльце. Наутро он был мрачен, ибо выяснилось, что он всю ночь не сомкнул глаз из-за преследовавшего его запаха лука. Мы сочли это «бзиком» – откуда тут на улице запах лука. И только перед самым отъездом увидели, что накануне вечером дежурные на крыльце чистили и резали овощи и луковую шелуху бросали под крыльцо. Вот Гена над ней и «выспался».

Очень трудно было (да и есть) переубедить Геннадия в его мнении относительно того или иного человека или той или иной ситуации. Будь то взгляд на научную проблему или оценка социальных или политических событий. В этом отношении постоянно вспоминаю один достопамятный случай. Недоброй памяти август 1991 года. Мы в экспедиции в восточном Оренбуржье. 19 августа проходит под музыку «Лебединого озера» (кроме транзисторного приемника никакой связи с внешним миром у нас не было) и только к вечеру случайно от проезжавшего мимо нашего лагеря местного жителя узнаем о событиях в Москве. Что делать? Мысль одна – сворачивать работы, благо экспедиция уже подходила к концу, и двигать домой, к семьям. Каким-то Божиим промыслом случилось так, что в течение нескольких полевых сезонов нашим экспедиционным флагом был именно «триколор».

В принципе, это тоже было не случайно, поскольку русофильство с примесью монархизма и «белогвардейщины» – еще один пункт, связывающий нас с Геннадием. Но в той, пока еще непонятной для нас ситуации кое-кому из членов нашего отряда показалось за благо снять «триколор», как говориться, от греха подальше. Пока я, в частности, прикидывал, как оно лучше, Геннадий жестко заявил, что он никого не подпустит к флагу до тех пор, пока лагерь не будет окончательно свернут. Так оно и получилось. А потом мы ехали в Уфу, ночевали в поле на брезентах, расстеленных возле автобуса, обсужда-

ли, как могли в условиях отсутствия информации, ситуацию и возможный ее исход. И опять помню рассуждения Гены о том, что, в случае победы «коммуняк», нужно найти тех людей, которые будут вести борьбу с ними вплоть до партизанской и примкнуть к ним. Слава Богу, ничего этого не понадобилось. Зато понадобилось много-много лет для того, чтобы убедиться в том, какие мы тогда были наивные дурачки ... Как, впрочем, и большинство граждан нашей Родины, поверивших в искренность тогдашних политиков-лицемеров.

Впрочем, надо сказать, что чего-чего, а наивно-романтического отношения к жизни у нас у всех было с избытком. Достаточно вспомнить нашу – Геннадия, нашего друга Айдара Ямнова и мою – «хуторскую авантюру» начала 1990-х годов. С подачи Айдара (ныне, увы, покойного), который детство провел в своей родовой деревне Новобалтачево в Чекмагушевском районе Башкирии, где в то время еще жила его тётушка Фирдависа-апа и лето проводила его семья – жена Светлана и сын Руслан – мы вдруг решили обзавестись там землей. Тогдашний председатель тамошнего колхоза (он по возрасту был помоложе нас) легко выделили нам три участка по 20 соток в бессрочную аренду на окраине д. Резяпово, в 10 км от Новобалтачево. Место, конечно, было живописное: окраина деревни, что-то вроде пруда, березки, в общем – что-то чеховское. От Уфы, правда, вся эта прелесть находилась на расстоянии более 100 км, а машины ни у кого из нас тогда не было и в помине. Участки свои мы распахали-разбороили и посадили там, для начала, знаменитую новобалтачевскую картошку, которой нас снабдила добрая тётушка Фирдависа-апа. И ... уехали в очередную экспедицию. Правда, где-то через месяц, мы с Геной приехали на наши угодья, окучили уже довольно высокую картошку, переночевали в Новобалтачево у его тётушки и жены, свалившись пыльные и грязные, как снег на их головы, и снова уехали в наши археологические « поля ». Торжественная поездка за сбором урожая произошла уже в сентябре: на двух машинах – тестя Геннадия профессора Зиннура Газизовича Ураксина и нашего друга Михаила Ежова – с мешками мы приехали собирать урожай. Среди выросшей в человеческий рост лебеды мы, конечно, выкопали где-то 3-4 мешка весьма некрупной картошки. На чем наше «хуторянство-фермерство» и закончилось.

Вообще Геннадий – это настолько учений муж-археолог, что наука для него – всё. Я-то, например, уже годам к 30-ти понял, что не только археологией жив человек. У Гены всё было по-другому. Метеором по небосклону мелькнуло его садоводство – мы с ним вдвоем складывали сруб для дома на его садовом

Рис.5. Через тридцать лет ... 2010 год.
Слева-направо: М.А. Маннанов, Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов.
Фото из архива автора

участке в Авдоне, который так, по-моему, и остался недостроенным. А затем и сам участок ушел из его жизни, поскольку он просто отвлекал его от археологии. И уже где-то к 40 годам его жизни для всех для нас было ясно, что Гена = археология = Гена. И не более того.

И вот тут на первый план выступает самое его сущность: потрясающая воображение работоспособность и трудолюбие. Об экспедициях много писать не буду. Там он в любое время делал всё, что только было нужно и возможно: работа на раскопе с лопатой, разведки пешком и верхом на лошади. Последние мы часто с ним проводили вместе. И это надо было видеть, как «отмотав» 40-50 км в седле, на следующий день он, лежа на животе на спальном мешке (сидеть, по вполне понятным причинам он не мог физически), Гена приводил в порядок планы и описания памятников, сделанных накануне.

Полевое межсезонье для него – это было чтение литературы и работа в архивах с отчетами. Я не помню, чтобы кто-то из нас прорабатывал такое количество археологических публикаций, как Геннадий. Целыми сумками он увозил из библиотеки книги с тем, чтобы уже через неделю поменять одну кипу книг на другую. А если представить, что сканеров тогда не было и в помине, а ксероксы появились довольно поздно, то можно только удивляться, сколько выписок и конспектов он успевал сделать за неделю. Ог-

ромное количество папок с этими конспектами до сих пор вызывает у меня изумление. И что поражает – он помнил содержание практически каждой папки.

Впрочем, пора остановиться. Клубок воспоминаний можно разматывать ещё очень долго. Библиографию его трудов приводить не буду, но хочу обратить внимание на его основные, на мой взгляд, достижения. Своей кандидатской диссертацией, защищенной в 1998 г., он расширил территориальные границы чияликской археологической культуры и фактически подвел археологический фундамент для начальных этапов этногенеза башкир [Гарустович, 1998; 2015, с.181-198]. При его самом активном участии (а фактически – им самим) создана самая на сегодняшний день полная история поиска и изучения памятников средневековых кочевников Среднего Поволжья и Южного Урала и введены в научный оборот материалы, многие годы разбросанные по различным хранилищам или малодоступным изданиям [Гарустович и др., 1998; 2014]. При его активном участии (скажу больше – по его инициативе) был исследован и введен в научный оборот уникальный памятник золотоордынской эпохи в Приуралье – Брик-Алга [Гарустович и др., 2005; 2012].

И конечно же о чем никак нельзя не упомянуть – это вклад Г.Н. Гарустовича в сохранение исторической памяти башкирского народа.

В данном случае я имею в виду проведенные им археологические исследования мавзолеев (кэшэнэ) в Чишминском районе Башкортостана, благодаря которым одна из самых почитаемых

святынь мусульман Южного Урала – кэшэнэ Хусейнбека – обрела свое реальное историческое содержание [Гарустович, 1995]. Одним словом, сделано немало (рис. 5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарустович Г.Н. Население волго-уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.

Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Уфа, 1995. Вып.1.

Гарустович Г.Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // УАВ. 2015. Вып. 15. С.181-198.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX-XV вв. н.э.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье. Уфа: Tay, 2005. 152 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКБ – Археологическая карта Башкирии. М., 1976
- АН СССР – Академия наук СССР
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
- БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
- БНЦ УрО АН СССР – Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР
- ИАК – Императорская Археологическая комиссия
- ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
- ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
- ИИЯЛ БФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР
- ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
- МИАР – Материалы и исследования по археологии России
- МН-АН РК – Министерство наук – Академия наук Республики Казахстан
- ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
- РА – Российская археология
- СОИКМ им. П.В. Алабина – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
- УАВ – Уфимский археологический вестник
- ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Владимир Александрович	д.и.н., профессор. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа) E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru
Мосин Вадим Сергеевич	д.и.н., профессор кафедры «Древняя история и этнология Евразии» ЮУрГУ, директор Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН (Челябинск) E-mail: mvs54@mail.ru
Берсенева Наталья Александровна	к.и.н., ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН (Челябинск). E-mail: bersnatasha@mail.ru
Тайров Александр Дмитриевич	д.и.н., директор Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ (Челябинск) E-mail: sarmat-2007@mail.ru
Епимахов Андрей Владимирович	д.и.н., главный научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ (Челябинск) E-mail: epimakhovav@susu.ru; eav74@rambler.ru
Савельев Никита Сергеевич	канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа) E-mail: sns_1971@mail.ru
Грудочки Иван Валерьевич	младший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ (Челябинск) E-mail: grudochkoivan@mail.ru
Гарустович Геннадий Николаевич	к.и.н., старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа)
Акбулатов Ильдар Мударисович	к.и.н., доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (Бирский филиал) (Бирск) E-mail: akbulat@mail.ru
Злыгостев Валерий Анатольевич	независимый исследователь-историк E-mail: s.zlygosteva@mail.ru
Морозов Юрий Алексеевич	к.и.н., старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа) E-mail: morozovua1941@gmail.com

ISSN 1814-1692 УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. 2017. Выпуск 17